

Архимандрит Лазарь (Абашидзе)

ГОЛОС
ЗАБОТЛИВОГО
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Учение о послушании
святителя Игнатия,
епископа Кавказского,
в свете аскетического опыта
святых отцов последних веков

АРХИМАНДРИТ ЛАЗАРЬ
(АБАШИДЗЕ)

ГОЛОС ЗАБОТЛИВОГО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

*Учение о послушании
святителя Игнатия, епископа Кавказского,
в свете аскетического опыта святых отцов
последних веков*

По благословению
Епископа Саратовского и Вольского
ЛОНГИНА

Лазарь (Абашидзе), архимандрит.

Л17   Голос заботливого предостережения. Учение о послушании святителя Игнатия, епископа Кавказского, в свете аскетического опыта святых отцов последних веков. — Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2010. — 303 с.

ISBN 978-5-98599-069-0

Настоящая книга известного церковного писателя *архимандрита Лазаря (Абашидзе)* — это ответ на работу афонского иеромонаха *Доримедонта (Сухинина)* «Учение святителя Игнатия Брянчанинова о послушании в свете Святоотеческого Предания» (М., 2002). Автор рассматривает труд отца Доримедонта и сравнивает его со святоотеческим Преданием, а также с аскетическим опытом отцов последней эпохи — как святителя Игнатия, так и некоторых старцев Афона (на которых ссылается афонский инок).

ББК 86.372

ISBN 978-5-98599-069-0

© Архимандрит Лазарь
(Абашидзе), 2010

© Издательство Саратовской
епархии, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди книжных полок, которые занимают стену моей келии, одна полностью отдана творениям святителя Игнатия Ставропольского. Все чаще меня притягивает к себе именно эта полка. И время, и жизнь наша все убедительнее свидетельствуют, что именно в этих книгах можно обрести верное, самое обстоятельное разрешение многих смущающих нас сегодня вопросов. Труды святителя Игнатия я стал читать почти сразу же, как пришел в обитель двадцать пять лет тому назад, и сегодня даже представить не могу, что бы я делал и как видел окружающую меня реальность, если бы в свое время не открылся мне аскетический опыт духовной жизни святого епископа Игнатия. В то время имеющиеся в библиотеке обители книги святителя были ксероксными перепечатками, тяжелыми и громоздкими, так что при чтении занимали собой половину стола, но и это была тогда такая счастливая находка! Теперь уже труды этого святого отца стоят на полках, скорее всего, в каждой православной библиотечке, как монастырской, так и домашней, красивыми, стройными рядами. Конечно, для меня как для человека, который в 80-х годах XX века пришел в единственный в ту пору действующий в Грузии монастырь (притом только что открывшийся), особенно ценно было и остается «Приношение современному монашеству» святителя Игнатия. Эта книга стала для меня чудным откровением, мне

казалось, что она написана прямо для меня, казалось, что один из последних великих отцов Церкви через пропасть забвения и расторжения духовной преемственности протягивает мне свою крепкую руку, желая поддержать и направить по безопасному пути.

В то время немного книг стояло в книжном шкафу нашей маленькой обители. Теперь же каждую новоприобретенную книгу едва удастся втиснуть в плотно заставленные ряды полок. Вот уже одна полка до отказа заполнена житиями, поучениями, наставлениями о монашеской жизни подвижников афонских — отцов XX века, самых близких нам по времени. Это уже несколько иная школа, несколько иное понимание духовного делания, приличествующего монашеству нашего времени, чем у святителя Игнатия. К настоящему моменту и в Грузии, и в России открылось много обителей, да и сейчас мы часто узнаем, что там или здесь открывается новый монастырь. И все эти возродившиеся братства оказываются перед выбором: где брать образец монашеской жизни, на чей опыт ориентироваться? Сегодня многие внимательно смотрят на Святой Афон, заимствуют от духовной школы афонитов пример для своего монашеского жития. Увлекаясь всеобщим воодушевлением, энергичной деятельностью по возрождению забытых традиций, порой начинаешь сомневаться в объективности учения Игнатия (Брянчанинова), кажется, что оно чрезмерно осторожно в отношении большинства монашеских деланий, что многое в нем преувеличено и может иметь место только в некоторых частных обстоятельствах. Сегодня уже нередко ставится под сомнение и взгляд святителя на образ современного монашеского послушания. Вот на полке находится книжка, описывающая жизнь афон-

ского подвижника Ефрема Катунакского (†1998)¹. Основная тема этой книги — учение о послушании и понимание этого монашеского подвига, каким он может быть сегодня, — представлено здесь совершенно иначе, чем у святителя Игнатия. В житии описываются современные примеры крайне самоотверженного, даже «слепого» последования послушника воле своего наставника. Но, может быть, святитель Игнатий учил об осторожности в послушании, исходя лишь из духовного положения современного ему русского монашества, или, может быть, это его духовное «приношение» адресовано только современному ему самому монашеству, а нам при возрождении монашеской жизни мало чем может послужить, а то и вовсе навредит?

Вот здесь на полке в моей келии едва заметна небольшая брошюра, написанная совсем недавно на Святом Афоне русским иеромонахом Доримедонтом, которая называется «Учение святителя Игнатия Брянчанинова о послушании в свете Святоотеческого Предания»². В этой книжечке находим такое суждение: «Сравнивая учение святителя о послушании с хранимым на Святой Горе святоотеческим опытом послушания, необходимо признать, что мнение святителя с этим опытом расходится. Беспристрастный анализ этого мнения в свете общего святоотеческого Предания приводит к выводу, что в православной аскетике мнение святителя является единичным. ...Из трудов

---

¹ *Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник. Жизнеописание старца Ефрема Катунакского. М., 2004.*

Далее примечания без подписи принадлежат автору книги — архимандриту Лазарю. — *Ред.*

² *Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия Брянчанинова о послушании в свете Святоотеческого Предания. М., 2002. 64 с.*

святителя видно его опытное незнание аскетического делания послушания старцу. Об этом незнании свидетельствуют многочисленные несогласуемые противоречия по вопросу о послушании на страницах его сочинений»³.

В своей брошюре отец Доримедонт как раз и старается выявить это «расхождение мнения» святителя Игнатия со святоотеческим Преданием и, в частности, с «хранимым на Святой Горе святоотеческим опытом послушания». Работа эта оканчивается рядом цитат из поучений о послушании старцев Афона: Иосифа Исихаста, Ефрема Катунакского и отца Паисия. Эти цитаты как бы противопоставляются учению о послушании святителя Игнатия, они как бы опровергают мнение святителя о том, что ныне подвиг послушания старцу не может осуществляться в том же виде, что и в древности. Автор брошюры, отец Доримедонт, делает однозначный вывод о том, что предпочтение необходимо отдать опыту отцов Афонских как верных последователей древним святым отцам.

Таким образом, у меня на полке невдалеке друг от друга стоят две книги, которые учат по-разному об одном и том же предмете, весьма и весьма важном не только для иноческих братств, но и для христиан, спасающихся посреди мира. Попробуем же рассмотреть труд отца Доримедонта и сравнить его со святоотеческим Преданием, а также с аскетическим опытом отцов последней эпохи — как святителя Игнатия, так и некоторых старцев Афона (на которых ссылается отец Доримедонт) — и рассудить: отвечает ли он духу этого Предания и этого опыта.

---

³ *Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 4.*

«ГОЛОС ЗАБОТЛИВОГО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ»

В самом же начале «Приношения современному монашеству» святитель Игнатий говорит, что он желает этим трудом «подать голос отцам и братьям, **голос заботливого предостережения**. Так поступает путешественник, претерпевший страшные бедствия в многотрудном и продолжительном путешествии! Свои заметки, драгоценное сокровище, он передает тем, которые намерены предпринять подобное путешествие, или уже вступили в путь, не зная его или ознакомься с ним лишь поверхностно по описаниям устаревшим. Здесь указаны изменения... не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние; здесь указано, каким образом должно пользоваться писаниями древних и применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которое поставляется всякий не понявший и не приметивший необходимости применения»⁴.

«Приношение...» начинается с «Правил наружного поведения для новоначальных иноков». Уже во втором правиле говорится об иноческом послушании: «...всякий, вступивший в монастырь, обязывается упражняться не в тех подвигах и трудах,

---

⁴ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Творения: [В 7 т.]. Т. 5: Приношение современному монашеству. М., 1993. С. IV–V.*

которые кажутся самому ему нужными и полезными, но в тех, которые будут ему указаны и назначены настоятелем лично или при посредстве других монастырских властей». «Все монастырские упражнения и должности называются послушаниями. Послушания должно проходить со всею тщательностию, с строгим хранением совести, веруя, что такое прохождение послушаний необходимо для нашего спасения. Монастырские занятия потому и называются послушаниями, что они соединены с отречением от своей воли и от своих разумений. По этой причине при исполнении послушаний совесть подвергается непрестанным опытам. Последствием упражнения в послушаниях бывают: истинное смирение и духовный разум. Произвольные труды, совершаемые по самомнению или прихоти, особенно с отвержением покорности, как бы ни были велики, не только не приносят никакого духовного плода, но, напротив того, будучи сами последствием самомнения и гордости, чрезвычайно усиливают эти страсти в иноке, совершенно отчуждают его от христианского благодатного образа мыслей, то есть от евангельского смиренного мудрия. Преподобный Кассиан говорит: «Главнейшая забота старца, которому поручены новоначальные, состоит в том, чтоб новоначальный, во-первых, научился побеждать свои воли, посредством чего он, вводимый постепенно, мог бы взойти на верх высочайшего совершенства. Приобучая его к сему со всею тщательностию и прилежанием, старец намеренно старается всегда приказывать ему то, что противно его воле. Египетские великие отцы утверждают,

будучи изучены многими опытами, что монах, в особенности юный, будет не в силах обуздать самых похотений вожделения, если прежде не обучится умерщвлению своих волей посредством послушания. Они решительно свидетельствуют, что тот, кто не научился прежде побеждать свои воли, никак не возможет погасить ни гнева, ни печали, ни духа любодеяния, не возможет стяжать ни истинного сердечного смирения, ни всегдашнего единения с братьями, ни даже пребыть долго в общежитии»⁵.

В письмах святителя мы также встречаем немало наставлений о необходимости послушания, отсечения своей воли, откровенности перед духовным наставником.

«Распнись на кресте послушания, творя единственно повелеваемое тебе, а отнюдь не увлекаясь твоими собственными ощущениями и рассуждениями, хотя бы они по видимому и казались бы добрыми и хорошими»⁶. «...Не смущайся действующими в тебе бранями, сопряженными с тягостию, омрачением и унынием. Таким браням обыкновенно подвергаются все пришедшие от долговременной самочинной жизни к послушанию. Понуждай себя к простоте и откровенности пред старицею... Понуждай себя и паки понуждай... Твое спасение единственно от твоей откровенности пред старицею. Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного,

---

⁵ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение...* С. 8–9.

⁶ *Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского / Сост. игумен Марк (Лозинский). М.; СПб., 1995. Письмо 136. С. 238.*

а пребудешь плоть и кровь»⁷. «Как видно из жития святых отцов, подобным твоему искушению подвергаются те иноки, которые слабо противостоят брани самоволия и самосмышления, не исповедуя своих помышлений старцу и вверяясь бесу, показывающему ему в старце такие недостатки, коих в нем вовсе нет»⁸. «...По прочтении книги св<ятого> аввы Дорофея Вы увидели, сколько отклонились Вы от пути истинного. Но это бывает со всеми, кто переходит от жизни самочинной к Христоподражательному послушанию. Таковой, по словам св<ятого> Иоанна Лествичника, *“слеп бе и прозре”*»⁹.

В статье «О существенном делании монаха» святитель говорит, что «приуготовительное обучение к непрестанной молитве совершается посредством послушания и упражнения в монастырских трудах, как сказал преподобный Филимон: “Бог хочет, чтоб мы являли наше тщание к Нему сперва в трудах, потом в любви и непрестанной молитве”. Ничто так не способствует молитве, как послушание, умерщвляющее нас для мира и для самих себя. “Великое благо молитвы проистекает из послушания”, — сказал преподобный Симеон Новый Богослов»¹⁰. В «Приношении современному монашеству» епископ Игнатий к первому образу борьбы с падшими ангелами относит «немедленное исповедание помыслов и мечтаний старцу»: «Исповедание своих помыслов и руководство советом духоносного старца древние иноки при-

⁷ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 143. С. 242.

⁸ Там же. Письмо 144. С. 242–243.

⁹ Там же. Письмо 84. С. 163.

¹⁰ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Сочинения: [В 7 т.]. Т. 2: Аскетические опыты. М., 1989. С. 158.*

знавали необходимостью, без которой невозможно спастись. <...> Наставления духоносного старца постоянно ведут новоначального инока по пути евангельских заповедей, и ничто так не разобщает его с грехом и началом греха — демоном, как постоянное и усиленное исповедание греха в самых его началах. <...> Те иноки, которые не могли действовать против греха постоянною и учащенною исповедью греховных помыслов по неимению старца, действовали против него постоянною и учащенною молитвою...»¹¹. В жизнеописании святителя Игнатия, составленном ближайшими его учениками и сподвижниками, рассказывается, что сам он «обладал в совершенстве» «способностью принимать исповедь помыслов», «многосторонняя опытность, глубокая пронизательность, постоянное и точное самонаблюдение делали его искусным в целении душевных струпьев». «Несмотря на свою болезненность, он принимал на себя труд ежедневно выслушивать исповедь помыслов, у учеников его было даже обыкновение вести дневную запись их, и они открывали свои помыслы чистосердечно, с прямою, потому что старец был способен принимать такую исповедь бесстрастно. Польза от исповеди помыслов была для всех очевидна»¹².

Итак, мы видим, что святитель Игнатий придает огромное значение подвигу монастырского

¹¹ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение...* С. 338–339.

¹² *Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. М., 2002. (На обложке: «Полное жизнеописание святителя Игнатия, епископа Кавказского»).* С. 157, 158.

послушания, отсечения своей воли, откровения помыслов духовному наставнику. Но в некоторых главах «Приношения...» раздается именно «голос заботливого предостережения». Так, в главе «О отшельнической жизни» святитель Игнатий предупреждает нас, что «возвышеннейшие роды иноческого жительства, как то: отшельничество в глубокой пустыне или безмолвие в затворе, также жительство при духоносном старце с безусловным послушанием ему — устроились не по случаю, не по произволу и разуму человеческому, но по особенному смотрению, определению, призванию и откровению Божиим»¹³. В следующей главе «О жительстве в послушании у старца» говорится: «То, что сказано об отшельничестве и затворе, должно сказать и о послушании старцам в том виде, в каком оно было у древнего монашества: такое послушание не дано нашему времени. Преподобный Кассиан Римлянин говорит, что египетские отцы, между которыми особенно процветало монашество и приносило изумительные духовные плоды, “утверждают, что хорошо управлять и быть управляемым свойственно мудрым, и определяют, что это — величайший дар и благодать Святаго Духа”. Необходимое условие такового повиновения — духоносный наставник, который бы волею Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти. Падшая и растленная воля человека заключает в себе стремление ко всем страстям. Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею

---

¹³ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение...* С. 55.

Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще поработен страстям. “Если ты хочешь отречься от мира, — говорил святой Симеон Новый Богослов современным ему инокам, — и научиться евангельскому житию, то не предай (не поручи) себя неискусному или страстному учителю, чтоб не научиться вместо евангельского жития — диавольскому житию: потому что благих учителей и учительство благое, а злых — злое; от лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды. Всякий, невидящий и обещающийся наставлять других, есть обманщик, и последующих ему ввергает в ров погибели, по слову Господа: **Слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут** [ср.: Мф. 15, 14]¹⁴”. При другом случае этот великий [угодник] Божий, советуя иноку действовать по указанию духовного отца, присовокупляет: “однако да поступает так только в таком случае, когда знает, что духовный отец его — причастник Духа, что он не будет говорить ему противоположного воле Божией, но по дарованию своему и по мере повинующегося возглаголет угодное Богу и полезное для души, чтоб не оказаться повинующимся *человеку, а не Богу*”. В этом смысле завещает и Апостол: **не будите раби человеком** [1 Кор. 7, 23]. Он повелевает самое служение слуг господам совершать духовно, а не в характере *человекоугодников*, но в характере *рабов Христовых*, творя *волю Божию* в наружном служении человекам [ср.: Еф. 6, 6]. *Ныне*, говорит Апостол, *человеки препираю или Бога? или ищу человеком угождати? Аще бо бых еще*

¹⁴ Здесь и далее внутри цитат в квадратные скобки заключены вставки и пояснения автора или редактора. — *Ред.*

человеком угождал, Христов раб не бых убо был [Гал. 1, 10]. *Не весте ли, яко емуже представляете себе рабы в послушание* — человеку плотского мудрования или Богу — *раби есте, его же послушаете, или греха* и плотского мудрования *в смерть, или послушания в правду* Божию и во спасение [ср.: Рим. 6, 16]. Послушание образует повинующегося по образу того, кому он повинуется: *зачинаху овцы по жезлом*, говорит Писание [Быт. 30, 39]. Те старцы, которые принимают на себя роль... — употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтоб точнее объяснить дело, которое, в сущности, не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия, — старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании, суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода в наставляемом ими. Их неправильное и недостаточное настроение только в течение некоторого времени может оставаться незаметным руководимому ими неопытному новонаначальному, если этот новонаначальный сколько-нибудь умен и занимается святым чтением с прямым намерением спасения. В свое время оно должно непременно раскрыться и послужить поводом к неприятнейшей разлуке, к неприятнейшим отношениям старца с учеником, к душевному расстройству того и другого. Страшное дело — принять, по самомнению и самовольно, на себя обязанности, которые можно

исполнять только по велению Святаго Духа и действием Духа; страшное дело — представлять себя сосудом Святаго Духа, между тем как общение с сатаною еще не расторгнуто и сосуд не престаёт оскверняться действием сатаны! Ужасно такое лицемерство и лицедейство! Гибельно оно для себя и для ближнего, преступно пред Богом, богохульно. <...> Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола».

«В руководителя поведению нашему дан нам Самим Богом Закон Божий, то есть Священное Писание и писания отеческие. Апостол Павел решительно говорит: ***Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучаться вам от всякаго брата, безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияха от нас*** [2 Фес. 3, 6]. Преданием здесь названо нравственное Предание Церкви. Оно изложено в Священном Писании и в писаниях святых отцов. Преподобный Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, сожительство с которым оказывается душевредным, очевидно, по нарушению этим старцем нравственного Предания Церкви. Иное дело, когда нет душевного вреда, а только смущают помыслы: смущающие помыслы, очевидно, бесовские; не надо им повиноваться, как действующим именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас. Иноческое послушание, в том виде и характере, как оно проходило в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постигание его и полное подражание ему соделались для нас

невозможными: возможно одно благоговейное благоразумное рассматривание его, возможно усвоение духа его. Тогда мы вступим на путь правильного суждения и душеспасительного благоразумия, когда, читая опыты и правила делания древних отцов — послушания их, равно дивного и в руководителях, и в руководимых, — увидим в современности общий упадок христианства, сознаемся, что мы неспособны наследовать делание отцов в полноте его и во всем обилии его. И то — великая милость Божия к нам, великое счастье для нас, что предоставлено нам питаться крупичами, падающими с духовной трапезы отцов. Эти крупичи не составляют собою удовлетворительнейшей пищи, но могут, хотя не без ощущения нужды и голода, предохранить от душевной смерти»¹⁵.

В следующей главе «Приношения...», озаглавленной «О жительстве по совету», говорится: «Крупичами названо в предшествовавшей главе духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени. Оно основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов, при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братьев. В собственном смысле, это — послушание древних иноков, в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной. Древним послушникам их духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию; ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и по-

---

¹⁵ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 71–75.*

грешностям. Тогда преуспеяние было быстрым по свойству делания; ныне оно косо опять по свойству делания. Таково благоволение о нас Бога нашего, мы обязаны покорствовать ему и с благодарением благоговеть пред ним. Наше современное иноческое жительство по Писанию и совету отцов и братий освящено примером главы монашества, преподобного Антония Великого. Он не был в послушании у старца, но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братий: у одного научался он воздержанию, у другого — кротости, терпению, смирению, у иного — строгой бдительности над собою, безмолвию, стараясь усвоить себе добродетель каждого добродетельного инока, всем оказывая по возможности послушание, смиряясь пред всеми и молясь Богу непрестанно. Поступай и ты, новоначальный, таким образом! Оказывай настоятелю и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братиям в их приказаниях, не противных Закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братиями; но усваивай себе советы их с крайнею осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя! По страстности и слепоте твоей иной страстный и зловредный

совет может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоим или потому, что он угождает какой-либо сокровенной, неведомой тобою, живущей в тебе страсти. С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтоб Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле, твоей или ближнего твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуясь с Евангелием».

«“Изучай Божественное Писание,— говорит Симеон Новый Богослов,— и писания святых отцов, особливо деятельные, чтоб с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и [старца], ты мог их видеть (это учение и поведение), как в зеркале, и понимать; согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей”. Преподобный Симеон жил в десятом столетии по Рождестве Христовом, за девять веков до нашего времени: вот уже когда раздался голос праведника в Святой Христовой Церкви о недостатке истинных духоносных руководителей, о множестве лжеучителей. С течением времени более и более оскудевали удовлетворительные наставники монашества; тогда святые отцы начали более и более предлагать руководство Священным Писанием и писаниями отеческими. Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на отцов, писавших прежде его, говорит: “Не малый подвиг, сказали они, найти непрелестного учителя сему чудно-

му деланию (истинной иноческой сердечной и умной молитве). Они наименовали непрелестным того, кто имеет свидетельствованное Божественным Писанием делание и мудрование и стяжал духовное рассуждение. И то сказали святые отцы, что и тогда едва можно было найти непрелестного учителя таким предметам; ныне же, когда они оскудели до крайности, должно искать со всею тщательностию. Если же не найдется, то святые отцы повелели научиться из Божественного Писания, слыша Самого Господа, говорящего: **Испытайте Писания**, и в них найдете **жизнот вечный** [ср.: Ин. 5, 39]. **Елика бо преднаписана быша** в Святых Писаниях, **в наше наказание** (наставление) **преднаписаша**” [ср.: Рим. 15, 4]».

«Возлюбленные отцы! Будем произносить слово Божие братьям нашим со всевозможным смирением и благоговением, сознавая себя недостаточными для сего служения и охраняя самих себя от тщеславия, которое сильно стужает людям страстным, когда они поучают братию. Подумайте, что мы должны воздать ответ за каждое праздное слово [см.: Мф. 12, 36]! Тем тягостнее ответ за слово Божие, произнесенное с тщеславием и по побуждению тщеславия. <...> Действующий из себя — действует для тщеславия, приносит и себя, и слушающих его в жертву сатане; действующий из Господа — действует в славу Господа, совершает свое спасение и спасение ближних Господом, единым Спасителем человеков. Будем страшиться преподавания [новонаначальному] какого-либо необдуманного наставления, не основанного на слове Божиим и на духовном разумении слова Божия.

Лучше сознаться в неведении, нежели выказать ведение душевредное. Охранимся от великого бедствия — превратить легковверного новона- чального из раба Божия в раба человеческого [см.: 1 Кор. 7, 23], привлекиши его к творению пад- шей воли человеческой вместо всесвятой воли Божией¹⁶. С скромное отношение советника к на- ставляемому — совсем другое, нежели старца к безусловному послушнику, рабу о Господе. Со- вет не заключает в себе условия непременно ис- полнять его: он может быть исполнен и не испол- нен. На советнике не лежит никакой ответствен- сти за совет его, если он подал его со страхом Божиим и смиренномудрием, не самопроизволь- но, а будучи спрошен и понужден. Также и полу- чивший совет не связывается им, на произволе и рассуждении его остается исполнить или не ис- полнить полученный совет. Очевидно, как путь совета и последования Священному Писанию со- образен с нашим слабым временем. Заметим, что отцы воспрещают давать совет ближнему по соб- ственному побуждению, без вопрошения ближ- него: самовольное преподание совета есть при- знак сознания за собою ведения и достоинства духовных, в чем — явная гордость и самооболь- щение¹⁷. Это не относится к настоятелям и на- чальникам, которые обязаны во всякое время,

---

¹⁶ Здесь говорится не о наружном послушании мона- тырском, не о трудах и занятиях монастырских, назначае- мых монастырским начальством, но о послушании нравст- венном, сокровенном, совершаемом в душе. — *Примеч. ис- точника.*

¹⁷ Мнение священномученика Петра, митрополита Да- масского, и других отцов. Добротолюбие. Т. 3. — *Примеч. ис- точника.*

при всякой встретившейся нужде и не будучи спрошены наставлять врученное им братство [см.: 2 Тим. 4, 2]»¹⁸.

Тем наставникам, которые обращаются к святителю за советом, он часто повторяет, что необходима крайняя осторожность со стороны наставника при преподании руководства или совета, глубокое смирение, боязнь действовать по тщеславию, по самонадеянности: «Приходящих к Вам за советами,— пишет святитель Игнатий настоятельнице монастыря,— принимайте со страхом Божиим и при каждом приходе их моля Бога, чтоб Он давал Вам сказать ближнему слово полезное. Обращаясь с молитвою к Богу пред каждою беседою с ближним, Вы будете очищать Ваши беседы от тщеславия. Говорите с осторожностью, не вдаваясь в многословие. <...> Если же увлечетесь и скажете что-либо не по совести, то есть с нарушением написанных здесь правил, то мысленно укорите себя и раскайтесь пред Богом. <...> Хотя Вы и недостаточны для преподавания советов, как недостаточен и я, но по скудости нашего времени мы должны делиться с ближним нашим скудным знанием. Если будете совершать это дело со смирением, не попуская действовать своему “я”, то и за это дело, как оно ни недостаточно, Божия милость осенит Вас...»¹⁹.

---

¹⁸ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение...* С. 76–81.

¹⁹ *Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 171. С. 336.*

«БОГОСЛОВИЕ НЕПОСЛУШАНИЯ»

Теперь рассмотрим, что в учении святителя Игнатия Кавказского о послушании представляется неверным современному афонскому иеромонаху. Отец Доримедонт пишет: «Из жития святителя известно, что он встал на благодатный путь послушания старцу в самом начале своего монашеского подвига, однако скоро сошел с этого легкого и быстрого пути и пошел к Богу путем иным — долгим, тернистым и опасным. <...> Итак, описанный в сочинениях святителя Игнатия опыт духовной жизни без послушания старцу — это его личный духовный опыт, в православной аскетике настолько же исключительный, как, например, опыт преподобной Марии Египетской. Такие примеры — исключения из правил. <...> Подавляющее большинство преподобных отцов достигло Бога, идя путем послушания старцу»²⁰. Далее в брошюре говорится, что «многими современными духовными писателями путь духовной жизни без послушания старцу признается единственно верным. ...Гиперболизируя мнение и опыт святителя Игнатия и отвергая все противоречащие им мнения и опыт святых отцов, современные противники послушания создали доселе невиданное **“богословие непослушания”** — протестантское по

---

²⁰ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 4–5.

своей духовной сути. Но в эпоху святителя Игнатия “богословие непослушания” было немыслимо. Ведь в те времена в русском монашестве опыт послушания старцу жил и плодоносил. Именно поэтому русские подвижники XIX и начала XX веков, не разделяя частное мнение современного им святого отца (мнение святителя Игнатия о послушании не подтверждает ни один из современных ему аскетических писателей), не пытались с ним полемизировать. <...> Само живое тогда монашеское Предание убедительно опровергало мнение святителя»²¹. Отец Доримедонт замечает, что в России в результате последовавших на монашество гонений был утерян этот опыт послушания старцу. И теперь, вместо того чтобы вернуться к святоотеческому опыту, некоторые лица пытаются «богословски» обосновать свое нежелание этого спасительного возвращения. Они выбирают «из всего благодатного наследия святителя Игнатия его частное мнение по отдельному вопросу», и, «умело спекулируя на нем, безответственно закрывая глаза на то, что во всей истории православной аскетики нет ничего, что подтверждало бы это мнение святого отца, противники послушания придают своему “крестовому походу” против Предания характер священной войны за восстановление поруганных святынь»²². Затем в брошюре уже конкретнее рассматривается учение епископа Игнатия: «Исходной точкой всех рассуждений святителя Игнатия о послушании является решительное утверждение о том, что в новую (современную святителю) эпоху отсутствуют духоносные старцы

²¹ Там же. С. 5–6.

²² Там же. С. 6–7.

и наставники... Святитель утверждает это априори: “отсутствие духоносных мужей”, “духовное оскудение” являются для него данностью, как бы объективно лежащей за рамками его сочинений и не требующей доказательств ни для самого автора, ни для читателя. ...Можно сказать, что святитель учит не о послушании вообще, а о послушании в новые или последние времена. Краеугольным камнем собственно учения святителя Игнатия о послушании является следующее утверждение: по причине отсутствия духоносных старцев *послушание* в том виде, в каком оно было у древнего монашества, “не дано нашему времени”. Святитель по видимости не опровергает общих принципов послушания, но существенно корректирует их применительно к эпохе духовного оскудения. <...> Святитель советует новоначальным общежительным монахам оказывать послушание игумену и старшей братии, но категорически отвергает возможность *глубокого послушания*, отсечения мудрования, таинственного духовного союза “послушник — старец” для своей эпохи»²³.

Далее отец Доримедонт говорит, что послушание имеет различные формы и степени и что одним и тем же словом «послушание» могут выражаться явления различной формы и глубины: «Послушание внешнее, деятельное, отсечение воли должно, по святоотеческому учению, иметь в своей основе послушание внутреннее, духовное, *послушание мудрования*. <...> Самое результативное послушание — это именно послушание мудрования, а не одно лишь отсечение своей воли. Именно этим послушание и отличается от рабства, несмотря на то, что по внеш-

---

²³ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 9–10.

ней форме они могут быть и схожи. Заметим, что в сочинениях святителя Игнатия наблюдается смешение различных видов послушания. Святитель обычно не уточняет, какое послушание он имеет в виду в том или ином случае. <...> Итак, святитель признает послушание основной монашеской добродетелью. Он прекрасно пишет о плодах послушания в статье “О молитве Иисусовой”²⁴. Но одновременно он ограничивает послушника лишь внешним, деятельным послушанием²⁵. Послушание мудрования (святитель может называть его и другими именами, например, “послушание старцу”, “послушание в его древнем виде” и т. п.) им отвергается категорически»²⁶. В брошюре поясняется, как святитель Игнатий понимает три вида подвига — *телесный, душевный и духовный*: «Телесный подвиг — это деятельные добродетели. Святитель говорит, что сами по себе, без душевного подвига, они остаются без плода. Подвиг душевный — это “хранение ума, трезвение, внимание, умное делание, умная молитва”²⁷. Подвиг духовный есть, по святителю Игнатию, тот же душевный, но уже осененный Божественною благодатию. Святитель говорит, что душевный подвиг в современную ему эпоху находится в полном забвении и пренебрежении. Он утверждает, что делателей душевного подвига среди современного

²⁴ См.: Игнатий (Брянчанинов), святитель. О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником // Игнатий (Брянчанинов), святитель. Сочинения: [В 7 т.]. Т. 1: Аскетические опыты. М., 1993. С. 203–295.

²⁵ См.: Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 76–77.

²⁶ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 11–13.

²⁷ Игнатий (Брянчанинов), святитель. О молитве Иисусовой... С. 205.

ему монашества нет. По этой причине он считает вверение послушника старцу в делании душевного подвига опасным и вредным²⁸. Итак, по святителю Игнатию, слушаться (глубоко, или “душевно”) следует только *духоносного* наставника. К сожалению, точного определения слову “духоносный” святитель не дает. <...> Вероятнее всего, под выражением “духоносный наставник” святитель Игнатий имел в виду *наставника, опытного в прохождении душевного* (по терминологии самого святителя) *подвига*. Из этого следует, что святитель не признавал в современных ему наставниках иночества опытных духовных руководителей, несмотря на то, что со многими из современных ему подвижников (некоторые из них прославлены ныне в лике святых) святитель был лично знаком²⁹. Отец Доримедонт замечает также, что святитель Игнатий даже в Оптиных старцах не видел ни в одном «не только духовного, но даже и душевного делателя» и «характеризовал их как знакомых лишь с деятельным или телесным подвигом». Затем в брошюре говорится о силе послушания, о его значении для монаха, о том, что «самый легкий и безопасный путь в Небесное Царствие из всех избирает послушник — он въезжает в рай, сидя на плечах своего старца...»³⁰. Говорится о том, что старец может преподавать послушнику высокие духовные учения не сразу или даже не препода-

²⁸ См.: *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. О молитве Иисусовой... С. 206–207, 274, 285. Также см.: Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 228. С. 440; Письмо 290. С. 547.

²⁹ *Доримедонт [Сухинин], иеромонах*. Учение святителя Игнатия... С. 13, 16–17.

³⁰ Там же. С. 19–20. См.: *Паисий Святогорец, старец*. Письма. ТСЛ, 2001. С. 46.

давать их вовсе, — исходя из его духовного состояния. Делается вывод: «Таким образом, послушник не несет никакой ответственности за то, какой вид духовного учения будет ему преподаваться. Ища послушанием таинственной Божьей Премудрости, он в лице своего старца видит Христа и по Его неложному обетованию находит в своем поиске Благодать Духа Святого. <...> Если же послушник подвизается в умном делании, то он обеспечивает свои безопасность и преуспевание опять-таки послушанием. Причина этого кроется в благоугодном Христу подчинении нашей воли чьей-то еще»³¹.

Далее отец Доримедонт упоминает преподобных Серафима Саровского и Зосиму (Верховского), *безусловно духоносных мужей, которых можно без всякого сомнения признать «корифеями» двух современных святителю Игнатию ярких русских школ послушания: общежительной — Саровской и отшельнической — Брянско-Орловской*. Далее в брошюре подчеркивается, что «признания Церковью плодотворности подвига послушания этих современных святителю Игнатию преподобных достаточно для того, чтобы поставить точку...»³². Но автор брошюры точку здесь не ставит... Однако мы пока поставим многоточие и попробуем подробно разобрать эти обвинения, направленные в адрес учения святителя Игнатия о послушании.

³¹ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 20–21.

³² Там же. С. 21.

«ЧЕЛОВЕКА-ТО ДНЕМ С ОГНЕМ НЕ НАЙДЕШЬ»

Как видно из слов иеромонаха Доримедонта, более всего его настораживает в учении епископа Игнатия о послушании, во-первых, то, что мнение его *не подтверждает ни один из современных ему аскетических писателей*, и, во-вторых, что в его время обретаются духовные наставники, даже *корифеи ярких русских школ послушания*. Итак, начнем с той самой *точки*, которую отец Доримедонт считает возможным поставить в конце своего приговора учению о послушании епископа Игнатия, после того как были им помянуты имена святых Серафима Саровского и Зосимы (Верховского).

В книге «Оптина пустынь и ее время» находим рассказ наместника Троице-Сергиевой Лавры Антония (Медведева)³³, который был записан епископом Леонидом³⁴: «О<тец> Антоний рассказывает, что когда постригся он в монахи, было у него пламенное желание того жития, образец которого встречал он в книгах отеческих, им про-

---

³³ Архимандрит Антоний (Медведев; 1792–1877) вступил в Саровский монастырь в 1818 г.; пострижен в монашество в 1822 г. В 1826 г. стал строителем Высокогорской пустыни. В 1831 г. митрополит Филарет назначил его наместником Троице-Сергиевой Лавры. На этом послушании преподобный Антоний пробыл 46 лет.

³⁴ Леонид (Краснопевков; 1817–1876), епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. В 1876 г. возведен в сан архиепископа Ярославского и Ростовского.— *Ред.*

читанных: ему хотелось, по примеру древних, начать с того, чтобы волю свою бросить в горн послушания, совершенно отречься от себя и предать волю свою в волю избранного старца. С этой мыслию пошел он к о<тцу> Серафиму (это было в Сарове). Выслушав его, о<тец> Серафим взял его за руку и вложил в руку старца, который случился в его келии. “Я так и обмер”, — говорит о<тец> наместник, — потому что, как нарочно, судьба свела его в келии о<тца> Серафима в такую важную минуту с человеком, которого слабости были ему известны и которого особенно не хотелось бы ему иметь своим наставником, что было бы делом неизбежным, если бы так решил о<тец> Серафим, ибо о<тец> Антоний решил во всем повиноваться его воле». Весьма тревожные мысли толпились в голове отца Антония, «но скоро дело выяснилось. Отец Серафим сказал старцу: “Возьми ты этого молодого брата, введи его в церковь, поставь перед местным образом Спасителя, вели сделать три земных поклона и скажи: *Вот тебе наставник и покровитель; все, что Он скажет тебе, делай и спасешься*. Так и к местному образу Божией Матери и скажи: *Вот тебе наставница и покровительница — иных тебе не нужно*”. После этого распоряжения он сделал о<тцу> Антонию как бы пояснение следующего содержания: “Ты хорошую взял мысль всецело подчинить свою волю воле другого, но посмотри, чего ты хочешь: хочешь ты, чтобы тебя, как свечу, поставили в светлый, крепкий фонарь, где ты безопасен от ветра, и несли тебя бережно; или хочешь ты, чтобы через реку перевез тебя надежный челн?.. Сам умеи укрываться от ветра, чтобы не потух пламень; сам борись с волнами,

чтобы перебраться за реку”. И указал только, кого можно выбрать в советники»³⁵.

Как же так? Неужели потому преподобный Серафим отклоняет желание молодого монаха быть в полном послушании у старца, что путь этот слишком легок, безопасен и безмятежен? Конечно же нет! Впоследствии святой Серафим предсказал отцу Антонию, что он будет наместником Лавры преподобного Сергия. Скорее всего, святой старец и тогда провидел, что отца Антония ждет обширное поприще духовного наставничества, знал и то, что личный аскетический опыт наставника всегда отражается в его руководстве братией. Почему же рекомендует ему избрать вместо безусловного послушания старцу — руководство советом? Почему как бы «пугает его» тем, что вот-вот отдаст его под водительство немощного наставника, а затем преподает ему урок *самому биться с волнами*, а не искать *надежный челн*? Нам кажется, что этим действием святой Серафим показал, что не то уже время, когда можно обрести ту безопасность от волн, огражденность от ветра, которую действительно способно давать всецелое подчинение воли своей истинному старцу. Также, скорее всего, преподобный Серафим прозревал, что отец Антоний в тайне души своей имел желание найти путь к Богу беструдный и покойный, при котором всю борьбу за спасение можно возложить на чужие плечи. Другого объяснения этим словам святого Серафима Саровского мы не находим.

---

³⁵ Концевич И. М. Оптиная пустынь и ее время. ТСЛ; Владимир, 1995. С. 149–151.

Отец Серафим сам был духоносным старцем и как истинный старец окормлял сестер дивеевских. Но многие братья в Сарове соблазнялись его поведением. Немало горечи пришлось испытать святому Серафиму за свой старческий подвиг, потерпел он гонение и от начальников обители, и от братии саровской. Преподобный Серафим, зная о своей скорой кончине, говорил одной дивеевской сестре: «Я силами ослабеваю; живите теперь одни, оставляю вас... Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». Сестра подумала про себя, что хотя батюшка вручает их Господу и Божией Матери, но нельзя же обители оставаться и без человека — духовного руководителя. На эти ее мысли старец Серафим отвечал: «**Человека-то**, матушка, **днем с огнем не найдешь**. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери»³⁶. Другая дивеевская старица рассказывала, что батюшка Серафим, умирая, «вручил нас после себя только Господу и Его Пречистой Матери и всегда каждой из нас, да и всем вместе объяснял прямо: “Кроме убогого Серафима вам отца уже больше не будет!”». И еще святой старец говорил ей: «Вот, матушка, отец Иларион и старец, да за вас взяться не может; также вот и батюшка Исаия за вас не возьмется, а мог бы за вас взяться и быть всем отцом после меня о<тец> Савватий... но не хочет! Итак, скажу тебе, матушка, помни, что после меня у вас отца уже не будет!»³⁷.

---

³⁶ *Серафим (Чичагов), митрополит. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря: В 2 ч. М., 1996. С. 441.*

³⁷ Там же. С. 453.

Таким образом, пример святого Серафима Саровского служит доказательством того, что в то время опыт послушания старцу уже был редкостью в русском монашестве. Преподобный Серафим не оставил после себя преемника, который мог бы продолжить старческое руководство духовных его детей. Мы видим только одну фигуру, ревностно стремящуюся взяться за «окормление» духовных сирот отца Серафима, — притворяющегося учеником его Ивана Тихоновича Толстошеева, который по смерти святого старца произвел страшную смуту в обители Дивеевской. Так что говорить о какой-то *Саровской школе послушания старцам* в этот период, по меньшей мере, странно. Мы видим как раз оскудение такой школы, на фоне которого святой старец Серафим выглядит крайне одиноко! Еще раз убеждаемся и в том, что далеко не каждый даже опытный монах может понести подвиг духовного руководства. Серафим Саровский поучал некоторых настоятелей, обращавшихся к нему за советом: «Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве [что] — бессловесных, потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем. А потому настоятель, яко пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подавать полезные советы каждому требующему его наставления; ибо, как говорит Петр Дамаскин³⁸... “не всякий человек достаточен дать совет ищущим,

---

³⁸ В «Летописи...» следующие слова даны по-старославянски, мы же приводим русский текст по изданию: *Петр Дамаскин, преподобный*. Творения. М., [1993]. С. 180 (мысль преподобного Максима Исповедника).

но получивший от Бога дарование рассуждения и от долговременного пребывания в подвижничестве приобретший ум пронизательный...»³⁹.

Скажем несколько слов и о святом старце Зосиме (Верховском), о *школе послушания Брянско-Орловской*. Зосима (в миру Захария) родился в 1767 году в семье знатной и богатой (отец его был воеводой). В 19 лет он стал посещать пустынников в Брянских лесах, особенно полюбился ему старец Василиск. Но тот никого не принимал под свое руководство, решительно отказывал всем, говоря, что он невежда, непросвещенный и не может никого наставлять. Но юноша так полюбил старца, что неотступно и убедительно умолял его, пока тот не согласился наконец принять его к себе, но сначала посоветовал ему пожить в каком-нибудь общежительном монастыре. Захария начал свой монашеский путь в Коневской обители, где настоятелем тогда был отец Адриан, бывший до того наставником пустынников в Брянских лесах и старцем отца Василиска. Здесь Захария и был пострижен в иночество. В то время в этой обители жил уединенно иеромонах Сильвестр, пребывая в молчании и упражняясь в чтении Священного Писания. Отец Зосима стал ходить к нему для духовной беседы, и тот раскрыл перед ним учение о внимании сердечной молитвы. Зосима с усердием занялся этим делом, стал читать святоотеческие книги, в которых описывался этот подвиг. Прожив в Коневском монастыре почти три года и прошедши все виды послушаний, он стал проситься у настоятеля в пустыню к отцу Василиску, но

³⁹ Цит. по: *Серафим (Чичагов), митрополит. Летопись...* С. 334–335.

отец Адриан уговорил самого старца Василиска перебраться к ним в обитель. Игумен устроил для них в пустынном месте, в трех верстах от обители, две келии, недалеко одна от другой. И старец, и ученик были счастливы, и оба положили в душе своей до конца жизни не разлучаться друг от друга. Но, как говорится в житии отца Зосимы, «смиранный Василиск, хотя любил Зосиму, как душу свою, но не принимал его в сына и ученика себе, видя его весьма преуспевшим в жизни монастырской, а понятиями и рассуждениями духовными превышающего и его самого». Зосима открывает отцу Василиску «тайное монашеское сокровище, объяснив ему учение о молитве сердечной (отцу Василиску, при всей его подвижнической и богоугодной жизни, до того времени вовсе было неизвестно священное сие делание, и, узнав об оном от Зосимы, он вполне сим был вознагражден, что оставил для него пустыню и пустынников): тогда, употребив все усердие и старание свое в оном внутреннем духовном упражнении, Василиск весьма преуспел в благодатных утешениях, за что, хотя еще более умножилась любовь его к Зосиме, но никак уже не хотел согласиться иметь его на степени сына и ученика, а имел его как друга, и сотаинника, и брата возлюбленного»⁴⁰.

Таким образом, и здесь мы находим между подвижниками вовсе не те отношения (*послушник — старец*), какие, по убеждению отца Доримедонта, были не редкостью во времена епископа Игнатия. Во-первых, находим, что пустынники брянские вовсе не слыхали об умном делании, что само со-

⁴⁰ Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги. Изречения и извлечения из его сочинений. М., 1994. С. 50–51.

бой говорит о том, что подвиг их носил более наружный характер. Из жития старца Зосимы видно, что и в Коневской обители подвижничество было скорее внешнее. Так, находясь в послушании у отца Адриана, строгого подвижника, отец Зосима не ведал делания откровения помыслов. В житии говорится: «А когда нашел он в правилах св<ятого> Василия Великого, в поучениях св<ятого> Иоанна Лествичника и прочих св<ятых> отцов пустынножителей совет об откровении своих помыслов и искушений своим наставникам, то так был утешен и обрадован этим, как бы храбрый, но изнемогший воин, нашедший новое оружие», после чего он «с искренним чистосердечием и не щадя себя стал все о себе открывать о<тцу> Адриану»⁴¹. А ведь отец Адриан до того, как стал настоятелем обители, много лет был наставником брянских пустынных отцев, но вот он во все эти три года, в которые нес послушание в обители отец Зосима, не научил его ни деланию молитвы, ни откровению помыслов. Об этом юный монах узнает либо из книг, либо от благоговейного монаха, проживающего в обители уединенно, упражняющегося в молчании и чтении Священного Писания⁴². Сам ученик своему *учителю* — игумену обители — напоминает о важном для очищения души откровении помыслов, о котором вычитал у святых отцов, *старца* своего учит *внутреннему духовному деланию*, которое узнал от монаха, тщательно изучавшего писания отеческие.

Вот еще случаи из жизни упомянутых старцев, которые характеризуют их отношения: отец

---

⁴¹ Там же. С. 40–41.

⁴² См.: Там же. С. 43.

Зосима много читал святых отцов, старец же Василиск, «не весьма искусный в чтении, предавался более молитве сердечной». И вот возникает искушение: отец Зосима начинает соблазняться тем, что они слишком много занимаются рукоделиями и собиранием ягод вместо того, чтобы больше внимания уделять молитве, чтению и богомыслию. После этого, когда отец Василиск ходил собирать ягоды и грибы для братьев обители, отец Зосима осуждал его и даже укорял в лицо — зачем тот не безмолвствует. Отец Василиск много увещевал Зосиму, говорил, что тот «высоко мнит о своем преуспеянии», что пусть «надеется не на себя, но более на молитвы отца и братьев», и т. п. Однако отец Зосима не согласился со старцем и продолжал, оставаясь один в келии, более поститься и продолжительнее молиться. Наконец он почувствовал охлаждение в молитве и осознал свое заблуждение⁴³. Через много лет, когда эти святые старцы переселились на пустынножительство в леса сибирские и долгое время подвизались там в трудах духовных и телесных, искушение постигло уже старца Василиска. Ему пришло желание на непомерное воздержание, и он вознамерился положить себе неизменяемым правилом всю оставшуюся жизнь свою никогда не вкушать ни молочного, ни рыбного, даже и в Светлое Воскресение Христово. Отец Зосима не соглашался на это и старался удержать от сего предприятия и старца, «который вопреки своего естественного и благодатного смирения пришел в негодование и огорчение даже до того, что хотел было навсегда расстаться с о<тцом> Зосимою и удалиться в другую

---

⁴³ См.: Старец Зосима Верховский... С. 57–58.

пустыню». Отец Зосима противопоставлял его доводам правила церковные и более 300 пунктов написал в доказательство старцу своему и все их основал на церковных преданиях. Наконец сими доказательствами убедил он старца своего оставить свое намерение. Старец Василиск «сознался в своем недоумении и опять обратился со всею любовью к единомудушному житию с духовным другом своим»⁴⁴.

Читатель! Не к тому мы рассказываем эти случаи, чтобы показать, что между духовными и святыми людьми могут быть временные несогласия и недоразумения. Что в этом удивительного, когда и между святыми апостолами бывали подобные размолвки. Но мы хотим реально увидеть те действительные духовные отношения между монахами последнего времени — старшими и новоначальными, — которые на самом деле значительно отличаются от древнего взаимоотношения старцев и послушников. Вспомним критический отзыв иеромонаха Доримедонта о том, что святитель Игнатий «по видимости не опровергает общих принципов послушания, но существенно корректирует их применительно к эпохе духовного оскудения» и «категорически отвергает возможность *глубокого* послушания», «таинственного духовного союза *послушник — старец* для своей эпохи». Но вот мы все более убеждаемся, что не святитель Игнатий, а само время, сама *эпоха* настойчиво требуют этой *коррекции*! Видим из рассказанной здесь истории, что и старец, и ученик относятся друг ко другу скорее как духовные братья, как сподвижники, как воины, в сражении стоящие

---

⁴⁴ Там же. С. 98–100.

плечом к плечу. Ни один из них не находится в «слепом послушании» у другого, но в разумном, рассудительном. Они взаимно исправляют ошибки и поползновения один другого, советуются друг с другом. Как раз о таких взаимоотношениях между желающими спастись часто говорили отцы Церкви в последнее время. Житие старцев Василиска и Зосимы как бы свидетельствует собою правоту слов святителя Игнатия: «Скромное отношение советника к наставляемому — совсем другое, нежели старца к безусловному послушнику... <...> Очевидно, как путь совета и последования Священному Писанию сообразен с нашим слабым временем»⁴⁵.

---

⁴⁵ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 80.*

«ПУТЬ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЕМЫЙ СВЯТЫМИ ОТЦАМИ»

Уместно здесь напомнить нашим братьям фрагменты жития и некоторые наставления святого Паисия (Величковского), возобновителя старчества, великого наставника внутреннего делания, много претерпевшего скорбей и скитаний по причине духовной скудости нашей эпохи. Родился Петр (будущий старец Паисий) в 1722 году в Полтаве. В 1735 году родители, желая, чтобы он стал священником, послали его учиться в Киев в Духовную Академию. Но через три года учебы Петр почти перестал заниматься, поскольку, во-первых, у него созрело твердое намерение стать монахом, а во-вторых, от внешнего учения, как сам говорил о себе, он не видел никакой пользы, слышал только одни имена языческих богов и мудрецов и опасался, как бы самому не совратиться от слышания одной земной мудрости. Наконец, он покинул Киев и тайно от своей матери бежал в дальнюю обитель возле Любеча. Игумен принял его тепло, Петр стал проходить монастырские послушания, изучать писания святых отцов. Но через три месяца в обитель был назначен новый настоятель, весьма жестокий и властный. Он строго и несправедливо наказывал братию, и Петр, испугавшись гнева игуменского, тайно бежал из обители. После тяжких скитаний он обрел было духовного старца-пустынника, жившего на уединенном

острове. Тот постоянно трудился в переписывании отеческих книг. Замечая высокое духовное настроение отшельника, Петр горячо желал остаться при нем. Однако, к величайшему огорчению, старец ни за что не хотел взять его к себе в ученики: «Чадо, — говорил он, — я человек грешный и недостойный и не в состоянии направить на путь Божий мою собственную бедную душу. Как же я осмелюсь принять тебя? Это дело не моей меры. Прошу тебя, не отягощай меня твоей просьбой!». И сколько ни плакал Петр, падая пред старцем на колени, тот оставался непреклонен, говоря ему: «Не скорби Господа ради о том, что я не принимаю тебя, ибо я это делаю, не презирая твое спасение, но ради немощи души моей. Возложи же свою надежду на Господа, Который не оставит тебя...»⁴⁶. Петр опять отправился искать иноческое пристанище, где бы он мог научиться духовной науке, и был принят в монастырь Медведовский в области Киевского митрополита. Здесь вскоре же его постригли в рясофор с именем Платон. Восприемником его, то есть старцем, стал иеромонах Никодим. Но когда новопостриженный обратился к своему старцу с просьбой дать ему келейное правило, тот сказал ему: «Ты брат — ученый, поэтому я не определяю тебе правила, а как Бог тебя вразумит, так и содержи правило в келии твоей». Через неделю после этого разговора старец ушел из монастыря неизвестно куда. Сам старец Паисий говорил впоследствии: «Таким образом я остался, как овца

---

⁴⁶ Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество // Четвериков С., протоиерей. Правда христианства. М., 1998. С. 49.

заблудшая, без пастыря и наставника. И нигде не пришлось мне пожить в повиновении у какого-нибудь отца, хотя, как вижу, устройство моей души в юности было весьма удобопреклонно к повиновению, но не получил я такого Божественного дара за свое недостойнство»⁴⁷. Из жития старца Паисия мы видим, что в Медведовской обители, хотя и был он в послушании, но некоторые подвиги избирал самостоятельно. Так, он «по своей охоте помогал повару, привозил ему воду, колол дрова и многое другое делал», стал приучать себя к малоспанию, как сам он рассказывал об этом периоде своей жизни: «...я решил в душе своей никогда не лежать, но весь день проводить на послушании, а ночи — на правиле и, стоя, принимать немного сна. Через некоторое время у меня разболелись ноги так, что я ходить не мог. Тогда я нашел лубяную коробку, вырезал с одной стороны часть ее и, сидя на ней, засыпал ненадолго. Когда же я засыпал крепко, коробка опрокидывалась и я с нею...»⁴⁸.

...И опять юный Платон недолго наслаждался монастырской безмятежностью. По причине насилия униатов медведовские монахи вынуждены были разбрестись в разные стороны. Вместе

---

⁴⁷ Там же. С. 52.

⁴⁸ Там же. Да не подумает читатель, что все эти истории мы приводим ради того, дабы обосновать «богословие непослушания», по выражению отца Доримедонта, будто мы усиленно ищем в житиях святых отцов примеры непослушания с целью оправдать собственное своеволие и самочиние. Нет! Прежде всего мы желаем реально представить проблему, связанную с послушанием и недостатком духовного руководства в период духовного обеднения, хотим доказать, что эта проблема действительно существовала и существует в последнее время, а не надумана святителем Игнатием.

с несколькими другими братьями Платон отправился в Киево-Печерскую Лавру. Здесь будущий старец был принят с большой любовью, поскольку архимандрит Лавры Тимофей и покойный отец Платона были некогда близкими товарищами по Киевской братской школе и дали клятву друг другу сохранять взаимную любовь и верность до последнего вздоха. Теперь архимандрит почел долгом перенести любовь свою к почившему другу на его сына. Платон нес различные послушания в обители, многому учился. Здесь были замечательные подвижники, опытные духовники, даже прозорливые отцы, как видно из жития старца. Но юный монах так и не нашел никого, кто стал бы для него старцем в полном смысле этого слова. Платон встречает в обители близкого своего школьного друга, с которым они, будучи еще в училище, дали друг другу обет уйти из мира вместе, но не постригаться и не жить в богатых монастырях, а предаться странствию и жить в послушании у какого-нибудь старца в пустыне. Друг стал укорять Платона в нарушении клятвы, тот оправдывался тем, что, странствуя, «не нашел такого благоговейного старца», который согласился бы принять его к себе «во святое послушание». Наконец, он соглашается с другом вместе отправиться на поиски такого места⁴⁹. И вот Платон тайно уходит из обители и переправляется со своим другом через польскую границу в Молдовлахию. Но обстоятельства разлучают его с товарищем, и он оказывается в скиту Трейстены. В скиту жило до двенадцати братьев, и около пятнадцати жили

---

⁴⁹ См.: Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский... С. 59–60.

отшельниками поблизости скита. Здесь также «было много замечательных подвижников»⁵⁰, как свидетельствует житие старца. Платона приняли в скит, и он стал проходить различные послушания. Над этим и соседними с ним скитами общим духовным наставником был старец Василий (Поляномерульский). Он собирался посетить Трей-стены. В это время в обитель пришел монах Досифей, подвижник, проживавший в уединенном месте с одним братом; он был опытен в духовном рассуждении и толковании отеческих книг. Подозвав к себе Платона, он сказал, что хочет предупредить его: «У нашего общего духовного наставника схимонаха Василия был ученик по имени Паисий, умерший три года тому назад. Этот ученик с детства вырос при старце, и старец очень любил его и, нуждаясь в священнике, убедил его против воли принять священство раньше установленного для этого возраста. <...> Скоро старец Василий придет сюда для посещения братии. Когда он увидит тебя, то наверно захочет взять тебя к себе. Он будет уговаривать тебя идти к нему жить, а потом станет принуждать и к принятию священства. И если ты его слушаешь и сделаешься священником раньше установленного возраста, то ты потом во всю свою жизнь не найдешь покоя своей совести. Поэтому я советую тебе: если ты надеешься остаться верным правилам Церкви, то можешь переходить на жительство к святому нашему старцу, а если не надеешься, то тебе следует до установленного для священства срока пожить где-нибудь в другом месте...». Платон признался старцу Досифею, что он, сознавая свое

⁵⁰ Там же. С. 65–66.

недостойнство, хочет до самой смерти не принимать священства. Точно так, как предсказал отец Досифей, и произошло. Узнав, что Платон не желает принимать на себя столь страшного и ответственного служения, старец перестал настаивать на своем предложении. «Это обстоятельство и было причиной того, что Платону, как он сам об этом пишет, не пришлось пожить со старцем Василием в его скиту, хотя он очень этого хотел»⁵¹.

Опять и опять находим примеры весьма осторожного отношения к всецелому послушанию старцу. Схимонах Василий (Поляномерульский) пользуется огромным почтением среди подвижников, отличается глубокими духовными знаниями, значительным опытом внутреннего делания⁵², но некоторое его уклонение от Предания настораживает его учеников. Отец Досифей находится под руководством старца, но видит его ошибки и не закрывает на них глаза, считает, что в этом наставника лучше не слушаться: «...если ты надеешься остаться верным правилам Церкви, то можешь переходить на жительство к святому нашему старцу» — этим как бы говорит: если сможешь в этом не послушать старца, тогда можешь решиться пойти под его руководство. Отца Доримедонта должно крайне удивлять и другое: сколько рядом с Платоном за все время его скитаний оказывалось замечательных духовников, подвижников, даже известных

---

⁵¹ Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский... С. 67–68.

⁵² Василий (Поляномерульский) особенно известен своими духовными писаниями, поучениями о внутреннем делании Иисусовой молитвы. Желającego научиться молитве святитель Игнатий (Брянчанинов) нередко отсылает к этим поучениям старца Василия.

старцев, но он так и не прилепился душою ни к одному из них, не решился отдаться в полное, «слепое» послушание, хотя, как видно, с самого начала своих поисков мечтал именно об этом. Иеромонах Доримедонт говорит, что святитель Игнатий встал было «на благодатный путь послушания старцу в самом начале своего монашеского подвига, однако скоро сошел с этого легкого и быстрого пути и пошел к Богу путем иным — долгим, тернистым и опасным», говорит, что «описанный в сочинениях святителя Игнатия опыт духовной жизни без послушания старцу — это его личный духовный опыт, в православной аскетике настолько же исключительный, как, например, опыт преподобной Марии Египетской». Но, как видим, такой же «личный духовный опыт», «опыт духовной жизни без послушания старцу», проходил и святой Паисий (Величковский).

Но продолжим рассмотрение жизнеописания святого Паисия. И в этом скиту Платон не остался, он еще побывал во многих местах (жил в скиту Кыркул, посещал обитель Рождества Богородицы в Молдавии, был в Нямецком монастыре). К 1746 году у него созрело твердое решение переселиться на Афон. Сам он объяснял это стремление своим опасением, как бы молдавские старцы не посвятили его против его воли в сан священника. Прибыв на Афон, Платон стал обходить «окрестных монахов и пустынников, желая найти себе духовного наставника, сведущего в отеческих писаниях и живущего в безмолвии и нищете. Но такого наставника он не мог найти, и Платону пришлось жить в одиночестве. <...>

Платон проводил свое время в постоянном чтении и пении псалмов, в изучении Священного Писания, творений святых отцов и в сердечной молитве»⁵³. В начале 1750 года на Афон прибыл старец схимонах Василий. Он объяснил Платону опасность его уединенного безмолвия и указал ему необходимость общежительного пути для новонаначального подвижника. По просьбе Платона отец Василий постриг его в мантию с именем Паисий. Вскоре к Паисию пришел из Молдовлянии юный монах Виссарион и стал просить со слезами дать ему наставления и указать опытного в духовной жизни руководителя. Глубоко вздохнув, Паисий заплакал и сказал, немного помолчав: «Брат, ты вынуждаешь меня говорить о печальных вещах, ты причиняешь боль моему скорбному сердцу. Я сам, как и ты, с великим усердием искал себе наставника и не нашел. От этого я испытывал, да и теперь испытываю великую скорбь. <...> Спасение души, о котором ты меня спрашиваешь, не может быть достигнуто без помощи истинного духовного наставника, который и сам понуждает себя жить по заповедям Божиим, согласно слову Господа: ***уже сотворит и научит, сей великий наречется*** [Мф. 5, 19]. И действительно, как можно вести кого-нибудь по тому пути, по которому сам не ходил? Нужно самому до крови бороться против всех страстей душевных и телесных, победить при помощи Христа похоть и гнев, исцелить смиренномудрием и молитвой разумное начало души от безумия и гордости, покорить сластолюбие, славолюбие и сребролюбие и все прочие злые стра-

---

⁵³ Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский... С. 81.

ти, имея в этой борьбе своим вождем и начальником Господа нашего Иисуса Христа... И тот, кто во всем этом со смирением и любовью последует своему Господу и примет от Него служение врачевать и другие души и наставлять их на заповеди Божии, тот вместе с тем получит от Господа за свое смирение силу побеждать все вышеупомянутые страсти. И когда он достигнет этого, когда по благодати Христовой просияет в нем такое дарование Духа Божия, тогда он в состоянии будет и своему ученику показать на деле без обмана все заповеди Христовы и все добродетели... Такой истинный наставник научит и своего ученика за все заповеди Христовы полагать душу свою. И ученик, видя и слыша от своего наставника все вышесказанное и последуя ему верою и любовью, может при помощи Божией, исполняя советы наставника, преуспеть в заповедях Христовых и получить спасение. Вот какого, брат мой, следовало бы нам найти наставника. Но, увы, мы живем в бедственное время, и эту бедственность предвидели Духом Святым наши богоносные отцы и от жалости к нам для нашего утверждения предупредили нас о ней в своих писаниях. Так, божественный Симеон Новый Богослов говорит: "Мало таких, а особенно в наше время, которые бы могли хорошо пасти, а особенно врачевать разумные души. Соблюдать пост и бдение, сохранять внешний вид благочестия иные еще могут, могут многие и словами с успехом поучать, но достигнуть того, чтобы смиренномудрием и всегдашним плачем отсечь свои страсти и стяжать главнейшие добродетели, таких очень мало". <...> Подобное же говорит и ближайший к нам отец... преподобный Нил Сорский, который,

внимательно изучив Божественные Писания и замечая современное бедственное положение вещей и человеческое нерадение, дает... такой совет ревнителям: “Необходимо с величайшим трудом искать знающего наставника, если же такового не окажется, то святые отцы повелевают нам поучаться от Божественного Писания и от учения богоносных отец, по слову Самого Спасителя, сказавшего: **Испытайте Писаний, яко в них обрящете живот вечный** [ср.: Ин. 5, 39]”. И хотя преподобный Нил Сорский говорит это по отношению только к умной молитве, но нужда иметь искусного наставника не менее чувствуется и в деле борьбы со злыми страстями, и в исполнении заповедей Божиих. Итак, брат мой, из всего сказанного видно, что мы имеем крайнюю нужду со многою печалью и со многими слезами день и ночь поучаться в Божественных и отеческих писаниях и, советуясь с единомысленными ревнителями и старейшими отцами, учиться выполнять заповеди Божии и подражать примеру святых отцов наших, и только таким путем милостью Божией и собственными трудами мы можем достигнуть спасения»⁵⁴. После этих слов Паисия Виссарион стал со слезами просить принять его в ученики. «Паисий был глубоко смущен этой просьбой. Он желал бы и сам сделаться учеником, если бы только мог найти для себя опытного руководителя. Три дня неотступно просил Виссарион Паисия позволить ему жить с ним. Тронутый, наконец, слезами и смирением Виссариона, Паисий уступил и согласился принять его к себе, но не как ученика,

---

⁵⁴ Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский... С. 82–84.

а как друга, чтобы вместе идти средним путем, открывая друг другу волю Божию, кому Бог подаст больше разумения в Священном Писании, побуждая друг друга к исполнению заповедей Божиих и на все доброе...»⁵⁵. Сам святой Паисий говорит об этой перемене в своей жизни: «Не обрета, по многим причинам, места, где бы повиноваться, помыслил я царским путем свое житие проходить, с единым единомысленным и единомудушным братом: вместо же отца — Бога иметь себе наставником и учение святых отцов, и повиноваться друг другу, и послужить, душу едину и сердце одно имея и все необходимое для жизни имея общим, находя сей **путь монашества свидетельствуемый святыми отцами** от Святого Писания»⁵⁶.

Итак, жизнеописание преподобного Паисия (Величковского) позволяет многое уяснить в отношении рассматриваемого нами вопроса. Все искания будущего старца, все его тяжкие приключения и скорби свидетельствуют о том, что мир человеческий, также и мир христианства вступил в иную эпоху — эпоху апостасии, эпоху духовного обнищания, почти повсеместного отступления христиан от горячности веры, от горения ревности и любви к Богу, уклонения в теплохладность, в миролюбие и себялюбие. Все понятнее становится предупреждение, со скорбью сказанное Самим Спасителем нашим: ***обаче Сын Человеческий, пришед убо, обрящет ли веру на земли?*** (Лк. 18, 8).

⁵⁵ Там же. С. 84–85.

⁵⁶ См.: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Оптиная пустынь, 2001. С. 250–251. (В книге писания старца приводятся на старославянском языке, мы же делаем русский перевод.)

О всеобщем охлаждении веры говорили и писали почти все отцы последнего времени, начиная с XVIII века. Об этом отступлении предсказано и Священным Писанием, и апостолами, и святыми отцами уже первых веков. Преподобный Паисий обошел многие земли в поисках школы истинного монашества, но все, что он видел, не могло удовлетворить его духовный голод. Сам он так рассказывал о своих скитаниях: «Когда я ушел из мира [имея целью] с горячею ревностью усердно работать Богу в монашестве, я не сподобился в начале моего монашества даже следа от кого-нибудь увидеть здоровое и правильное рассуждение, наставление и совет, согласный с учением святых отцов о том, с чего и как мне, неопытному и новонаначальному, начинать мое бедное монашество. Поселившись в одном пустынном монастыре, где по милости Божией я удостоился получить и начало монашеского звания, я не услышал там ни от кого должного разъяснения, что такое послушание, в каком смысле и с какой целью оно установлено и какую оно заключает в себе пользу для послушника. Ни начальник монастыря, ни мой приемник и старец никакого мне по этому поводу не дали наставления. Постригши меня без всякого предварительного испытания, они предоставили мне жить без всякого духовного руководства. <...> Оставшись, как овца без пастыря, я начал скитаться там и сям, стремясь найти душе своей пользу, покой и вразумление, и не находил, за исключением блаженных старцев Василия и Михаила, от которых я получил и монашеское наставление, и великую духовную пользу, но с которыми не мог остаться, опасаясь рукоположения во священство.

Так я достиг, наконец, тихого и небурного пристанища Святой Горы, надеясь хотя [бы] здесь получить некоторую отраду для души своей. Но и здесь я нашел не много братии нашего российского племени, знающих Священное Писание, т<о> е<сть> грамотных. Не отыскав желаемого душе моей руководства, я поселился на некоторое время в уединенной келии и, положившись на волю Божию, стал читать понемногу отеческие книги... с большим вниманием. Читая эти книги, я, как в зеркале, увидел, с чего именно мне надлежало начинать мое бедное монашество, я понял, какой великой благодати Божией я был лишен, не находясь в послушании у опытного духовного наставника и не слыша ни от кого наставления об этом предмете...»⁵⁷. То же позднее говорил о себе и святой епископ Игнатий: «...в новоначалии моем я не мог найти монаха, который был бы живым изображением аскетического учения отцов Православной Церкви...»⁵⁸; «...в нынешнем монашестве... знание святых отцов и образ мыслей, несколько запечатленный этим знанием, так редки, и тот, кто преподает слушающим его учение отцов, есть величайшая редкость»⁵⁹. Также находим, что между отцом Паисием и обратившимся к нему за духовной помощью Виссарионом с самого начала отношения складываются отличные от отношений старца и ученика, и причина этого все та же: оскудение духовного опыта в среде монашества. Уже по этим фрагментам из житий трех преподобных отцов

---

⁵⁷ Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский... С. 97–98.

⁵⁸ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 49. С. 114.

⁵⁹ Там же. Письмо 127. С. 224.

последнего периода — святых Серафима, Зосимы и Паисия — видно, что старческое руководство действительно становится редкостью. Видно, что под старческим руководством, всецелым послушанием старцу древними отцами понималось нечто гораздо большее, таинственное и глубокое, нежели только отсечение своей воли, отвержение мудрования и борьба с самостью. В противном случае было бы совершенно непонятно, почему многие опытные подвижники в последнее время всячески уклоняются от такого ответственного руководства, почему весьма благонамеренные послушники обходили многие славные обители в поисках духовного старца, но не обретали желаемого (чему немало примеров будет приведено нами далее). Наконец, показательно и то, что избранный святым Паисием *царский путь*, состоящий в жительстве с единомысленным братом, когда оба они имеют *наставниками Бога и учение святых отцов*, старец называет *путем, свидетельствуемым святыми отцами от Святого Писания...*

«ВЫ МОЕМУ ПОГРЕШЕНИЮ НЕ ПОСЛЕДУЙТЕ»

Проследим теперь, как же молодой монах Паисий становится известным духовным наставником, даже возобновителем старчества, сам не имея опыта послушания старцу, и постараемся уяснить: каким было, собственно, это наставничество и в чем заключалось духовное руководство братией преподобного Паисия.

Через четыре года после того, как Паисий обрел духовного сподвижника в лице юного инока Виссариона, к ним стали присоединяться другие монахи, желавшие жить под его руководством. Паисий долго отказывался, указывая на то, что руководить другими — это дело совершенных и бесстрастных, а он — немощен и страстен. Однако не смог противостоять их просьбам, особенно уговорам братолюбивого Виссариона, и вынужден был против своей воли принимать сожителей. Таким образом братство стало быстро разрастаться. Появилась насущная нужда в священнике, и братья стали принуждать отца Паисия принять рукоположение. Он долго противился, но опять вынужден был подчиниться и был рукоположен на тридцать шестом году своей жизни. После этого будущий старец с еще большим усердием начинает изучать святоотеческую письменность. В письме к одному настоятелю он писал об этом периоде своей жизни на Афоне: «Зная хорошо из учения и

заповедей богоносных отцов наших, что руководителю братии не следует наставлять и учить по своему единоличному разуму и рассуждению, но нужно держаться истинного и правильного смысла Божественного Писания, как учат божественные отцы, вселенские учителя, а также учителя и наставники монашеской жизни, просвещенные благодатию Святаго Духа, зная притом и свое малое и боясь, как бы вследствие моего неискusstва я и сам не упал, как слепец, в яму и других туда не ввергнул, я и решил принять за непоколебимое основание всякого истинного и правильного наставления Божественное Писание Ветхого и Нового Завета и его истинное толкование благодатию Святаго Духа, т<о> е<сть> учение богоносных отцов наших, вселенских учителей и наставников монашеской жизни, и все Апостольские Соборные и святых отцов Правила, каковые содержит Святая Соборная и Апостольская Восточная Церковь, а также и все заповеди и уставы ее. Все это я принял как руководство для себя и для братии, чтобы и я сам, и братия, живущие со мною, пользуясь всем этим при содействии и вразумлении Божественной благодати, не отступили ни в чем от здорового и чистого соборного разума Святой Православной Церкви. И прежде всего я начал прилежно с помощью Божией приобретать с большим трудом и издержками святоотеческие книги, учащие о послушании и трезвении, о внимании и молитве»⁶⁰. Но при тщательном и постоянном изучении отеческих книг, ища в них не только назидания для себя, но и указания, как строить

⁶⁰ Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский... С. 99.

монашескую жизнь, преподобный Паисий заметил в славянских переводах многие погрешности, появившиеся в результате неверного перевода и по вине невнимательных переписчиков. Сравнивая славянские книги, он потерял было надежду найти в этих переводах правильный и истинный смысл. Тогда святой старец задался мыслью отыскать на Афоне отеческие книги в греческих списках и по ним произвести исправления. Но, как пишет сам преподобный Паисий, «я искал во многих местах, и неоднократно, и не мог найти. Я ходил в великий лаврский скит святой Анны и в Капсокаливу, и в Ватопедский скит святого Димитрия и другие Лавры и монастыри, повсюду расспрашивая знающих людей, опытных и престарелых духовников и благочестивых иноков, и нигде мне не удалось найти ни одной подобной книги, и от всех я получал один и тот же ответ, что они не только не знают этих книг, но даже и имен их составителей не слыхали. Слушая эти ответы, я впал в совершенное недоумение и изумлялся, как же это в таком святом месте, где жили многие и великие святые, я не только не могу найти желаемых мне отеческих книг, но даже и имен их писателей ни от кого не слышу. И от этого я впал в глубокую печаль»⁶¹. Однако после долгих поисков святому Паисию удалось найти греческие книги и начать благодатный труд по исправлению славянских переводов. Именно благодаря этому подвигу всей жизни своей святой старец сумел донести до своих братьев, открыть им и многим поколениям своих последователей духовную сокровищницу древних святых подвижников.

---

⁶¹ Там же. С. 100–101.

Поучение в Святом Писании и писаниях святых отцов преподобный Паисий поставляет как фундамент для устройства своей киновии, как твердый камень, на котором только и может прочно удержаться истинно монашеское делание. В уставе братства, составленном старцем, подчеркивается необходимость и значимость подвига послушания: «Второй чин, на котором... все монашеское житие висит, состоит в том, чтобы стяжать послушание, т<о> е<сть> всякую свою волю, и рассуждение, и самочиние оплевавши и вне повергши, волю, и рассуждение, и заповеди отца своего, согласные со Священным Писанием, всеусердно стараться исполнять, и братии, как Самому Господу, а не людям, со страхом Божиим и со смирением до смерти послужить». Но тут же в уставе поясняется и то, каков должен быть сам настоятель: «Он должен изучить Священное Писание и учения духоносных отцов и кроме их свидетельств ничего от себя не приносить братии: ни учения, ни заповеди, но часто наставлять и открывать волю Божию. Руководствоваться Писанием в назначении послушаний, помня, что Слово Божие и ему, и братии есть наставник и путеводитель ко спасению. Должен быть примером смиренномудрия и во всем согласного и единомысленного союза любви духовной. Не сам собою всякую вещь без совета начинать и творить, но, собирая искуснейших в духовном рассуждении братьев, с их советом, испытывая и Писание, начинать и творить»⁶².

В письме к некоему иерею старец много восхваляет послушание и братское общежитие, пишет, что послушание есть «кратчайшая лестница

⁶² Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский... С. 108–109.

к небу, одну ступень — отсечение своей воли имеющая, на которую вступив послушник скоро на небеса восходит»⁶³, что «общее житие есть небо, послушание же святое — небо небес, потому, кто от послушания отпадет, от Бога и от небес бывает извержен». Но вслед за этой хвалой послушанию святой Паисий замечает: «Такому общему житию и всеблаженному послушанию в древние времена были наставники великие — богоносные отцы, которые как сами ради чистоты душ своих и совершенного в заповедях Божиих благоугождения сподобившиеся быть жилищем Святому Духу и от Него, как солнца, просиявшие в дарованиях духовных, в крайнее бесстрастие пришедшие и в любовь Божию совершенную, Духом Святым окормляемые, так и Богособранному своему стаду словом, и делом, и образом своего богоугодного жития истинный путь показывали ко спасению, окормляя их к внимательному хранению Божиих заповедей. Оттого и ученики их, как на столп одушевленный и как на светозарное солнце, взирая на этих своих наставников, наставляемы были и просвещались сами во всех добродетелях светом учения и дел их добрых и приходили к крайнему богоугождению, и множество многое несчетное и бесчисленное из них спасалось. В нынешние же лютые времена, что многого плача и рыдания достойно, весьма такие наставники оскудели, и если какие ревнители из иноков возжелали бы таким житием общежительным Богу угождать, то Сам Бог и Божественное чтение писаний преподобных отцев тех, общежительных наставников, Божиим

---

⁶³ И это письмо написано по-старославянски; мы попытались пересказать его по-русски.

Промыслом даже и доныне сохраненное, есть учитель и наставник: через них же [через писания], как бы на тех самых [отцев] взирая внимательно, со страхом Божиим и разумом читающие могут отчасти, Богом споспешествуемые, житию их богоугодному быть подражателями, окормляемые и вразумляемые отцем своим, во имя Христова их собравшим или ими единомысленно избранным, который не от себя, но от Святого Писания и от того же учения святых отцев поучал бы чад своих духовных. В древние времена многие из святых отцев от просвещения благодати Божией учеников своих поучали⁶⁴, даже будучи не книжными [не учеными]. В нынешние же времена святые отцы не велят вовсе поучать комулибо братию от себя, но от Писания Святого и от учения преподобных отцов, которые Духом Святым познавшие тайны и силу Святого Писания и благодатию его предузнавшие о немалом оскудении среди иночества в последние времена здравого учения и истинных наставников, побуждаемые к тому Духом Святым, написали свое святое и душеполезное учение для нашей вечной пользы и окормления... которого и в нынешние времена если будут держаться наставники монахов и их ученики со страхом и смиренномудрием, то не погрешат против своего спасения и сами, и слушающие их»⁶⁵.

⁶⁴ Вспомним, к примеру, слова из обращения святого Иоанна Лествичника к пастырю: «Учителям неприлично преподавать наставления, выписанные из сочинений других, так как и живописцам, когда они делают только списки с чужих рисунков» (*Иоанн Лествичник, преподобный*. Лествица. СПб., 1995. Слово особенное к пастырю. Гл. 1:5. С. 254).

⁶⁵ См.: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. 247–249.

Показательно, что, будучи уже известным старцем, святой Паисий был очень осторожен в преподании слова и, прежде чем отвечать на какой-либо важный духовный вопрос, всегда выверял ответ по книгам Священного Писания и творений святых отцов. Так, отвечая письменно на различные вопросы мирян, он приписывает в конце: «Получив мои ответы, читайте их со вниманием, и если найдете что-нибудь в них согласное со Священным Писанием и истинным церковным разумом, то последуйте тому. Если же я в своих ответах как человек погрешил в чем-нибудь, то **вы моему погрешению не последуйте**, но держитесь во всем здравого разума и рассуждения Святой Соборной Церкви, и таким образом никогда не погрешите»⁶⁶.

«...Вы моему погрешению не последуйте, но держитесь во всем здравого разума...» — эти слова великого старца, окормлявшего многочисленное иноческое братство, характеризуют его взгляд на истинное значение наставника и на пределы богоугодного послушания. Как ни странно, некоторые авторитетные на Святом Афоне старцы XX века проповедуют иное понятие: «Даже если повеление старца ошибочно, Бог ради послушания повеление это обратит в душевную пользу»⁶⁷; «Часто и мы, старцы, может, и делаем какую ошибку; но если ты все исполнишь по послушанию, то для тебя это обернется к лучшему, а не к худшему»⁶⁸. Причем, как мы увидим далее,

---

⁶⁶ Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский... С. 234.

⁶⁷ Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник... С. 100.

⁶⁸ Старец Ефрем Катунакский. М., 2002. С. 157.

эти наставники считают необходимым последовать старцу даже тогда, когда он ошибается в вопросах весьма значительных в деле спасения души.

Стоит также рассмотреть, чем же особенно отличалось братство преподобного Паисия от других обителей того времени, почему именно святой Паисий явился как бы обновителем монашеского духа, стал основоположником целой плеяды духовных старцев и в Молдавии, и в России? Что особенное находим в его руководстве и в жизни окормляемого им братства? Внешние послушания, труды, отсечение своей воли, подчинение, безропотное исполнение благословений игумена и поручений старших братьев, ревностное отношение к богослужениям — эти дела не новы для обителей того времени. Но старец Паисий требовал к тому же, чтобы братия в келиях читала писания святых отцов, творила умную молитву, по силе полагала частые поклоны со слезами. Каждый вечер братья, особенно новоначальные, исповедовали своим старцам помыслы. Исповедание помыслов преподобный Паисий считал основанием духовной жизни и видел в нем надежду спасения. Сам старец уделял много внимания братии, каждый мог всегда приходиться к нему для разрешения своих недоумений. Но, как видно, главным для духовного роста братии были беседы самого старца, когда зимними вечерами они собирались в трапезной и преподобный Паисий читал монахам книги святых отцов. Он тотчас же объяснял читаемое, приводя места из Священного Писания и из отеческих творений. При этом старец Паисий со слезами убеждал братию исполнять заповеди Христовы, приобретать сердце сокрушенное

и смиренное. Ежедневное чтение отцом Паисием святоотеческих книг и его беседы имели огромное воспитательное значение для братии. Показательно, что именно на этих же монашеских деланиях акцентирует внимание и святитель Игнатий: он считает важными и необходимыми в первую очередь — нелицемерное послушание игумену и братии, отсечение своей воли, самости, откровенное исповедание помыслов духовному отцу, частое и внимательное чтение Священного Писания и писаний святых отцов, недоверие себе во всем, молитву Иисусову и сердечный плач. Впоследствии, когда жизнь братства Паисиева стала приходить в упадок, монахи сами признавались, что одной из важных причин этого упадка было прекращение ежедневных бесед старца и прекращение чтения Божественных и отеческих писаний и оставление внимания к себе. Старец Паисий и сам считал одной из основных причин того, что с каждым годом жизнь в их обители (в Нямце) «идет ниже», — «оставление соборного поучения» братии⁶⁹.

Как видно из дальнейшей истории русского монашества, это великое дело, исполненное святым Паисием и его продолжателями, — труд возрождения святоотеческого Предания, извлечение из-под спуда забвения и возвышение на подсвечнике светильника древнего подвижничества, хотя и осветило дорогу многим, ищущим спасения путникам, но не смогло, однако, вполне разрешить проблему общего духовного оскудения и отступления от прежней горячности веры. И те скорбные обстоятельства, которые встретил святой

---

⁶⁹ См.: *Четвериков С., протоиерей*. Молдавский старец Паисий Величковский... С. 186.

Паисий, когда отправился искать истинное монашество, так знакомы многим христианам, которые и в наши дни отправляются в то же странствие. Но теперь, благодаря святому Паисию и его сподвижникам и последователям, продолжившим дело, начатое старцем, у нас есть книги, много прекрасных книг, которые значительно могут облегчить этот поиск, становясь для нас как бы маяком, из среды бушующей стихии указывающим направление к спасительной гавани.

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ И ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ

Иеромонах Доримедонт укоряет святителя Игнатия в том, что он не смог по достоинству оценить современных ему духовных наставников, не признавал духовного делания за Оптиными старцами, будучи послушником старца Леонида, этого «благодатного основоположника Оптинского старчества»⁷⁰, отошел от него, что и определило его «личный духовный опыт», «опыт... жизни без послушания старцу». Но пересмотрим кратко житие самого старца Леонида, затем святителя Игнатия в период его послушничества, чтобы глубже проникнуть в суть духовных отношений старца и ученика и того, что могло стать причиной их разлучения. Старец Леонид (в миру Лев Данилович Наголкин) в начале своего монашеского пути вступил в Оптину пустынь (1797), но через два года перешел в обитель Белобережскую. Причина этого перехода, скорее всего, была в том, что в то время в Белых Берегах настоятельствовал иеромонах Василий (Кишкин), старец духовной жизни, подвизавшийся немалое время на Афоне. Здесь же Лев вскоре был пострижен в монашество и наречен Леонидом, а затем вскоре же был рукоположен в иеромонаха. Уже через пять лет по вступлении отца Леонида в Белобережскую обитель

---

⁷⁰ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 17.

братия избрала его настоятелем. Показательно, что и эти пять лет он не находился здесь постоянно, но временно переселялся в Чолнский монастырь, где тогда подвизался его земляк — схимонах Феодор, ученик великого старца Паисия (Величковского). Именно под руководством этого наставника отец Леонид научился противоборству страстям и достиг духовного просвещения. Тогда же он имел и духовное общение с настоятелем Брянского Свенского монастыря⁷¹. С избранным наставником отец Леонид не имел возможности видаться часто, тем более после того, как сам стал игуменом. Но вскоре сам старец Феодор переселился в Белобережскую обитель. Через четыре года по избрании игуменом отец Леонид сложил с себя настоятельство и вместе со старцем Феодором и другим подвижником — иеросхимонахом Клеопой — поселился в безмолвном месте, в глуши леса недалеко от обители. Но и здесь недолго прожили отцы вместе. Уже через год после вселения в пустынь отца Леонида старец его переселился в Новоезерский монастырь, а затем перешел в Палеостровскую пустынь. Через два года после разлучения со старцем отцы Леонид и Клеопа переехали на Валаам, куда на следующий год прибыл и сам старец Феодор. Причем во всех этих обителях против старцев возбуждалось недовольство, и они натерпелись немало притеснений и гонений от братии. Причиной этих гонений было то, что к отцам стекалось за советами много народу — не только монахов, но и мирян всех сословий. Такое руководство старцев-подвижников тог-

---

⁷¹ См.: Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Оптиная пустынь, 1994. С. 5–11.

да еще было новостью во многих русских обителях, и не все могли понимать учение их. Некоторые, даже из благомыслящих подвижников валаамских, смотрели на жительство старцев с недоумением. Так что и с Валаама старцам Феодору и Леониду пришлось перебраться в Александро-Свирский монастырь⁷².

Стоит нам обратить внимание на то, какие отношения были у отца Леонида со старцем Феодором: «Замечательно,— говорится в житии,— что отец Феодор, бывши старцем-наставником о<тца> Леонида, в то же время имел его своим духовником и другом духовным. Опасаясь, как бы о<тец> Леонид, как ученик, не стал действовать в отношении к своему старцу по пристрастию снисходительно, о<тец> Феодор, приступая к исповеди, скажет, бывало, иногда: “Ну, Леонид, смотри, чтобы не щадить”. И если о<тец> Леонид делает своему старцу какое-либо замечание, оно всегда принималось им с любовью и благодарностью»⁷³. Через пять лет по переселении в обитель Александро-Свирскую отец Феодор окончил многотрудное поприще земной своей жизни, испустив дух на руках любимого своего ученика, «а вместе и духовного отца своего, о<тца> Леонида»,— говорится в житии. Перед смертью, получив дар прозорливости, старец отечески уговаривал своих сподвижников: «Отцы мои! Господа ради друг от друга не разлучайтесь, поелику в нынешнее пребедственное время мало найти можно, дабы с кем по совести и слово-то сказать. Да вы теперь сие и на опыте, яко в зеркале, видите. Но, к сожалению,

⁷² См.: Там же. С. 12–27.

⁷³ Там же. С. 28.

за премногие грехи мои, в нашем союзе не находится ныне такого мужественного и достойного строителя, который бы мог содержать обитель и нас окормлять по преданию святых отец, и назидать благорассмотрительно... Но собраться воедино, кажется, полезно для подкрепления друг друга»⁷⁴.

По словам отца Доримедонта, «в те времена в русском монашестве опыт послушания старцу жил и плодоносил»! Но, как мы видим, именно то самое *старчество*, на которое неоднократно он указывает, не понималось в русских монастырях, считалось каким-то странным новшеством и подвергалось гонению. Находим, что самые старцы признавали духовную *пребедственность* времени, редкость духоносных отцов, свидетельствовали, что *мало найти можно* таких, *с кем по совести и слово-то сказать*. Опять находим, что и между этими отцами отношения были иными, чем у послушника со старцем в древнем монашестве: здесь также осуществляется принцип, о котором все чаще говорят отцы последнего времени: «два или три единомысленных пусть составят союз и друг друга руководят или друг друга вопрошают, ведя жизнь во взаимном послушании, со страхом Божиим и молитвою, в умеренной строгости аскетической»⁷⁵.

Проследим далее путь святого старца Льва. После смерти отца Феодора иеросхимонах Лев с близкими учениками вновь переселился в Оптину пустынь. Настоятель обители игумен отец Моисей поручил руководству старца всех житель-

---

⁷⁴ Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида... С. 31–32.

⁷⁵ *Феофан Затворник, святой*. Творения. Собрание писем. Вып. V–VI. Печеры; М., 1994. Письмо 917. С. 200.

ствовавших в обители братий, да и сам подчинился его влиянию. «Старец о<тец> Леонид, как имевший дар прозорливости, вникал во все. В то время назначение послушаний, келий и т. п. — все делалось... по указанию старца. <...> Старец управлял не только внутреннею, духовною, но и внешнею стороною братства обители»⁷⁶. Но и здесь через некоторое время на старца Леонида было воздвигнуто гонение, как говорится в житии: «В числе прежних оптинских братий были благоговейные, добрые иноки; но каждый из них жил по своим понятиям и подвизался, как сам умел. Главное же их внимание обращалось на внешние труды и на **деятельные** добродетели... О старческом же пути они не имели никакого понятия. Поэтому, когда поселился в обители старец о<тец> Леонид со своими учениками, когда заговорили о старчестве и духовном окормлении, об очищении совести и откровении помыслов, об отсечении своих хотений и рассуждений, о **внутреннем** делании, — все это многим показалось каким-то новым непонятным учением, которое некоторые даже прямо стали называть новою ересью»⁷⁷. Последовали жалобы епархиальному епископу, старцу неоднократно запрещали принимать народ для духовного окормления, переводили из келии в келию. Такое старческое руководство, как говорится в житии, «было тогда не только в Оптиной пустыни, но и во всей Калужской епархии, а может быть, и в целой России... еще **новостию**»⁷⁸. Дело дошло даже до того, что поползли слухи,

---

⁷⁶ Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида... С. 55.

⁷⁷ Там же. С. 97.

⁷⁸ Там же. С. 195.

будто старца собираются сослать в Соловецкий монастырь. Ученики его, «страшась за старца... опасались и за себя: кто мог без него вести их по пути спасения? Пока жив был отец Леонид, никто для них не мог назваться старцем, ни к кому не было такой полной веры, ничье слово не имело такой великой силы. <...> С отнятием его все падало»⁷⁹. Так что неверно будет утверждать, что в то время старчество в Оптиной было уже обычным делом, скорее, оно только начинало насаждаться, и с немалыми трудностями.

Теперь кратко расскажем о самом святом Игнатии (Брянчанинове) и о том, как он пришел в монастырь и стал послушником старца Леонида. Родился Димитрий Александрович (таково было его мирское имя) в 1807 году в семье богатой и благочестивой, которая происходила от рода древних дворян и была весьма известной и чтимой фамилии. В шестнадцать лет он вступил в главное инженерное училище Санкт-Петербурга, которое было основано по настоянию его Высочества Николая Павловича Романова, в 1825 году ставшего Российским императором. На тот момент Николай Павлович являлся генерал-инспектором инженеров и сам ежегодно отбирал пансионеров, которых брал под свою опеку и на содержание. Вскоре же Великий князь обратил особенное внимание на благообразного, талантливого юношу Брянчанинова и вызвал его в Аничковский дворец, где представил своей супруге Великой княгине Александре Феодоровне, после чего тот был зачислен в ее пансионеры. Став императором, Николай Павлович и его супруга императрица

---

⁷⁹ Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида... С. 301.

Александра продолжали оказывать свое милостивое расположение Димитрию Александровичу. Когда же до отца его, Александра Семеновича Брянчанинова, стали доходить сообщения, что сын его Димитрий много уделяет внимания духовной жизни, часто посещает храмы и монастыри, то он крайне забеспокоился такой набожностью сына и стал всячески препятствовать ему в его желании избрать иноческий путь. Он привлек к этому своих влиятельных друзей и родственников в столице, от лица которых, наконец, была предъявлена жалоба митрополиту Петербургскому в том, что монахи и духовник Невской Лавры склоняют Димитрия Александровича, юношу весьма любимого императором, к монашеству. После этого митрополит запретил духовнику Лавры принимать Брянчанинова на исповедь. Димитрий Александрович был много наслышен от лаврских монахов о старце Леониде, и, наконец, представился ему случай видеться с самим старцем. Об этой встрече Димитрий говорил впоследствии своему искреннему другу: «Сердце вырвал у меня отец Леонид, теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу, ему предамся всецело душою и буду искать единственно спасения души в уединении». Но долгое еще время Брянчанинову препятствовали во вступлении в монастырь и близкие родственники, и влиятельные знакомые, и даже сам император, к тому же прибавлялись затруднения со стороны физического его здоровья. Наконец, на двадцать первом году своей жизни, преодолев множество преград, он вступил в Александро-Свирский монастырь в послушание к старцу Леониду. Беспрекословное послушание

и глубокое смирение отличали поведение послушника Брянчанинова. Он со всей душой предан был старцу Леониду в духовное руководство, и отношения эти отличались всей искренностью и прямоотой. Послушник во всем повиновался воле своего духовного отца, все вопросы и недоумения разрешались непосредственно старцем. Старец же не ленился делать замечания своему юному питомцу, вел его путем внешнего и внутреннего смирения. В отношении Димитрия им был предпринят крайне смиряющий образ руководства, скорее всего, для того, чтобы победить в молодом ученом офицере всякое высокоумие и самомнение, которые обыкновенно присущи каждому благородному и образованному человеку, вступающему в среду простецов. Старец постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения нравились благородному послушнику. Димитрий Александрович с покорностью отправлял и низкие служения. Но, как говорится в жизнеописании святителя Игнатия, «испытаниям, хотя бы они совершались в духовном разуме, есть мера, свыше которой они утрачивают свою привлекательную духовную сторону, остаются при одной внешности. Усердие и ревность подвергаемого испытаниям начинают тогда ослабевать, когда не получают подкрепления в силе духовного разума, которым должны быть проникнуты такие испытания. Старец при таком образе действований должен обладать в достаточной степени этой силой, чтобы его действия были несоблазнительны и удобоприемлемы... Древние святые отцы в таких случаях действовали чудотворной силой, и она удерживала при них послушников. Разум рождается от опытности,

опытность приобретается от многих примеров; а этот пример обращения с благовоспитанным и умственно необыкновенно развитым послушником в духовной практике о<тца> Леонида едва ли был не первый. Тщательное воспитание при всем внимании к духовно-нравственной стороне требует сообразо[вы]ваться и с физическим состоянием воспитываемого, а умственное его развитие нуждается в соответственном себе упражнении. Трудно предположить, чтобы все это соблюдалось при помянутых испытаниях...»⁸⁰. Сам святитель Игнатий замечает, что в древности, «когда старцы обиловали благодатными дарами, а новоначальные — усердием и силой произволения», уничтожение часто употреблялось при воспитании монахов, при этом «вырабатывалось сердечное смирение». Однако, как подчеркивает далее святитель, «духовное врачевство это, сохраняя само по себе все достоинство свое, нуждается в наше время в особенном благоразумии при употреблении его. Благоразумие требует от современного старца, чтоб он, всматриваясь в собственное свое преуспеяние, не возлагал на ближнего таких бремен, каких сам не нес и не в силах понести. Жестокое уничтожение в наше время может сокрушить новоначального, расстроить его навсегда»⁸¹. Иногда одолеваемый духом уныния послушник не только находится в опасности изнемогнуть от уничтожений, но нуждается даже в похвале со стороны наставника. Как говорила игумения Арсения

---

⁸⁰ Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. С. 53–54.

⁸¹ Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). [Брюссель], б. г. С. 152.

Себрякова (1833–1905), матушка весьма высокой духовной жизни, «похвала, иногда и просто по-человечески приятная и ласкающая самость, бывает полезна, как ободряющая унывающий дух. Бывало, при матушке [схимонахине Ардалионе, старице игумении Арсении] почувствуешь уныние духа от понятия и ощущения полной греховности и немощи своей и придешь к матушке с просьбой, чтоб она похвалила меня и уверила бы меня в моей способности к спасению. Матушка действительно начнет уверять, и так серьезно и сильно, что я поверю, и утешусь, и ободрюсь. И не боялась она поблажить самости, но и ее употребляла как орудие, спасающее против уныния, наносимого иногда силою вражиею. Так десными и шуиими содеывается наше спасение»⁸². По замечанию святых отцов, между иноками бывает много несходств и различий, и добрый наставник «должен ясно знать состояние и устроение каждого из подчиненных», при этом «часто немощнейший бывает смиреннее сердцем, а потому и судии духовные должны такого легче наказывать»⁸³. Были ли все эти тонкости духовного руководства верно употреблены в отношении юного Дмитрия старцем Леонидом? Это остается под вопросом.

Спустя год по вступлении Дмитрия Брянчанинова под руководство отца Леонида первая горячность в послушании старцу начала остывать. У него стало появляться недовольство старцем: некоторые его поступки казались послушнику не

---

⁸² Путь немечтательного делания. Игумения Арсения и схимонахиня Ардалиона. М., 1999. С. 280.

⁸³ *Иоанн Лествичник, преподобный*. Лествица. Слово особенное к пастырю. Гл. 7:4. С. 260; Гл. 10:3. С. 262.

согласными с учением святых отцов, также старец Леонид не мог удовлетворительно отвечать на все его вопросы, разрешать все его недоумения. Как говорится в жизнеописании, «вероятно, эти вопросы касались более возвышенных сторон жизни духовной, которая в высших своих проявлениях в каждом подвижнике представляет свои особенности, а потому неудивительно, что отец Леонид, при всей своей мудрости духовной, не мог удовлетворительно разрешить такие вопросы»⁸⁴. Димитрий Александрович не вскоре отошел от руководства старца Леонида, он еще следовал за ним при переселении старца с учениками в Площанскую пустынь. Здесь духовная неудовлетворенность, скорбь и томление еще более увеличились в душе послушника, но старец приписывал это неудовольствие то болезненному состоянию ученика, то внутреннему его превозношению против других, чего на самом деле Димитрий был вполне чужд. Он ощущал только свою немощь и опасался своего крушения, что ускользало, однако, от пронизательного старца и приводило к ошибочности взгляда его на душевное состояние ученика. К отделению от старца располагало Брянчанинова и то обстоятельство, что на него и его искреннего товарища Михаила Чихачева (который к тому времени присоединился к Димитрию) оказывала душевредное влияние рассеянность и молва, имевшая место в среде весьма увеличившегося числа учеников старца. Димитрий Александрович и Михаил задумали отделиться от отца Леонида и по примеру святого Паисия (Величковского) устроиться уединенно в отведенной им

---

⁸⁴ Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. С. 54.

в обители келии и жить на правилах скитской жизни, то есть жить вдвоем с общего совета и друг друга тяготы носить ради Христа. Старец Леонид поначалу не соглашался на такое их отделение. Димитрий видел, что его не понимают, превратно судят его намерение, он постоянно болезновал, изнывал душой, не переставая умолять Господа устроить судьбами Его их жизнь. Через некоторое время Димитрию Брянчанинову было благодатное видение, которое указывало предначертанный ему от Господа путь искреннего отречения от мира и удел страданий, в которых товарищ его должен стать участником. Видение было передано старцу Леониду, который увидел из него, что нет воли Божией удерживать этих послушников при себе. Он благословил их жить отдельно и избрать себе другого духовника — общего монастырского.

Святителю Игнатию часто ставят в вину то, что он не остался навсегда под духовным руководством старца Льва Оптинского. Но ведь и сам старец Леонид не сразу избрал себе духовного наставника, который бы мог удовлетворить его духовные нужды. Мы не находим, чтобы послушник Лев, недолго думая, в первой же обители, куда привел его Бог, сразу же с верой предался в полное руководство какому-либо опытному монаху и оставался в таком послушании до смерти, что, казалось бы (если встать на позицию отца Доримедонта), должно было быть самым предпочтительным для него, *кратчайшим путем к небу*. Однако отец Леонид вышел из обители, в которую вступил вначале, в поисках более духовного руководства. Вот, казалось бы, он находит старца духовной жизни,

подвизавшегося немалое время на Афоне, настоятеля обители, однако опять не удовлетворен, обращается за руководством к подвижнику, живущему в другой обители, и ради этого по временам живет там.

При таком упрощении вопроса о выборе духовного руководителя и полного вверения в руки его своего спасения можно и святого Паисия (Величковского) винить в том, что он, так ревностно желая найти старца, проходил мимо многих подвижников, неоднократно находился в послушании у достаточно опытных духовников, однако не удовлетворялся их наставничеством, тайно убежал из обители, где обретались и прозорливые отцы, как видно из жития. Как понимать то, что и с теми старцами, от которых, по словам самого преподобного Паисия, он *получил и монашеское наставление, и великую духовную пользу*, он *не мог остаться, опасаясь рукоположения во священство*? Почему же он не посчитал возможным в этом вопросе отсечь *свое мудрование* и ради послушания духовному старцу целиком предоставить ему решение и этого вопроса? Как видим, преподобный Паисий многие годы находился в послушании у отцов то в одной обители, то в другой, но тем не менее утверждает, что за все это время не нашел желаемого душе его духовного (старческого) руководства, «не сподобился... даже следа от кого-нибудь увидеть здоровое и правильное рассуждение, наставление и совет, согласный с учением святых отцов...». То же самое говорит о себе святитель Игнатий: «Я желал быть под руководством наставника, но не привелось мне найти наставника, который бы вполне удовлетворил

меня, который был бы оживленным учением отцов. Впрочем, я слышал много полезного, много существенно нужного, обратившегося в основные начала моего душеназидания»⁸⁵. «Когда я поступил в монастырь, ни от кого не слышал ничего основательного, определительного. Бьюсь двадцать лет, как рыба об лед! Теперь вижу несколько делание иноческое, но со всех сторон меня удерживают, не впускают в него...»⁸⁶.

Примечательно, что и Оптинский старец Макарий не скоро нашел такого руководителя, который мог бы вполне удовлетворить его духовные нужды. В самом начале своего вступления в монастырь (Площанскую пустынь) он был поручен попечению братского духовника. Молодой послушник предал себя ему в полное повиновение. Однако внимание старца было обращено главным образом на внешнее делание, и душа юного подвижника не могла удовлетвориться этой одной внешней стороной иночества. Мысленная брань, бесовские приражения не давали покоя душе. «И чем более преуспевал он во внешнем делании,— говорится в жизнеописании старца,— тем более сознавал недостаток в руководстве с даром рассуждения помыслов для преуспевания в делании внутреннем, без которого... нельзя достигнуть плода иноческой жизни, или преуспевания»⁸⁷. Тогда отец Мелхиседек (имя отца Макария по пострижении в рясофор) решил отправиться в Киев

---

⁸⁵ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Аскетические опыты. Т. 1. С. 561.

⁸⁶ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 162. С. 318.

⁸⁷ [*Агапит (Беловидов), архимандрит*]. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 23.

для поклонения мощам святых угодников, заходя по пути в разные пустынные обители. Здесь он разузнавал о старцах духовной жизни, вступал с ними в беседу, «имея в намерении отыскать бесценный бисер — Христа»⁸⁸. По возвращении в свою обитель он вскоре был пострижен в мантию с именем Макарий. Тогда же в Площанскую пустынь пришел на жительство один из учеников старца Паисия (Величковского), схимонах Афанасий, старец духовной жизни. Отец Макарий вошел с ним в духовное общение и по благословению настоятеля перешел под его руководство, которое продолжалось почти десять лет. Старец Афанасий имел при себе много духовных книг и среди них — верные списки всех письменных трудов старца Паисия. Отец Макарий по благословению наставника с горячим рвением принялся утолять свою духовную алчбу и жажду внимательным чтением и списыванием этих рукописей. «Но чем более углублялся любомудрый инок в чтение святоотеческих писаний, — говорится в жизнеописании, — тем более возгоралась в нем ревность достигнуть желаний края — духовного делания, научиться умной Иисусовой молитве...»⁸⁹. Но старец его не мог удовлетворить любознательность своего ученика с этой стороны, поскольку сам проходил лишь устную молитву, имея запрещение от старца Паисия касаться ему высокого молитвенного делания. Отец Макарий должен был ожидать благоприятного случая для сближения со старцами, которые стяжали сей дар по преемству от других опытных наставников. После того опять отец

---

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 28.

Макарий совершал паломничество к киевским святыням, опять встречался и общался со многими старцами, желая обрести наставника в молитве. Наконец он примкнул к сонму учеников старца Леонида, поселившись в Оптиной.

Итак, мы видим, что одной только решимости со стороны послушника быть во всецелом послушании у наставника недостаточно для того, чтобы разрешились все его духовные проблемы. К тому необходимо иметь достаточную опытность и духовную проницательность самому старцу.

«ПРАВЕДНЫХ ДУШИ В РУЦЕ БОЖИЕЙ»

Кроме всего сказанного, необходимо обратить внимание на некоторые особенности *оптинского старчества*. Когда речь идет о *послушании старицу*, о *старческом руководстве*, какое было распространено в среде *древнего монашества*, имеется в виду старчество, несколько отличающееся от того, какое мы видим возрождающимся в Оптиной пустыни благодаря старцу Леониду. Если древние старцы сами проводили безмолвное житие, и не только словом, но и самой жизнью подавали пример своим ученикам, то Оптинские старцы почти всегда находились в окружении множества народа — как монахов, так и мирян всякого сословия, буквально осаждавших этих отцов с утра до вечера с бесконечными своими нуждами и скорбями. Как говорится в житии старца Леониды, «время молитвенных правил было единственным свободным среди дня временем старца... Остальное же, за исключением краткого послеобеденного отдыха... всегда посвящалось им на служение своим ближним...»⁹⁰, то есть приему посетителей. Отец Макарий, перенявший крест оптинского старчества из рук отца Леонида после его кончины, весьма скорбел из-за множества народа, требующего его заботы. Тысячи людей приезжали к нему, тысячи присылали письма, на которые

---

⁹⁰ Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида... С. 76.

старец не успевал отвечать. При этом он сокрушался и о том, что не может отвечать всем, и о том, что всякое свободное время посвящая этому писанию, как сам он говорит о себе, «уж чтением напитать гладную мою душу совсем не имею время, боюсь, да не в суд будет мне сие делание; людям предлагаю пищу, сам гладен пребываю...»⁹¹. Преподобный Амвросий Оптинский, заступивший на подвиг старчества после кончины преподобного Макария, также скорбел о себе. Бывало, вздыхая и печально махнув рукой, он говорил: «А я вот, грешный, и не знаю, когда только их [четки] перебирал... Я даже и в монастыре-то, пожалуй, всего только один год прожил. Как только взяли к батюшке о<тцу> Макарию в келейники, так с тех пор все и живу на базаре»⁹². Новоначальным часто приходилось подолгу просиживать в очереди, чтобы попасть к наставнику, находясь при этом среди молвы. Одно это многолюдство, молва вокруг старцев, занятость могли немало препятствовать глубине, проницательности, основательности их духовного руководства послушниками. Вспомним советы древних отцов: «Не домогайся заимствоваться советом у человека, который не ведет одинакового с тобою образа жизни, хотя [бы] он и [был] очень мудр»⁹³; «Не должно искать таких

⁹¹ Цит. по: *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Странствие ко вратам вечности. Переписка с Оптинскими старцами и П. П. Яковлевым, делопроизводителем свт. Игнатия. М., 2001. С. 27.

⁹² *Четвериков С., протоиерей*. Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1998. С. 202.

⁹³ *Исаак Сирин, авва, святой*. Слова подвижнические. М., 1993. Слово 78. С. 386.

руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам»⁹⁴. Конечно же, старцы Оптинские были и смиренномудры, и опытны в преподании совета, и проводили истинно монашескую молитвенную жизнь! Однако под *нравом* и *местопребыванием* в слове святого Лествичника, скорее всего, следует подразумевать и духовную, и внешнюю обстановку, которая окружает наставника и которая должна соответствовать состоянию и потребностям послушника. Именно такие неудобства, как доступ в монастырь мирян и неимение времени у старца для духовных собеседований с братьями, послужили причиной духовного оскудения в братстве обители Нямецкой еще при жизни преподобного Паисия (Величковского), как свидетельствовал сам старец.

Не удивительно, что отделение будущего святителя Игнатия от отца Леонида, неудовлетворенность духовным руководством этого старца всегда воспринимались насельниками Оптиной пустыни, весьма почитавшими старца, как поступок неправильный, ошибочный, выказывающий слабость Брянчанинова, его нерешительность идти путем уничижения и полного отвержения самости. Оптинский старец Варсонофий передает слова отца Макария: «Был великий Арсений, и у нас в России был бы свой великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой, это — Игнатий (Брянчанинов). Это был великий

---

⁹⁴ Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово 4:120. С. 68.

ум!»⁹⁵. Сам старец Варсонофий говорил: «...путь унижений, смирения и терпения — тяжел. Многие за него брались, решались идти им и не выдерживали. Хотел идти этим путем и епископ Игнатий (Брянчанинов) и не выдержал. <...> Хотя он и считается наставником современного монашества, ибо желающий понять сущность монашества в настоящее время без его сочинений этого сделать не сможет, его сочинения дают ясное понятие об иночестве; а все-таки он не Арсений Великий. Правда, свят он, а все-таки не Арсений. У нас сохраняется предание, что батюшка о<тец> Лев сказал про епископа Игнатия Брянчанинова: “Если бы он пошел иным путем, то был бы второй Арсений Великий”»⁹⁶. Так что именно отрицательное мнение самого отца Леонида о поступке святителя Игнатия, когда тот отошел от него, распространилось среди последователей старца, что легко понять. Наверное, и в тех обителях, из которых уходил святой Паисий (Величковский), не удовлетворившись духовным руководством, оставалось критическое понятие об этом уходе, поступок его представлялся следствием самости и нежелания отречься вполне от своей воли.

Однако не совсем понятно, почему святитель Игнатий, оставаясь со старцем Леонидом неразлучно, был бы подобен *Великому Арсению*, но, разлучившись со старцем, ниспал с этой высоты? В житии преподобного Арсения Великого мы чи-

---

⁹⁵ Цит. по: Дневник послушника Николая Беляева (преподобного Оптинского старца Никона). М., 2004. 4 мая 1908 г. С. 103.

⁹⁶ Там же. 16 января 1909 г. С. 212.

таем, что в миру он был весьма почтенным, знатным лицом, приближенным к императору; пришедши же в монастырь, показал необыкновенное смирение. То же видим и в жизни святителя Игнатия⁹⁷. Арсений Великий недолго находился во всецелом послушании у своего наставника. Как следует из жизнеописания его, блаженный Иоанн Колов (в обитель которого и пришел преподобный), видя его смирение, вскоре облек святого Арсения в иночество и, обучив житию подвижническому, дал ему келию неподалеку от себя, как иноку уже твердому и опытному в добродетели. Однако, подвизаясь в посте и молитве, преподобный Арсений молился: «Господи, научи меня спастись!». В ответ он слышал голос с небес: «Арсений! Скрывайся от людей и пребывай в молчании; это корень добродетели». Внимая этому голосу, Арсений ушел из того места в глубь пустыни и построил здесь для себя небольшую келию, где пребывал всегда один⁹⁸. Как мы помним, с такой же молитвой к Богу обращался и святитель Игнатий, также и ему было видение, подтверждавшее его стремление к уединению, к удалению от молвы, к сокровенной внутренней жизни, после чего они с другом, испросив благословение старца, поселились уединенно в келии в монастырском саду. Но, может быть, и Великий Арсений стал бы еще более великим, если бы оставался жить при старце Иоанне, а не бежал в уединение? И зачем ему надо

---

⁹⁷ См.: Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. С. 51, 53.

⁹⁸ См.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству св. Димитрия Ростовского. Кн. девятая: [Месяц май]. Оптиная пустынь, 1992. День восьмой. С. 250.

было молиться о том, «как спастись», не лучше ли было спросить об этом прославленного старца, который жил невдалеке? Начнем ли задавать подобные вопросы? Нет! Лучше скажем вместе с пророком: ***Праведных души в руце Божией*** (Прем. 3, 1), ***людие же узрят и не разумеют*** (ср.: Прем. 4, 15)⁹⁹.

Интересно, что вышеуказанные слова преподобного Варсонофия о епископе Игнатии (Брянчанинове) приводит в своем дневнике преподобный иеромонах Никон (Беляев; 1888–1931), последний Оптинский старец. С юности отец Никон находился под постоянным и тщательным руководством старца Варсонофия. Он очень почитал писания святителя Игнатия и всегда особенно возвышенно отзывался о его трудах. Так, он записывал в своем дневнике: «Когда я читаю его сочинения, удивляюсь его прямо ангельскому уму, его дивно глубокому разумению Священного Писания. Его сочинения как-то особенно располагают к себе мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно Евангельским светом»¹⁰⁰. С книгой епископа Игнатия (Брянчанинова) «Приношение современному монашеству» отец Никон не расставался во время своего тюремного заключения в Калуге (1927). Внимательно изучая этот труд святителя в заключении, преподобноисповедник Никон на полях записывал мысли, порождаемые чтением. Перед этапом на север ему было разрешено свидание с духовными детьми. Он незаметно вложил книгу в широкий рукав монашеского

⁹⁹ См. 2-ю и 3-ю паремии преподобным отцам (Минея общая. М., 1998. С. 235 об., 236).

¹⁰⁰ Дневник послушника Николая Беляева... 9 ноября 1908 г. С. 160.

ветошника духовной своей дочери, которая и вынесла ее из стен тюрьмы. Эти драгоценные записи были восприняты осиротевшими духовным чадами преподобного Никона как его духовное завещание им, как живое свидетельство его старческого подвига. Особенно интересны для нас примечания на те самые главы о послушании, которые вызывают особенные недоумения отца Доримедонта: последний старец Оптиной пустыни оставил нам вполне исчерпывающее разъяснение этих недоумений.

«Некоторые соблазняются содержанием XII и XIII глав тома 5-го, видя в них учение как бы против старчества,— пишет преподобноисповедник Никон Оптинский.— А некоторые и вообще настроены и предубеждены против сочинений Игнатия Брянчанинова. Между прочим, и в Оптиной пустыни сочинения епископа Игнатия были у некоторых старцев не в благоволении. Причина этому такова: епископ Игнатий писал вообще для всех монастырей и монахов, и писал как раз тогда, когда в Оптиной пустыни были великие старцы, был, так сказать, расцвет старчества, чего в огромном большинстве монастырей не было. Оптина пустынь была в особом, исключительном положении. При наличии духовного богатства в Оптиной пустыни сочинения епископа Игнатия не могли для ее насельников иметь того особого, важного значения, которое они имели для иноков других монастырей и даже мирян, ищущих спасения души. Неопытному новопоступившему послушнику Оптиной пустыни они (собственно, две эти статьи) могли даже и повредить, зародив в нем мысль недоверия к старцам, и отвлечь его от

простосердечного им послушания во вред своему иноческому преуспеянию. Предохраняя некоторых своих духовных детей от возможности такого явления, старцы и не советовали им читать вообще сочинения епископа Игнатия, доставляя им понимание иночества с духовной стороны своим руководством и подбором другого, преимущественно святоотеческого чтения. Но для тех, кто постоянного старца не имел (а это было в большинстве монастырей), сочинения еп<ископа> Игнатия были драгоценны. Они были драгоценны и для иноков Оптиной пустыни, которые пользовались ими для иноческого своего назидания; они им не мешали быть в послушании у своих старцев, причем даже сами старцы указывали на них как на прекрасное руководство к пониманию истинного иноческого подвига. Читающий сочинения еп<ископа> Игнатия внимательно и без предубеждения ясно увидит, что они и не идут против старчества, а указывают лишь на то, что ныне истинные старцы весьма оскудели, что старца найти ныне весьма трудно и что независимо даже от того, каков старец и имеется ли он налицо, — самое житие под руководством у старца стало ныне редкостью и по многим причинам *весьма затруднительным* или, как выражается еп<ископ> Игнатий, — и “не дано нашему времени, возможно лишь *усвоение духа его*”. Следовательно, неблагоприятное отношение некоторых старцев к сочинениям еп<ископа> Игнатия надо считать относительным и временным, ибо сочинения его вполне православны, проникнуты духом Евангелия и учением св<ятых> отцов, они достойны всякого внимания и уважения. Надо помнить, что

еп<ископ> Игнатий, предостерегая от безрассудного послушания старцам, имеет в виду послушание нравственное, совершаемое в душе с целью нравственного, духовного воспитания себя, своего ума и сердца, а не послушание внешнее, потребное и необходимое во всяком общежитии иноческом и даже вообще при всяких взаимоотношениях людей, исключая из этого лишь тот случай, когда приказывается или советуется что-либо явно греховное. Это еп<ископ> Игнатий и оговорил в конце 76-й и начале 77-й страницы и на 80-й странице в примечании 3-м. Следовательно, здесь не дается никакого повода к презорству, самочинию, самосмышлению, как это может показаться при беглом и невнимательном чтении. А что нравственно душою своею и сердцем предаться в полное послушание кому-либо возможно лишь при условии уверенности в истинности преподаваемого учения, постоянно подтверждаемого и личною добродетельною жизнью учащего, согласно с духом Евангелия и св<ятых> отцов Церкви Православной, — не приходится спорить. Вообще же, о благотворности старческого руководства еп<ископ> Игнатий ясно говорит во многих местах своих сочинений, например, в 5-м томе стр. 8 п. 3, 63 в конце; 102, 149, 150, 338, 339, 459 (изд. 1886 г.). Не лишним будет заметить, что содержание вышеозначенных глав — XII и XIII — относится и к ищущим руководства (ученикам), и к руководителям (старцам). Пусть каждый берет себе в назидаение то, что его касается: послушник — как следует учиться и смиряться, а руководитель — как учить. Будет польза и тому и другому. <...> Наконец, можно добавить следующее. Некоторые свое

нежелание вообще слушаться (ибо слушаться — значит отказываться от своей воли, а это болезнь для сердца) прикрывают оправданием себя, что, мол, нет старцев и, следовательно, некого слушаться, и потому вообще не принимают никаких советов. Это есть уже отвержение духа послушания, про необходимость стяжания которого говорит еп<ископ> Игнатий (т. 5, с. 75 и 76). Это уже заблуждение, от которого да сохранит всех Господь. Это, можно сказать словами преп<одобного> аввы Дорофея, есть причина всех нравственных падений вообще. К такому лукавому отношению к делу послушания сочинения еп<ископа> Игнатия не дают ни малейшего повода; такое отношение доказывает не недостаток сочинений, а злую волю человека, для которой даже подлинное слово Божие может явиться **вонюю смертною в смерть** [ср.: 2 Кор. 2, 16], как сказал св<ятой> апостол Павел. В заключение остается лишь пожелать, чтобы сочинения епископа Игнатия были внимательно читаемы и приносили благий плод»¹⁰¹.

---

¹⁰¹ *Никон (Беляев), иеромонах.* Завещание духовным детям. Куйбышев, 1990. Об отшельнической жизни и об исповеди, покаянии. С. 25–28, 31.

СМЕШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Иеромонах Доримедонт считает, что в сочинениях святителя Игнатия «наблюдается смешение различных видов послушания», что святитель «не уточняет, какое послушание он имеет в виду в том или ином случае» и что эта «терминологическая путаница» создает сложность в понимании его учения. В то же время отец иеромонах свидетельствует, что святитель «не опровергает общих признаков послушания», признает его «основной монашеской добродетелью», советует монахам «оказывать послушание игумену и старшей братии, но одновременно ограничивает послушника лишь внешней, деятельной формой и категорически отвергает возможность глубокого послушания, отсечения мудрования, таинственного духовного союза *послушник — старец* для своей эпохи». Отец Доримедонт поясняет, что «помимо послушания в смысле отсечения своей воли (греч.: ὑπακοή) в новом русском монашеском лексиконе этим словом обозначается также то или иное служение, возлагаемое на монаха в монастыре (греч.: διακόνεια)» и что якобы святитель Игнатий часто не уточняет эту разницу.

Но, хотя отец Доримедонт и обещал «сделать важное уточнение» в отношении «различных форм и степеней» послушания, однако в его разъяснении эти формы становятся еще более

расплывчатыми. Как будто он отличает послушание «в смысле отсечения своей воли» от внешнего *служения* в монастыре, отмечая при этом, что святитель Игнатий *смешивает* эти понятия и ограничивает послушника лишь *внешней, деятельной* формой. Но здесь же иеромонах сам *смешивает понятия*, когда *внешнее, деятельное* послушание и *отсечение своей воли* ставит в один ряд: «Послушание внешнее, деятельное, отсечение воли должно, по святоотеческому учению, иметь в своей основе послушание внутреннее, духовное, *послушание мудрования*»! Далее он пишет: «Самое результативное послушание — это именно послушание мудрования, а не одно лишь внешнее отсечение своей воли. Именно этим послушание и отличается от рабства, несмотря на то, что по внешней форме они могут быть и схожи»¹⁰². Такое разделение подвига *отречения своего мудрования* и *отсечения своей воли* странно. Святоотеческие аскетические писания под *отсечением своей воли* понимают обширное делание, которое нацелено на исправление всего внутреннего человека и затрагивает все силы души, в том числе и силу разумную. То же самое понятие мы находим и в учении святителя Игнатия. По слову святителя Феофана Затворника, волевая природная сила «держит в своем заведывании все силы души и тела», она есть «госпожа всех наших сил и всей жизни», дело воли — «определять образ, способ и меру удовлетворения желаний, порождаемых потребностями...»¹⁰³. И именно эта сила, по

¹⁰² Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 10–12.

¹⁰³ Феофан [Затворник], епископ. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Письма. Л., 1991. С. 23, 25.

святому Иоанну Дамаскину, есть *первострадавшее* в человеке при падении: «...что и пало, как не воля? Что согрешило, как не воля? Поэтому то, что пало, что согрешило, то более и нуждалось в исцелении»¹⁰⁴. По святителю Григорию Богослову же, «первый был поражен» в Адаме ум, «ибо что приняло заповедь, то и не соблюло заповеди; и что не соблюло, то отважилось и на преступление...»¹⁰⁵. Неужели противоречие между отцами? Но вот опять же преподобный Дамаскин говорит: «Что же пало и прежде пострадало, как не ум и его разумное стремление, то есть воление? Это, стало быть, и нуждалось в исцелении — ведь грех есть болезнь воли»¹⁰⁶. Здесь нет противоречия, но дело в том, что в данном вопросе под *волей* нужно понимать не естественную волевою способность, хотение или желание, а *ипостасную волю*, то есть волю выбирающую, свободный выбор человека (γνώμη), который неотделим от разума. В статье известного богослова Владимира Лосского находим следующее разъяснение этого вопроса: «Святой Максим [Исповедник] различает... “естественную волю” (θέλημα φυσικόν) как желание добра, к которому стремится всякая разумная природа, от “воли выбирающей” (θέλημα γνωμικόν), свойственной личности. <...> Впрочем, по мысли святого Максима, эта “свобода выбора” сама уже есть несовершенство, ограничение истинной свободы: совершенная природа не нуждается в выборе, ибо

¹⁰⁴ Иоанн Дамаскин, преподобный. Творения. М., 1997. С. 105.

¹⁰⁵ Григорий Богослов, святой. Собрание творений: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 13.

¹⁰⁶ Иоанн Дамаскин, преподобный. Творения. С. 117.

она знает добро естественным образом; ее свобода обоснована этим знанием. Наш свободный выбор (γνώμη) говорит о несовершенстве падшей человеческой природы, о потере подобия Божьего. Затемненная грехом, не знающая больше истинного добра, природа эта устремляется чаще всего к тому, что “противоприродно”, и человеческая личность всегда находится перед необходимостью выбора; она идет вперед ощупью. Мы называем эту нерешительность в восхождении к добру “свободой воли”. <...> Зло вошло в мир через волю. <...> Для святого Григория Нисского грех — болезнь воли, которая ошибается, принимая за добро его призраки. <...> Зло становится реальностью только через волю, которая является единственной его субстанцией; именно она дает злу известное бытие»¹⁰⁷ и т. д. Тот же святой Дамаскин говорит о грехопадении прародителей: «...поскольку не подчинилась воля Адамова воле Божией, но выбор его возжелал противного Божией воле, — и это было грехопадение, и никто из потомков Адамовых не стал во всем послушен Божией воле, но каждая ипостась по собственному выбору послушалась воли Божией»¹⁰⁸. Эта *свобода выбора, свобода решения* «соединена с разумом», по слову святого Дамаскина, или, как сказано выше, «воление» есть «разумное стремление» ума. Одному и тому же разуму нашему «принадлежит, с одной стороны, созерцательная способность, с другой — способность

¹⁰⁷ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004. Гл. VI: Образ и подобие. С. 163–164, 167–168.

¹⁰⁸ Иоанн Дамаскин, *преподобный*. Творения. С. 114.

действовать». При этом «созерцательную способность называют умом, способность же действовать — разумом...»¹⁰⁹. Таким образом, исправление нашей падшей воли никак не может протекать без участия в этом нашей разумной силы. В словах, сказанных Господом в Гефсимании, перед восшествием на Крест: **Не Моя воля, но Твоя да будет** (Лк. 22, 42), святой Иоанн Дамаскин видит «естественное и разумное стремление ума, свободное, рассудительное и обуздывающее неразумное стремление»¹¹⁰. Можно сказать, что и в монастырском послушании при отсечении своей воли ради спасения души и в большом, и в малом всегда наличествует разумное, свободное и рассудительное стремление ума, свободный выбор, совершаемый ипостасной волей. А рабство отличается от послушания именно тем, что там вовсе не происходит ни отсечения воли, ни разумного выбора, но имеет место только невольное подчинение ради временной выгоды, по причине страха или лицемерия.

Таким образом, скорее из брошюры иеромонаха Доримедонта можно сделать вывод, что однозначно обрисовать границу между внешним, деятельным послушанием и внутренним, духовным невозможно, поскольку обе эти формы взаимопроникают одна другую и даже не мыслятся одна без другой. Сам же отец Доримедонт замечает, что в данном случае «одним и тем же словом могут выражаться явления различной формы и глубины». Отсюда следует, что речь может идти не о четком терминологическом различии видов послушания, а о внутреннем его

---

¹⁰⁹ *Иоанн Дамаскин, святой*. Точное изложение православной веры. М.; Ростов-на-Дону, 1992. Кн. 2. Гл. XXVII. С. 181.

¹¹⁰ *Иоанн Дамаскин, преподобный*. Творения. С. 115.

содержании. Отец Доримедонт утверждает, что внешняя, деятельная форма послушания должна быть тесно связана с внутренним, духовным деланием. Действительно так! Потому-то у нас и монастырские служения называются *послушаниями*, и это имеет глубокий духовный смысл, указывая на то, что ничего в монастыре не делается только ради временного быта, ради обустройства житейского, но все внешнее и телесное здесь неразрывно связано с внутренним и духовным. Именно этому и учит святитель Игнатий, отмечая, что монастырские занятия (διακόνεια) потому и называются *послушаниями* (ὑπακοή), что они *соединены с отречением от своей воли и от своих разумений*. Здесь же видим, что святитель никак не отвергает такое делание, как *отсечение мудрования*, не считает, что сегодня оно невозможно. Уже во втором правиле наружного поведения в «Приношении современному монашеству» святитель говорит: как «поступающие в больницу... обязываются руководствоваться во всем наставлением врача, не позволяя себе употреблять пищу, одежду, движение, лекарства по собственному усмотрению, иначе вместо пользы они принесут себе вред; так и всякий, вступивший в монастырь, обязывается упражняться не в тех подвигах и трудах, которые кажутся самому ему нужными и полезными, но в тех, которые будут ему указаны и назначены настоятелем...»¹¹¹. В третьем

¹¹¹ Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 8.

Даже это правило не всегда соблюдалось в обителях той эпохи. К примеру, Серафим Саровский, будучи послушником, сам определял для себя, сколько часов отдавать сну, так что спал сначала только три часа, от чего у него начались сильные головные боли, после чего он стал спать больше. То же самое, как мы видели, предпринимал самостоятельно и

правиле говорится, что «произвольные труды, совершаемые по сомнению или прихоти... как бы ни были велики, не только не приносят никакого духовного плода», но, напротив того, усиливают в иноке страсть гордости и сомнения, что «монах, в особенности юный, будет не в силах обуздать самых похотений вожделения, если прежде не обучится умерщвлению своих волей посредством послушания», что «тот, кто не научился прежде побеждать свои воли, никак не возможет погасить ни гнева, ни печали, ни духа любоддеяния»¹¹², — очевидно, что здесь под *своими волями* надо понимать не просто желания, а именно свое *мудрование* — собственное свое разумение о том, что *нужно* и *полезно*. Здесь уместно вспомнить слова святого Иоанна Лествичника: «Кто совершенно отвергся самочиния и в том, что он почитает добрым, духовным и богоугодным, тот уже достиг цели, прежде, нежели вступил в подвиг; потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей»¹¹³. А мы находим, что святитель Игнатий требует от новонаначального прежде всего отвергнуться именно такого самочиния. Конечно же, главная цель *монастырских занятий*, или возлагаемых на монаха в монастыре служений, не во внешнем благоустройстве обители или воспитании в иноках одной внешней исполнительности, чинности, собранности, — цель

преподобный Паисий (Величковский), будучи послушником монастыря. В устроенной обители, где сохраняется наука послушания и духовник заботливо руководит новоначальными, вряд ли это было бы допустимо.

¹¹² Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 8–9.

¹¹³ Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово 4:5. С. 34.

иная: это как бы начальная школа борьбы со своей самостью, своим мудрованием и своеволием, первая ступень духовной брани, отречения от самого себя и возненавидения души своей в веке сем.

Как мы уже отмечали выше, святитель Игнатий придавал огромное значение исповеданию помыслов — деланию, которое прежде других способно исцелить собственное мудрование. И это делание прописано в правилах наружного поведения в «Приношении...»: «Новоначальный! Посещай часто келию твоего духовника или твоего старца для духовного твоего назидания и исповедания твоих согрешений и греховных помыслов твоих. <...> Почитай святилищем ту келию, в которой ты слышишь оживотворяющее тебя слово Божие»¹¹⁴. Откровение своих помышлений старцу он считает самым действенным способом борьбы с падшими духами¹¹⁵. Святитель Игнатий очень часто предостерегал учеников от доверия своему разуму¹¹⁶: «Приписывающий себе сведения и здравый смысл уподобляется диаволу, который хотел признать себя источником света. Он и есть источник мнимого света — плотского мудрования, которое не покоряется разуму Божию, носит на себе печать гордыни и заключает в себе условие всех грехопадений. “Видел ли еси кого падша? Увежды,

¹¹⁴ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение...* С. 19.

¹¹⁵ См.: Там же. С. 338–339.

¹¹⁶ Мы не имеем в виду, что все эти мысли сказаны святителем Игнатием в отношении монастырского послушания, мы хотим подчеркнуть, насколько важным считал святитель отвержение падшего разума, плотского мудрования в деле спасения души: ясно, что он никак не мог отвергать этого делания для современного монашества.

яко себе последова”, — говорит авва Дорофей»¹¹⁷; «Не доверяйте, братия, вашим помыслам, разумениям, мечтам, влечениям, хотя бы они казались вам самыми благими, хотя бы они представляли вам в живописной картине святейшее монашеское жительство»¹¹⁸; «Ум человеческий не в состоянии отличить добра от зла; замаскированное зло легко, почти всегда, обманывает его. И это очень естественно: ум человеческий юн, а борющиеся его злыми помыслами имеют более чем семитысячелетнюю опытность в борьбе, в лукавстве, в ловитве душ человеческих. Различать добро от зла принадлежит сердцу, — его дело. Но опять нужно время, нужно укоснение в заповедях евангельских, чтоб сердце стяжало тонкость вкуса к отличию вина цельного от вина поддельного. <...> Поэтому, доколе сердце не стяжет навыка отличать добро от зла, очень полезен опытный совет ближнего — воспитанника Восточной Церкви... ищущего и нашедшего в повиновении ей блаженную свободу»¹¹⁹; «Евангелие научает нас, что падением мы стяжали лжеименный разум, что разум падшего естества нашего, какого бы он ни имел достоинства природного, как бы ни был изошрен ученостию мира, сохраняет достоинство, доставленное ему падением, пребывает лжеименным разумом. Нужно отвергнуть его, предаться водительству веры...»¹²⁰. Святитель часто повторяет, что новонаначальному прежде всего нужно научиться

¹¹⁷ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 127. С. 225.

¹¹⁸ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 54.

¹¹⁹ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 186. С. 358–359.

¹²⁰ Там же. Письмо 203. С. 391.

побеждать свои воли. Конечно, побеждая свою волю, он непременно будет умерщвлять и свое мудрование. Самосмышление неотделимо от своеволия. В письмах святитель дает такие советы своим ученикам: «Духовного преуспеяния тебе надо искать в отсечении своей воли. Это дело умерщвляет страсти и изводит, как из ада, из плотского мудрования»¹²¹; «Сила и жизнь всех страстей человека сосредоточены в его испорченной воле: послушание, связывая и убивая волю, связывает и убивает совокупно все страсти»¹²²; «Распнись на кресте послушания, творя единственно повелеваемое тебе, а отнюдь не увлекаясь твоими собственными ощущениями и рассуждениями...»¹²³.

Итак, думаем, что только невнимательное отношение к словам и учению святителя Игнатия может натолкнуть на мысль, будто он ограничивает возможный на сегодняшний день подвиг послушания в монастыре лишь тем *своеобразным* видом послушания, которое есть скорее служение, подчинение, исполнительность, монастырский труд; послушание же в смысле отсечения своей воли, отречения от своего мудрования считает невозможным в наши дни или что он не ясно различает эти образы послушания. Но вот автор брошюры, пытаясь доказать, что у святителя Игнатия понятия внешнего послушания и послушания внутреннего смешиваются, приводит слова из одного письма преподобного Амвросия Оптинского: «Я... помню неточное приведение им [святите-

---

¹²¹ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 505. С. 734.

¹²² Там же. Письмо 282. С. 531.

¹²³ Там же. Письмо 136. С. 238.

лем Игнатием] мест из писаний св<ятых> отцов. Например, в Добротолюбии у Симеона Нового Богослова говорится в третьем образе внимания молитвы о послушании к старцу и духовному отцу, без которого неудобно спастись молитвою Иисусовою, а преосв<ященный> Игнатий отнес это к простому общему монастырскому послушанию; а ты ведь и сама знаешь, какое великое различие между тем и другим послушанием»¹²⁴. Очевидно, что старец Амвросий здесь имеет в виду статью святителя «О упражнении молитвою Иисусовою» из первого тома «Аскетических опытов»¹²⁵, которая построена как беседа старца с учеником. *Старец*, отвечая на вопрос: «Удобна ли для обучения молитве Иисусовой жизнь в монастыре, посреди более или менее многочисленного братства и молвы...», говорит, что такая жизнь может способствовать к успешному обучению молитве при условии, что новоначальный будет жить правильно, то есть если он будет прилежать послушанию и смирению. Святитель Игнатий в этой статье устами *Старца* особенно подчеркивает важность послушания, от которого и рождается смирение, им же смирение и поддерживается, смирение же вводит в душу мир Божий. Таким образом, послушание есть дверь, вводящая законно и правильно в умную и сердечную молитву, или, что то же, в истинное священное безмолвие. Из сказанного видно, что речь у святителя не об «общем монастырском

---

¹²⁴ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 12.

Цит. по: Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия: В 3 ч. М., 1995. Ч. 3. Письмо 396. С. 117.

¹²⁵ См.: Игнатий (Брянчанинов), святитель. Аскетические опыты. Т. 1. С. 257–295.

послушании», не об одной внешней исполнительности, а о том подвиге самоотвержения, при котором рождается смирение, мир Божий, которые и создают условия для умной молитвы и для сердечного безмолвия. Вслед за этим уже святитель Игнатий пишет: «Святой Симеон Новый Богослов говорит о внимательной молитве: “как я думаю, это благо проистекает нам от послушания. Послушание, являемое духовному отцу, соделывает всякого беспопечительным. Таковой какую привременную вещь может быть побежден или порабощен? какую печаль и какое попечение может иметь такой человек?”»¹²⁶. Именно это цитирование преподобный Амвросий и считает неуместным, поскольку у святого Симеона здесь «речь о послушании к старцу и духовному отцу». Недоумение принимает такой вид: святой Симеон говорит о весьма высоком молитвенном делании, которое возможно только при совершенном послушании духовному наставнику¹²⁷, а святитель Игнатий говорит о том же делании молитвы, но при условии «общего монастырского послушания», без старца (что являлось бы, конечно, не просто *неточностью*, а серьезнейшим искажением святоотеческого учения). Но ведь святитель Игнатий не с той целью приводит эти слова, чтобы доказать, будто самый «третий образ молитвы», описываемый святым Симеоном, вполне достижим

¹²⁶ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Аскетические опыты. Т. 1. С. 273.

¹²⁷ Примечательно, что святой Симеон считает возможным такое послушание только в том случае, когда новоначальный «нападет и на духовного отца истинного, который сам не состоит в прелести» (*Симеон Новый Богослов, преподобный*. Творения: [В 3 т.]. Т. 2. ТСЛ, 1993. Слово 68. С. 183).

при одном только самоотвержении и смирении, без помощи духовного руководителя, опытно изведывавшего это делание. Преподобный Симеон говорит здесь о молитве, которую должно умом производить в сердце, и учит способам, которыми ум удобно вводится в сердечную клеть¹²⁸. Но святитель Игнатий здесь же, в предыдущем ответе *Старца*, категорически запрещает подобные приемы: «Вот тебе завет мой: не ищи места сердечного. <...> Занимайся исключительно и со всею тщательностью молитвою покаяния...»¹²⁹. Святитель четко различает делание *сердечной* молитвы от делания молитвы *внимательной*! Так, в другой статье он отмечает, что преподобный Иоанн Лествичник «предписывает находящимся в послушании молитву внимательную, а созревшим для безмолвия — молитву сердечную»¹³⁰. Именно о том, какие упражнения необходимы для стяжания такой молитвы *покаяния*, молитвы *внимательной*, при нахождении в многочисленном братстве, и говорит святитель Игнатий. Выделяя подвиг послушания как наиболее подготавливающий к такой покаянной, внимательной молитве, святитель поясняет все весьма полезные стороны его. Среди них и то, что послушание соделывает послушника *беспечетельным*. Конечно же, послушание на

---

¹²⁸ При этом святой Симеон указывает некоторые внешние приемы, которые святитель Феофан Затворник, переводивший эти наставления, опустил по причине того, что они «иных соблазняют и отбивают от дела...». Святитель Феофан поясняет: «Так как сии приемы, по недостатку руководителей, могут сопровождаться не добрыми последствиями... то мы их пропускаем» (см.: Там же. С. 188. Примеч.).

¹²⁹ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Аскетические опыты. Т. 1. С. 272.

¹³⁰ Там же. С. 223.

всех уровнях — будь то послушание в виде служения или подчинения игумену и старшим или же послушание как совершенное доверие своему старцу — всегда в первую очередь удобно и превосходно тем, что снимает с души множество суетных и бесполезных забот и суждений, что и создает прекрасные условия для молитвы. Святитель Игнатий именно и выделяет здесь тот факт, что послушание избавляет от попечений и страстей, которые служат причиной сердечного ожесточения, и таким образом послушание уничтожает рассеянность, от которой молитва бывает бесплодной. Так что никак не находим, чтобы святитель Игнатий цитировал здесь святого Симеона «неточно», неуместно или хоть в малой степени переменил смысл наставления этого святого отца.

Отметим к тому же, что преподобный Амвросий Оптинский в вышеупомянутом письме отвечает на вопрос: «Почему преосвященный Феофан [Затворник] не одобрял сочинений преосвященного Игнатия Брянчанинова?». Он пишет: «Я всех его сочинений не читал, а помню неточное приведение им мест из писаний св<ятых> отцов» и т. д. Заканчивает свой ответ преподобный Амвросий словами: «Должно быть, пр<еосвященный> Феофан нашел и много других неточно приведенных мест у пр<еосвященного> Игнатия. Впрочем, *Слово о смерти* хорошо им написано; также не плохо разъясняется им прелесть ума и прелесть сердца»¹³¹. Далее мы подробнее скажем, в чем именно было несогласие между двумя святителями,

---

¹³¹ Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ч. 3. Письмо 396. С. 117.

пока же коротко отметим, что как раз то самое «Слово о смерти», которое хвалит святой Амвросий и в котором наиболее полно изложено суждение святителя Игнатия о природе души и Ангелов, и вызывало «неодобрение» святителя Феофана. Об остальных же писаниях святителя Игнатия Феофан Затворник отзывается весьма одобрительно и желавших поучиться Иисусовой молитве отсылал к учению о молитве святителя Игнатия. Кроме того, в словах старца Амвросия обращает на себя внимание немалое противоречие: он отмечает, что в произведениях святителя Игнатия *прелесть ума и сердца* хорошо им *разъяснена*. Но если бы святитель Игнатий проповедовал учение о том, что без опытного наставника, при одном наружном послушании, можно проходить умную сердечную молитву, описанную в статье о третьем образе внимания и молитвы святого Симеона (что прямо следует из замечания Оптинского старца), то это означало бы, что он толкает своих читателей прямо в самую глубь духовной прелести. Но как раз та самая статья о молитве, в которой отец Амвросий находит вышеуказанную неточность, наиболее и направлена против прелести ума и сердца при занятии молитвой Иисусовой. Из всего сказанного здесь и ранее нам приходится сделать вывод, что в Оптиной пустыни писания святителя Игнатия не всегда пользовались объективной оценкой и даже некоторые старцы Оптинские поглядывали на них с неоправданной осторожностью. Но, как мы видели выше, это недоразумение вполне исправляет последний старец Оптиной пустыни!

«ИДИ, ПРОДАЙ ВОЛЮ ТВОЮ»

Отец Доримедонт говорит, что епископ Игнатий «признает послушание основной монашеской добродетелью», что он «прекрасно пишет о плодах послушания», в то же время, по замечанию отца иеромонаха, «послушание мудрования (святитель может называть его и другими именами, например, “послушание старцу”, “послушание в его древнем виде” и т. п.) им отвергается категорически»¹³². Но, как мы уже заметили, святитель Игнатий считает и возможным в наше время, и весьма необходимым для монахов послушание не только внешнее и деятельное, но именно *глубокое*, с отвержением своеволия, самосмышления, с частым откровением своих помыслов духовному наставнику. Однако действительно находим у него немало предостережений в отношении всецелого доверия современным «старцам». Святитель отличает монастырское послушание, отсечение своей воли (в том числе и мудрования), отречение самости от того таинственного послушания, которое может быть названо *послушанием старцу* в высшем смысле этого понятия, и считает, что последнее (*в том виде, в каком оно было у древнего монашества*) «не дано нашему времени». Постараемся уяснить: какую же именно степень дове-

---

¹³² Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 12–13.

рия духовному руководителю святитель находит небезопасной сегодня и почему.

Если мы проследим внимательно за примерами послушания в древности (которых множество в патериках, в Лестнице святого Иоанна, в писаниях других отцов), то заметим, что отношение монаха к наставнику может иметь весьма различные формы. В одном случае новоначальный сосредотачивает все внимание, строит весь свой подвиг на недоверии себе, на борьбе с самостью, на том, чтобы искоренить в себе гордость, тщеславие, гнев и прочие страсти. На этом уровне может оказаться достаточным строгий, взыскательный наставник (даже не вполне опытный духовно), могут послужить этой цели братья (даже нерадивые), может принести пользу «старец» (даже гневный, страстный, невоздержанный). Поясним это на примерах: преподобный Иоанн Лествичник рассказывает о святом старце Иоанне Савваите, к которому трое иноков обратились за наставлением. Старец сказал одному из них: «Господь хочет, сын мой, чтобы ты пребывал в безмолвном месте в повиновении у духовного отца». Второму сказал: «Иди, продай волю твою и предай ее Богу, возьми крест твой и терпи в общежитии братий...». Третьему же сказал: «Иди, и, если возможно, избери себе наставника о Господе из всех людей суровейшего и строжайшего и, укрепившись терпением, ежедневно пей от него поругание и уничтожение, как мед и молоко». Брат же спросил: «Отче, а если он пребывает в нерадении, то что мне делать?». Старец отвечал: «Если бы ты даже увидел, что он блуд творит, не оставляй его... Тогда увидишь, что возношение истребится в тебе и похоть

плотская в тебе увянет»¹³³. Здесь ясно обрисовываются три вида послушания, и различаются они не тем, что в одном случае имеет место делание «глубокое», а в другом «наружное», но отличаются взаимоотношением послушника со старшими. Если в первом случае отношения весьма доверительные, искренние («сын» и «духовный отец»), то в двух других духовным училищем становится терпение скорбей, поруганий и унижений («терпи в общезжитии», «пей поругание и уничижение»). Здесь уже наставники избираются скорее как орудия врачевания, как плетка, смиряющая выю, изгоняющая самость (хотя и в этом случае, конечно, необходимы доверие и любовь к таким «учителям»). Святой Иоанн Лествичник говорит, что «по качествам страстей наших должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты неводержан и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим обучителем подвижник и в отношении к пище немолимый, а не чудотворец и который готов всех принимать и угощать трапезой. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам. ...Помышляй всегда, что наставник тебя искушает, и ты никогда не погресишь»¹³⁴.

Конкретный пример послушания недуховному старцу находим в той же Лествице, в истории

¹³³ *Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово 4:112. С. 66.*

¹³⁴ Там же. Слово 4:120. С. 68.

о преподобном Акакии. Святой послушник Акакий, «простой нравом, но мудрый смыслом», был учеником одного старца, который отличался «весьма не-радивой жизнью» и «дерзким нравом». Как повествует святой Иоанн, послушник этот «столько жестокостей перенес от сего старца, что для многих это покажется невероятным; ибо старец мучил его ежедневно не только укоризнами и ругательствами, но и побоями». Старец так бил его, что у послушника оставались то синяк под глазом, то раны на голове или на шее. В той же обители в Азии находился тогда авва Иоанн Савваит, отец высокой духовной жизни (который и поведал эту историю об Акакии). Он, видя, что этот смиренный послушник страдает ежедневно «как купленный раб», говорил ему при встрече: «Что, брат Акакий, каково сегодня?». В ответ тот показывал ему свои раны и следы от побоев. Авва Иоанн понимал, что это для Акакия есть спасительное делание, и говорил ему: «Хорошо, хорошо, потерпи и получишь пользу». Так прожил этот послушник девять лет у своего немилостивого старца и отошел ко Господу. Господь чудом засвидетельствовал, что Акакий своим подвигом самоотвержения достиг высокой святости¹³⁵.

Вот еще подобная история: некоторый старец жил в монастыре вне Александрии, был он очень вспыльчив и малодушен. Один юный монах, наслышавшись о нем, дал обет пред Богом, говоря: «Господи! За все злое, сделанное мною, я пойду и буду жить с этим старцем, претерпевая от него все и служа ему, как раб». Так он и поступил. Старец же обращался с ним, как с псом, ежедневно издевался над послушником. По соседству жил

¹³⁵ Там же. Слово 4:110. С. 63–64.

духовный старец и видел, как тот монах малодушествовал, как оскорблял брата и то, как послушник просил у старца прощения, кланялся ему в ноги, но тот не прощал его. Встречая молодого монаха, духовный старец спрашивал его: «Что, чадо? Как прошло сегодня? Приобрели ли мы что?». Брат, зная, что старец этот духовный, не скрывал от него тайн своих и отвечал: «Да, отец, сегодня мы немного потрудились». Когда же он проводил день спокойно, то есть когда он не был обруган, унижен, побиваем и изгоняем, то приходил вечером к духовному старцу тому и жаловался со слезами, что в день тот ничего не приобрел. Двенадцать лет юный тот монах находился в таком подвиге послушания, после чего отошел ко Господу. По кончине его духовный старец увидел блаженного послушника предстоящим Богу в лике мучеников¹³⁶.

Другой пример: преподобный Захария жил в скиту со своим родным отцом Карионом, который стал для него и его аввой. Однажды Захарии было видение, он открыл его своему отцу, но тот, хотя и был «старец, сильный в подвижничестве, не был искусен в различении видений. Он встал и бил авву Захарию, говоря: “Твое видение от демонов”». Но поскольку мысль о видении не оставляла Захарию, он ночью пошел к авве Пимену и открыл ему об этом. Старец понял, что видение это было от Бога, и послал его рассказать об этом другому духовному старцу. Тот подтвердил ему, что видение это от Бога. «Но иди, — прибавил он, — и будь послушен отцу своему»¹³⁷. Этот эпизод из жизни

¹³⁶ См.: Отчник... С. 434–435.

¹³⁷ См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. ТСЛ, 1993. С. 66–67.

святого Захарии так комментирует святитель Игнатий: «Благодатный, духовномудрый старец позаботился сохранить для Захарии то основание, на котором создалось его духовное преуспеяние. От истинного послушания рождается и истинное смирение...»¹³⁸. Конечно же, как святой Акакий, так и святой Захария не были в «слепом послушании» у своих неискусных старцев. Святитель Игнатий так поясняет их подвиг послушания: «Тот и другой находились в послушании у недостаточных старцев, но руководствовались советами духоносных отцов, также назидательнейшими примерами, которые были во множестве пред очами их: единственно по этой причине они могли пребыть в наружном послушании у своих старцев»¹³⁹. В службе святому Акакию Церковь указывает, что блаженный послушник руководствовался поучением в Божественных Писаниях: «Страстей успил еси желания, Акакие, бдение всенощное яко стяжав, послушание и смирение, поучение же Божественных Писаний, и сердце чисто, и ум несмущен. Тем же был еси и приятилище Духа Святаго...»¹⁴⁰.

В Лестнице также повествуется о вышеупомянутом нами авве Иоанне Савваите, что во время его пребывания в Азии он был послушником у одного кроткого, тихого и безмолвного монаха, но, видя, что старец почитает и покоит его, он посчитал такое обхождение для себя опасным и потому упросил старца отпустить его. После этого

¹³⁸ Отечник... С. 132.

¹³⁹ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 73.

¹⁴⁰ См. службу святому Акакию: на «Господи воззвах» стихира вторая (Минея. Месяц июлий. М., 1996. День 7-й. С. 116). То же: на стиховне вечера стихира вторая (Минея. Месяц ноябрь. М., 1997. День 29-й. С. 616).

Иоанн поместился в одном из общежитий. Там у него было видение, показавшее ему, что он должен много еще потрудиться ради уплаты некоторого долга. После этого он говорил: «Прожил я в этом общежитии три года, беспрекословно исполняя всякие послушания и будучи всеми унижаем и оскорбляем, как пришелец...». Затем ему опять было видение, что им заплачена одна десятая доля долга. Тогда он решается понести еще больший подвиг и большее бесчестие. «С того времени, — рассказывал авва Иоанн, — начал я притворяться лишенным рассудка, впрочем, не оставлял служения; немилостивые же тамошние отцы, видя меня в таком положении и в прежнем усердии, возлагали на меня все тяжкие дела в обители». И только после трудов и унижений ему было показано в видении, что долг им заплачен¹⁴¹.

Из древнего патерика известна следующая история: некоторый монах, живший в пустыне Скита в Египте, пришел посетить святых отцов, живших в месте, называемом Келии. Один из тамошних старцев, имея одну отдельно стоящую келию незанятой, предложил ее на время страннику. Вскоре к пришельцу, поскольку он имел благодатный дар преподавать слово Божие, стали ходить за духовным назиданием многие из братьев. Увидев это, старец, предоставивший ему келию, уязвился завистью, так как к нему за все долгое время его жизни в тех местах никто из братьев не обращался за наставлениями. Разгневанный, он послал ученика своего к тому монаху с повелением оставить келию, под предлогом, что она нужна

¹⁴¹ См.: *Иоанн Лествичник, преподобный*. Лествица. Слово 4:111. С. 64–65.

ему самому. Ученик же, придя к скитянину, приветствовал того и сказал, будто старец прислал его осведомиться о здоровье гостя. Тот благодарил старца, сказал, что страдает желудком, и просил молитв о себе. Старцу же своему по возвращении послушник сказал, что странник просит подождать два дня, пока сыщет себе другую келию. Через три дня старец опять посылает ученика с подобным же поручением, да еще и передает через него угрозу, что если скитянин не оставит немедленно его келию, то он сам придет с жезлом и изгонит его силой. Ученик же сказал страннику совсем иное: будто старец послал его узнать, не улучшилось ли здоровье гостя. Пришелец благодарил старца за внимание, говорил, что за его святые молитвы чувствует себя лучше. Старцу же своему ученик сообщил, будто странник просит подождать еще до воскресенья. Наконец старец, воспламененный гневом и завистью, отправился с жезлом в руке выпроваживать «настырного» гостя. Ученик попросился пойти впереди, якобы для того, чтобы посмотреть, нет ли со скитянином кого из братьев, дабы они не соблазнились, увидев старца столь разгневанным. Сам же поспешил к гостю и сказал ему: «Вот отец мой идет, чтобы посетить тебя. Поспеши выйти ему навстречу и поблагодарить его, потому что он делает это по побуждению великой сердечной благодати и любви к тебе». Скитянин поспешил навстречу старцу, пал перед ним на землю, воздавая поклонение, благодаря его за оказанную любовь и заботу. Старец, услышав от него слова теплой благодарности, умилился и, кинув жезл, устремился в объятия скитянина. Они дали друг другу целование о Господе, старец

пригласил гостя в свою келию вкусить пищу при благодарении Бога... Потом он наедине расспросил ученика своего, передавал ли он его слова скитянину. Ученик открыл всю истину старцу своему, говоря: «Скажу тебе, владыко, правду: по преданности моей, которою я обязан тебе, как отцу и владыке, я не осмелился сказать ему того, что ты приказывал, и ни одного из слов твоих не передал». Старец, услышав это, пал к ногам ученика, говоря: «От сего дня ты — мой отец, а я — твой ученик...». Повесть эта заканчивается такими словами: «Господь даровал благодать Свою, и они все пребыли в мире Христовом, доставленном верою, святыми попечениями и благонамеренностию ученика, который, любя старца своего совершенною во Христе любовью, очень боялся, чтоб духовный отец его, увлеченный страстью зависти и гнева, не впал в проступок, долженствующий уничтожить все труды его, поднятые с юности в служении Христу...»¹⁴². Какая примечательная история! Совершенная любовь ученика к старцу, преданность ему и почтение выразились в том, что послушник не послушался своего старца, поступил вопреки его словам и указаниям, когда старец действовал по малодушию и по страсти.

Вот еще поучительный случай, из другой уже эпохи: в то время, когда Дивеевская община находилась в самом начале своего устройства и не была еще духовно окормляема преподобным Серафимом Саровским, начальницей общинки по выбору сестер была поставлена Ксения Кочеулова. Она проводила жизнь настолько суровую, неся подвиги, посильные только монахам, что о периоде ее

---

¹⁴² Отечник... С. 430–432.

правления в обители сохранилось воспоминание как о времени невыносимо трудном, подвижническом. Некоторым сестрам она казалась даже жестокой. В первый год ее правления из-за суровой строгости матушки начальницы из 52 сестер было 40 и осталось с ней только 12. Но к тому времени, как святой Серафим мог уже обратить свое внимание на устройство Дивеевской обители, там вновь собралось до 50 сестер. Старец, посылая одну сестру жить в Дивеево, под руководство матушки Ксении, сказал: «Во, матушка! Ксения-то Михайловна жизни высокой, бич духовный, матушка!». При всем том матушка начальница была скуповата и не позволяла давать хлеб сестрам вне трапезы. Батюшка же Серафим строго запрещал когда-либо и кому-либо отказывать в хлебе. Сестра, заправлявшая трапезой, в страхе перед настоятельницей не давала сестрам хлеб. Отец Серафим, узнав об этом, вызвал к себе сестру эту и, страшно разгневавшись на нее, строго и грозно выговаривал ей. Та оправдывалась перед ним, объясняя, что-де начальница не велела давать и строго с нее спрашивает за это. Батюшка Серафим же гневно говорил: «Нет, нет, матушка, нет тебе от меня прощения! Так что ж, что начальница, не она моих сироточек-то кормит, а я их кормлю! Пусть начальница-то говорит, а ты бы потихоньку давала, да не запирала, тем бы и спаслась». Святой Серафим так и ушел, не благословив сестру. Выговор этот так запал ей в душу, что она, как пришла домой, начала хворать, зачахла и потом умерла¹⁴³. Очевидно, преподобный Серафим Саровский

¹⁴³ См.: *Серафим (Чичагов), митрополит. Летопись...* С. 212–213.

требовал, чтобы послушание сестер настоятельнице монастыря было разумное, рассудительное, но никак не слепое, не человекоугодническое.

Святого Иоанна Пророка (сподвижника Варсануфия Великого) спросили: «Если кто-нибудь живет со старцем, но старец сей не в состоянии будет (удовлетворительно) отвечать на его вопросы, брата же будут угнетать помыслы, то не лучше ли ему вопрошать другого отца, согласно с волею своего старца, или даже без воли его?..». Святой отец отвечал: «Если он знает, что авва его действительно заботится о пользе души его, то смело должен сказать ему: “Меня смущают помыслы, — как рассудишь, что мне делать?”. ...И тот старец сам с радостью приведет ученика своего к человеку, имеющему дарование (рассуждения духовного), или пошлет к нему. Если же брат знает, что старец его не может понести сего, то ничего не должен говорить ему; но, когда найдет удобное время и Бог подаст возможность, пусть спросит о своих помыслах другого духовного старца, прося о том, чтобы не узнал о сем его авва, иначе он возбудит в нем страсть зависти и то, что брат спросил другого без его ведома, причинит ему большую скорбь. Впрочем, брат не должен соблазняться о своем авве, что он не имеет такого дарования, ибо оно не всем дается...»¹⁴⁴.

Итак, во всех описанных случаях обращает на себя внимание своеобразие отношений ученика с наставником, новоначального со старшим, послушника с настоятелем. Очевидно, что их нельзя

---

¹⁴⁴ *Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные.* Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошания учеников. М., [1993]. Ответ 501. С. 323–324.

приравнивать к тем таинственным и искренним взаимоотношениям, которые складываются между истинным *духовным старцем* и водимым им *духовным чадом*. При всем том, что и в вышеописанных, и в подобных им случаях совершается подвиг отсечения своей воли и отвержения плотского мудрования на самом глубоком уровне, послушник здесь, однако, не всецело доверяет наставнику свое духовное руководство. При решении тонких духовных проблем и избрании внутреннего делания он прибегает к духовному рассуждению, которое обретает, изучая Святое Писание и писания святых отцов, рассматривая подвиг окружающих его ревностных подвижников, прислушиваясь к их наставлениям, пользуется советом других отцов (иногда даже скрывая это от своего наставника). Господь Иисус Христос говорит, что *ученик* не может быть *выше* своего *учителя* (ср.: Мф. 10, 24), а в данном случае мы находим, что многие из этих учеников оказывались по уровню духовности значительно выше своих *учителей*. Отсюда следует, что в этих случаях наставник не был *старцем* и *учителем* в высшем значении этого понятия: слово *старец* применено здесь скорее в смысле *старший, настоятель*, даже — *начальник*. В данных случаях послушание сочетается с рассматриванием, как бы с перепроверкой того, что говорится и делается старшими, с оглядкой на учение святых отцов древности, на пример современных подвижников. При таком послушании Божественный Промысл оставляет за послушником право иметь рассуждение относительно того, что ему предлагается со стороны наставника, оставляет свободу рассматривать свое внутреннее состояние, искать самому (пользуясь,

конечно, книгами святых отцов, опытом современников, советом с теми отцами, к которым он испытывает доверие) способы, наиболее действенные для врачевания своей души, и избирать, исходя из этого, наиболее подходящий для себя образ жизни. Можно сказать, что здесь имеет место доверие к старшим, но не всецелое, не безграничное. При том, что ученик здесь пользуется пособием от своих неискусных наставников, он, однако, не должен оставлять определенную осторожность, должен хранить некоторую духовную дистанцию, дабы не перенять от них и их слабости. Вспомним: именно такого рода послушание нес преподобный Зосима (Верховской) в Коневском монастыре. Исполняя все виды послушания в обители, находясь под внимательным присмотром со стороны игумена, он, однако, деланию откровения помыслов учится из святоотеческих книг, делание сердечной молитвы узнает от уединенно живущего близ обители монаха. Таковы же отношения его и со старцем Василиском, который становится для него скорее старшим братом, чем наставником. Отец Зосима не все безусловно и слепо принимает от своего старца, но исправляет его заблуждение, когда видит, что намерение отца Василиска не согласуется с учением отцов. Видим, что и святой Паисий (Величковский) находился в таком же послушании во всех обителях, через которые он прошел. Можно сказать, что он по крупницам собирал духовный опыт — то из книг, то от встречаемых им подвижников, но так и не нашел одного постоянного наставника, которому мог бы довериться всецело.

Теперь вспомним, что говорит святитель Игнатий о том послушании, которое возможно и не-

обходимо и в наши времена, и о том, которое он считает едва ли достижимым в наши дни: «Послушание есть спасительнейший подвиг. <...> Старайтесь преуспевать в послушании разумно и благочестно и благодарите Бога, даровавшего Вам этот подвиг. Послушание полезнее всех произвольных подвигов...»¹⁴⁵. «Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божиею, освятить этим соединением»¹⁴⁶. «...Монах, в особенности юный, будет не в силах обуздать самих похотений вожделения, если прежде не обучится умерщвлению своих волей посредством послушания»¹⁴⁷. «...Послушание, которым доставляется бесценное сокровище смирения, признано единодушно отцами за основную монашескую добродетель, за дверь, вводящую законно и правильно в умную и сердечную молитву, или, что то же, в истинное священное безмолвие. <...> Если инок будет вести себя в монастыре подобно страннику, не заводя знакомства вне и внутри монастыря, не ходя по братским келиям и не принимая братию в свою келию, не заводя в келии никаких излишеств, не исполняя своих пожеланий, трудясь в монастырских послушаниях со смирением и добросовестностью, прибегая часто к исповеди согрешений, повинуясь настоятелю и прочим властям монастырским безропотно, в простоте сердца, то, без сомнения, преуспеет в молитве Иисусовой, то

---

¹⁴⁵ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 282. С. 531, 532.

¹⁴⁶ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 82.

¹⁴⁷ Там же. С. 8–9.

есть получить дар заниматься ею внимательно и проливать при ней слезы покаяния. <...> Ничто не доставляет такого свободного доступа к Богу, как решительное самоотвержение, поправление своей гордости, своего “я”»¹⁴⁸. «Что значит иноческая добродетель — послушание? Она — признание разума человеческого падшим и потому — отвержение его буйством веры. От веры — послушание, от послушания — смирение, от смирения — духовный разум, который — извещенная вера»¹⁴⁹. «Приготовительное обучение к непрестанной молитве совершается посредством послушания и упражнения в монастырских трудах... Ничто так не способствует молитве, как послушание, умерщвляющее нас для мира и для самих себя»¹⁵⁰. «Если та обитель, в которой вы живете, дает вам возможность проводить жизнь по евангельским заповедям, если вы не низлагаетесь соблазнами в смертные грехи, то не оставляйте обители. Потерпите великодушно ее недостатки, и духовные, и вещественные...»¹⁵¹.

Очевидно, что наставления святителя о подвиге послушания описывают весьма высокий и самоотверженный подвиг, пример которого мы видели и в вышеописанных случаях. Самое служение монаха в обители, его смирение перед братьями святитель Игнатий возводит на степень

---

¹⁴⁸ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Аскетические опыты. Т. 1. С. 273, 274, 275.

¹⁴⁹ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 228. С. 439.

¹⁵⁰ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Аскетические опыты. Т. 2. С. 158.

¹⁵¹ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 54.

крайней самоотверженности: «Хочешь ли ощутить облегчение от борющихся тебя страстей? Хочешь ли найти умиление в твоей келии, без которого, как ладья без якоря, мысль, восхищенная свирепым ветром, носится по волнам мечтания и низвергается в глубину уныния? Хочешь ли увидеть свет от Света? Хочешь ли вкусить любовь, от Любви исходящую и в Любовь ведущую? Возьми мысль твою и повергни к ногам братьев и сестер, не различая худых от добрых; скажи помыслу твоему и как можно чаще повторяй, чтоб от мысли родилось чувство: “Это Ангелы Божии, а я одна грехом и мраком подобна диаволу”... Суждено Вам найти облегчение для души Вашей у ног братии...»¹⁵². «Имей мысль, что служишь не человеку, а Ангелам,— и усладится тебе служение твое. Оказывай любовь и услугу ближним ради Бога, а не по сердечному чувству, влечению, избранию, тем менее пристрастию,— и очистится от нечистоты служение твое... <...> Преуспевай, мужайся в этом служении, веруй обрести посредством его спасение души своей. <...> Преподобный Антоний Великий говорил: “От ближних — наша жизнь и смерть: если упокоим брата,— Бога упокоим. А если оскорбим брата, то согрешаем против Самого Христа”»¹⁵³. Отношения новонаначального с духовником святитель Игнатий также понимает как глубокое внутреннее делание: «Сохраняй невменяемость¹⁵⁴, т<о> е<сть> ни с кем не сравнивай

¹⁵² Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 85. С. 165.

¹⁵³ Там же. Письмо 107. С. 187.

¹⁵⁴ Невменяемость — здесь: не вменять ничего себе в заслугу.— *Ред.*

себя, а смирения ищи единственно в откровении своих помыслов старице и в отсечении твоей воли перед нею»¹⁵⁵.

Однако, говоря о высоте этого подвига, святитель ясно очерчивает его отличие от того таинственного вида послушания, который может быть назван *всецелым послушанием духовному старицу* в высшем значении этого понятия¹⁵⁶. «Иноческое послушание процветало при обилии духовных наставников. С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости: вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтоб предмет ее был истинный и духовный: тогда она приводит к Богу. Вера в человека приводит к исступленному фанатизму»¹⁵⁷. «Если же в монастыре не имеется удовлетворительного наставника, то чаще исповедуйся в согрешениях пред духовным отцом, а наставления почерпай в Евангелии и книгах, написанных святыми отцами о подвижничестве»¹⁵⁸. «Напрасно Ваше желание — находиться в полном послушании у опытного наставника. Этот подвиг не дан нашему времени. <...> Нашему времени дан другой подвиг, сопряженный с многими трудностями и преткновениями. Нам пришлось совершать путешествие — не днем, не при солнечном ясном свете, а ночью, при бледном

---

¹⁵⁵ Соборание писем святителя Игнатия... Письмо 142. С. 241.

¹⁵⁶ См.: *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 76–77.

¹⁵⁷ Соборание писем святителя Игнатия... Письмо 228. С. 439.

¹⁵⁸ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 19.

свете луны и звезд. Нам даны в руководство Священное и Святое Писание: это прямо говорят святые отцы позднейших времен. При руководстве Писанием полезен и совет ближних, именно тех, которые сами руководствуются писаниями отцов. <...> Наш подвиг имеет цену пред Богом: на весах Его взвешены и немощь наша, и средства наши, и обстоятельства, и самое время»¹⁵⁹. «Руководство писаниями святых отцов ведет гораздо медленнее, слабее; на пути этом гораздо больше преткновений: книга, начертанная на бумаге, не может заменить живой книги — человека. <...> Но руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того должно признать погибшим»¹⁶⁰.

---

¹⁵⁹ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 229. С. 441, 442–443.

¹⁶⁰ Там же. Письмо 228. С. 439, 440.

«ЧТОБЫ НЕ ПОПАСТЬ ВМЕСТО ВРАЧА НА БОЛЬНОГО»

В вопросе о полном, всецелом, «слепо» послушании наставнику иеромонах Доримедонт не придает особого значения уровню духовности старца. Он говорит: «Цель духовной жизни — единение с Богом. Способы достижения цели могут быть различными. Самый легкий и безопасный путь в Небесное Царствие из всех избирает послушник — он въезжает в рай, сидя на плечах своего старца». «...Послушник не несет никакой ответственности за то, какой вид духовного учения будет ему преподаваться. Ища послушанием таинственной Божьей Премудрости, он в лице своего старца видит Христа и по Его неложному обещанию находит в своем поиске благодать Духа Святаго». «...Святые отцы признают путь послушания наиболее безопасным и легким. <...> Причина этого кроется в благоугодном Христу подчинении нашей воли чьей-то еще»¹⁶¹.

...*Чьей-то еще?* Неужели в этом и состоит *благоугодное* Богу послушание, чтобы только слепо подчинить свою волю воле *чьей-то еще?* Ничего не говорит отец иеромонах о том, что степень подчинения своей воли в значительнейшей мере зависит от духовного уровня того, кому решает довериться послушник, в *чью* волю он вверяет свое

---

¹⁶¹ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 19–21.

спасение. Но вот замечаем, что вышеприведенный образ, рисующий нам послушника, въезжающего в рай на плечах своего старца, взят отцом Доримедонтом из писем старца Паисия Святогорца (†1994). Находим в письмах самую мысль старца, он пишет: «Если хочешь попасть в святой Божий план, вверх все Богу, выброси все свои планы и заберись на спину своего старца, как благоразумный ребенок, не брыкаясь, и будь благодарен ему за то, что он переносит тебя на своей спине в рай, к Богу, и даст Ему за тебя ответ»¹⁶². Сразу же напрашивается мысль: конечно, как хорошо *въехать в рай* на чьей-то *спине*, но ведь надо прежде увериться, что взявший тебя на плечи умеет найти незаблудный путь в рай, чтоб тебе вместе с ним не скатиться в какой-либо глубокий овраг... Просматриваем письма старца Паисия повнимательнее и обнаруживаем, что, по его наставлениям, это *взбирание на спину старца* следует «после того, как ты уже выберешь лучший монастырь... найдешь лучшие духовные условия и получишь внутреннее удостоверение о своем старце», тогда только можно «бросать якорь», делая поклон послушника»¹⁶³. Чуть раньше в письмах отца Паисия находим ряд ценных советов об избрании монастыря: он советует желающему вступить в обитель быть осторожным, «чтобы случайно не увлечься первым же монастырем, который встретится на твоём пути, и сразу же не поступить в него. Прежде всего,— советует старец,— узнай, какие монастыри более духовные, войди в общение с духовными старцами и посоветуйся. <...> Потом выясни, какая из

¹⁶² Паисий Святогорец, старец. Письма. С. 46.

¹⁶³ Там же. С. 45.

всех этих обителей имеет лучшие духовные условия, и уже после этого поступай в монастырь». «Обрати внимание как на духовный климат — в случае, если ты духовно болезненный, — так и на своего духовного врача, чтобы он исцелил тебя. Постарайся, насколько возможно: [во-первых], чтобы твой старец был духовным человеком, имеющим добродетели, и больше подвижником, чем учителем. Хорошо, если он стал капитаном из юнг, так что не будет на чужих спинах испытывать монашескую науку, которую выучил по книгам, или же от природы имеет большую любовь с рассуждением, сочувствует своим детям и не стремится послать их сразу же в рай — по примеру Диоклетиана. Старец должен быть очень строгим только по отношению к себе, тогда как по отношению к другим должен иметь большую любовь (но не показную, ложную любовь), а также великое рассуждение, ибо если нет рассуждения, то и любовью (подобной любви Илія) он опять-таки причинит зло своим чадам, и тогда придет гнев Божий и на него, и на его чад. <...> [Во-вторых], чтобы старец жил простой жизнью — без забот и излишних мирских попечений и совершенно не искал своей собственной пользы... а искал лишь пользы для души послушника и вообще пользы для Матери Церкви... [В-третьих], чтобы старец был другом безмолвия и молитвы и мог и тебя связать с Богом через молитву...»¹⁶⁴ и т. д. Итак, сколько предосторожностей, сколько опасений, сколько напряженных поисков должно предшествовать тому, чтобы затем можно было беззаботно и безопасно *поехать в рай* на чьей-то крепкой спине!

¹⁶⁴ Паисий Святгорец, старец. Письма. С. 33–38.

Давайте представим себе, что кто-либо из нас собирается совершить долгое и рискованное путешествие в страну, лежащую по ту сторону огромного горного массива весьма сложного рельефа, характерного жуткими высотами и крутостью склонов. Вдобавок ко всему в горных лесах обитает множество диких зверей, ядовитых пресмыкающихся, часто случаются ураганы, обвалы, снежные лавины и тому подобные страсти. Конечно же, отправляться в такое путешествие новичку, да еще в одиночку, — равносильно самоубийству. Надо непременно найти попутчиков, которые бы разделили тяготы пути и могли оказать поддержку при встрече с опасностью. Но одно дело, когда мы найдем проводника надежного и опытного, который уже ходил через эти места, знает горные тропы, на опыте знаком с опасностями дороги, с повадками диких зверей: тогда только можно полностью довериться ему и лишь поспешать за ним, выполняя все его указания, стараться во всем подражать ему, чтобы не совершить опрометчивый шаг. Другое же дело, когда такого знающего и опытного человека нет и мы находим попутчика, который хотя и бывал в горах, но не пересекал еще эти хребты, не знает местных троп, особенностей этих мест и только наслышан от других о том, что может встретиться впереди. Тогда небезопасно довериться такому «проводнику»! Можно отдать ему предпочтение и главенство над экспедицией, во многом слушаться его и доверяться ему, но не помешает время от времени справляться с картами, посматривая на компас, а еще лучше — подробно расспрашивать про дорогу изредка встречающихся местных жителей или других путешественников.

Когда же мы заметим опасную оплошность впереди идущего, то без сомнения и без промедления должны удерживать его от опрометчивого шага, а если он не согласится быть осмотрительней, то и вовсе отказаться следовать за ним. Ведь риск немалый! Если впереди идущий собьется с пути, заблудится в этих страшных горах, то всех, кто доверился ему, также ждет гибель.

Так и во врачебнице: фельдшера, санитары, медсестры имеют свой круг обязанностей, могут в некоторой степени облегчать больному страдания или применять безопасные средства, не требующие глубоких познаний, но они не дерзают делать операции или употреблять действия, на которые имеет право решиться только врач. Святитель Василий Великий говорит: «...ежели при телесном врачевании не всякому позволено делать над больным употребление лекарства или какого орудия, а только тому, кто приобрел в этом искусство долговременностию, опытом, упражнением в лечении и учением у знающих, то какое же основание всякому без разбора приниматься за врачевание словом, где, если и самая малость опущена из виду, приносит сие весьма великий вред?»¹⁶⁵. Святой Лествичник, сравнивая духовного пастыря с врачом, обращается к наставнику: «*Стяжи и ты, о досточудный муж, пластыри, порошки, глазные примочки, пития, губки, и при сем небрезгливость, орудия для кровопускания и прижигания, мази, усыпительные зелия, ножи, перевязки.* Если мы не имеем сих припасов, то как покажем лечеб-

---

¹⁶⁵ *Василий Великий, святитель. Творения. Ч. V. М., [1996?]. С. 162.*

ное искусство? Никак не можем...»¹⁶⁶. Понятно, что когда врач дерзает провести хирургическую операцию, осмеливается касаться острым ножом самих внутренних органов доверившегося ему больного, обещаясь исправить их, то он должен быть вполне уверен в своей опытности и в умении распознавать и врачевать болезнь, должен заготовить все необходимые инструменты и снадобья. Так и духовный наставник, дабы не сделать зла своим ученикам и собратьям, должен стяжать «душевные **чувствия обучена долгим учением в разсуждении добра же, и среднего, и зла** (Евр. 5, 14)»¹⁶⁷. Наставник не только для себя должен избрать верный путь, но и понимать внутреннее устройство водимого им, так как у каждого спасающегося есть свои особенности и руководство должно точно соотноситься с силами и духовным расположением руководимого. Святыми отцами не всем вступающим в монашество предписывался одинаковый образ жизни: «Добрый воевода должен ясно знать состояние и устройство каждого из подчиненных»¹⁶⁸, — говорит святой Иоанн Лествичник, и «при сеянии духовного семени должно рассуждать о времени, о лицах, о количестве и качестве семени», «ибо для всякой пищи есть свое время: часто одна и та же пища в некоторых производит усердие, а в других печаль»¹⁶⁹.

Святой Симеон предостерегал желающего наставлять об ответственности за души руководимых

¹⁶⁶ Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово особенное к пастырю. Гл. 2:1. С. 255.

¹⁶⁷ Там же. Гл. 2:12. С. 256.

¹⁶⁸ Там же. Гл. 7:4. С. 260.

¹⁶⁹ Там же. Гл. 12:1. С. 263.

им¹⁷⁰. С подобными предостережениями он обращается и к желающему найти учителя: «...надлежит нам со всем усердием, тщанием и вниманием, со всею бдительностию и многими молитвами блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрести руководителя истинного и боголюбивого, который имел бы внутри себя Христа и точно знал учение, правила и постановления св<ятых> апостолов и догматы св<ятых> отцов или, лучше сказать, который бы знал волю и тайны Самого Владыки и Учителя апостолов — Христа. Такого учителя надлежит нам разыскать и обрести, который сначала слышал бы все это в слове и научился тому со слов, а потом научен был всему таинственно и во истине Самим Утешителем Духом чрез деяние и опыт»¹⁷¹. И уже после многих увещаний о том, как найти истинного наставника, святой отец говорит: «Коль же скоро с помощью Божиею, по благодати Его, сподобишься найти такого, покажи к нему крайнее внимание и всякое ему благоугождение, великое смирение и благоговение, высокое почитание и веру чистую и несомненную»¹⁷². Святой Лествичник говорит: «Когда мы в намерении и разуме смиренномудрия желаем покорить себя ради Господа и без сомнения вверить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения,

---

¹⁷⁰ См.: *Симеон Новый Богослов, преподобный*. Творения. Т. 2. Слово 83. С. 394.

¹⁷¹ *Симеон Новый Богослов, преподобный*. Творения. Т. 1. Слово 11. С. 98.

¹⁷² Там же. С. 102–103.

должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача — на больного, вместо бесстрастного — на человека, обладаемого страстями, вместо пристани — в пучину, и таким образом не найти готовой гибели»¹⁷³. Как «несвойственно льву пасти овец», по слову того же преподобного Иоанна, так «не безбедно и тому, кто еще сам страстен, начальствовать над другими страстными», как «несообразно видеть лисицу между курами», так «еще несообразнее видеть пастыря гневливого. Ибо лисица губит кур, а сей смущает и погубляет разумные души»¹⁷⁴. То же самое говорит и святитель Василий Великий: «...у добрых учителей и уроки добрые, а у злых, конечно, злые». «...С великою заботливостию и обдуманностию постарайся найти мужа, который бы непогрешительно предшествовал тебе в образе жизни, хорошо умел руководить шествующих к Богу, украшен был добродетелями, в собственных делах своих имел свидетельство любви своей к Богу, был сведущ в Божественных Писаниях, не рассеян, не сребролюбив, не озабочен многим, безмолвен, боголюбив, нищелюбив, не гневлив, не памятозлобен, силен в назидании сближающихся с ним, не тщеславен, не высокомерен, не льстив, не изменчив, ничего не предпочитал Богу. И если найдешь такого, предай ему себя, ни во что вменив и отринув прочь всякую свою волю...»¹⁷⁵. «Не всех вопрошать надо,— говорит

¹⁷³ *Иоанн Лествичник, преподобный*. Лествица. Слово 4:6. С. 34.

¹⁷⁴ Ср.: Там же. Слово особенное к пастырю. Гл. 11:1–2. С. 262.

¹⁷⁵ *Василий Великий, святитель*. Творения. Ч. V. С. 41.

святой Григорий Синаит,— но одного того, кому и других управление вверено, кто жизнь блистает и кто, будучи беден, многих богатит, по Писанию (см.: 2 Кор. 6, 10). Многие неопытные повредили многим неразумным, за коих суд примут по смерти. Ибо не всем принадлежит руководить и других, но тем, коим дано Божественное рассуждение, по апостолу (см.: 1 Кор. 12, 10), именно рассуждение духовом, отличающее лучшее от худшего мечем слова. <...> Не мал же труд найти руководителя, незаблудного ни в делах, ни в словах, ни в разумениях. Незаблуден ли кто, узревается из того, если он имеет свидетельство от Писания и на деяние и на разумение...». «...Слушаться надлежит тех, кои опытно извели болезни и труды деятельной добродетели, и под их руководством проходить ее...»¹⁷⁶. Опять же святой Симеон пишет: «...тот, кто не знает самого себя и своего состояния, как может познать другого и страсти его? Как можно, чтоб слепой мог рассмотреть другого и познать, слепой он или видящий? Нет, нет; это невозможно»¹⁷⁷.

Итак, учитель должен правильно видеть себя, знать свою меру, понимать свой духовный уровень и точно оценивать то, что он может дать своему ученику. Исходя из своего духовного состояния, трезво соизмеряя свои силы и возможности, наставник должен определять — в какой мере он может воспринять на свои плечи пастырское попечение о душах. Святой Иоанн Лествичник, обращаясь к пастырю, говорит: «Как дети бывают раз-

¹⁷⁶ Добротолюбие: В 5 т. Т. 5. ТСЛ, 1993. С. 224–225, 237.

¹⁷⁷ Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения. Т. 1. Слово 11. С. 107.

ных родов — одни законные от первого брака; другие от второго брака; иные подкинутае, а иные от рабынь,— так и восприятие пастырского попечения о душах бывает различных видов. Совершенное восприятие есть предание души своей за душу ближнего во всем. Иное — когда пастырь принимает на себя прежде соделанные грехи, и только. Иное — когда он принимает согрешения после (восприятия) бывающие, и только. Некоторые же, по недостатку духовной силы и по неимению бесстрастия, принимают на свою ответственность пред Богом только тяготу повелений своих»¹⁷⁸. Очевидно, что здесь под степенью *принятия на себя грехов* надо понимать то, в какой степени пастырь может взять на себя немощи и тяготу подопечного, взять ли всего его с его немощами на свои плечи, крепко ли тянуть его или только держать за руку, а иногда может лишь указывать ему путь.

¹⁷⁸ Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово особенное к пастырю. Гл. 12:3. С. 263.

«СЛЕПЕЦ ЖЕ СЛЕПЦА АЩЕ ВОДИТ...»

Выше мы приводили слова святителя Игнатия о том, что умерщвление падшей воли послушника не может совершаться падшей волей наставника, когда сам наставник еще поработен страстям¹⁷⁹. В подтверждение этих слов святитель приводил изречение святого Симеона Нового Богослова: «Всякий, невидящий и обещающийся наставлять других, есть обманщик и последующих ему ввергает в ров погибели, по слову Господа: **Слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут** (Мф. 15, 14)»¹⁸⁰. Отец Доримедонт обвиняет святителя Игнатия в том, что он неуместно использовал эту цитату из творений святого Симеона. Он говорит, что вся глава, из которой взяты эти слова, «обращена не к послушнику, а к старцу и является напоминанием и предостережением последнему», епископ Игнатий же помещает эти слова «в контекст наставлений, обращенных не к старцу, а к новонаначальному послушнику! Помещенное в иной по смыслу контекст, само по себе неоспоримо верное замечание преподобного Симеона начинает “работать” совершенно по-другому»¹⁸¹. На наш взгляд, такое обвинение

---

¹⁷⁹ См.: *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 71.

¹⁸⁰ Ср.: *Симеон Новый Богослов, преподобный*. Творения. Т. 2. Деятельные и богословские главы. § 34. С. 517.

¹⁸¹ *Доримедонт [Сухинин], иеромонах*. Учение святителя Игнатия... С. 42, 43.

крайне нелепо! Неужели те слова и мысли, которые святые отцы обращали к пастырям, не имеют никакого отношения к пасомым? Неужели из этих наставлений простой монах или мирянин не должен делать никаких выводов для себя и для своих отношений с пастырем? Можно было бы обойти вниманием такие строгие предупреждения, если бы речь шла только о вреде, касающемся одного пастыря, если бы *яма* грозила ему одному. Но ведь говорится, что неумелый наставник может принести крайний вред и своим ученикам: ***оба в яму впадут***, «последующих ему ввергает в ров погибели». Показательно и то, что слова из Святого Евангелия, которые приводит Симеон Новый Богослов, обращены Господом не к фарисеям, а к ученикам с указанием на фарисеев: ***оставите их, вожди суть слепи слепцем*** (Мф. 15, 14). Чуть выше нами было приведено немало подобных предостережений. Так, слова преподобного Иоанна Лествичника о том, что прежде вступления нашего на путь послушания, когда желаем *без сомнения вверить спасение наше иному*, мы «должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искушать» нашего кормчего, «чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача — на больного, вместо бесстрастного — на человека, обладаемого страстями, вместо пристани — в пучину, и таким образом не найти готовой погибели», — ведь эти слова уже прямо направлены к новонаначальному!

Вернемся к нашему примеру о путешествии по опасным горам: допустим, мы нашли проводника, который пообещался провести нас через коварные стремнины. И тут встречается кто-то из местных

жителей, заговаривает с нашим проводником, и когда узнает цель нашего путешествия и то, что взявшийся вести нас сам здесь впервые и не знает этих мест, то начинает убедительно отговаривать его брать на себя такую ответственность и подвергать себя и идущих за ним такому риску. Он предупреждает, что, не зная этих мест, тот может легко сбиться с пути, погибнуть сам и погубить доверившихся ему. Неужели же путники, слышащие это, скажут: это к нам не относится, пускай проводник сам думает — взять на себя эту ответственность или отказаться от предводительства, наше дело только идти за ним, куда бы он ни шел?.. Думаем, что они отнесутся с чрезвычайным вниманием к такому предупреждению и, скорее всего, поспешат найти опытного предводителя, который бывал в этих горах.

Но рассмотрим и другие наставления святого Симеона Нового Богослова, на которые указывает святитель Игнатий и которые отец Доримедонт считает неуместно им цитируемыми: «Если захочешь отречься от мира и научиться евангельскому житию, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтоб вместо евангельского [жития] диавольскому не научиться житию. Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых — худые; от худых же семян и произрастения бывают всегда худые». «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания, и особенно деятельные писания св<ятых> отцов; чтоб, с ними сличая то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале,

видеть, насколько они согласны между собою, — и затем согласное с писаниями усвоить и удерживать в мысли, а несогласное, — рассудив добре, — отлагать, чтоб не прельститься. Ибо знай, что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей»¹⁸². Казалось бы, эти слова уж точно обращены к новонаначальному и призывают его к осторожности при выборе руководителя. Но отец Доримедонт и здесь критикует епископа Игнатия: по мнению отца иеромонаха, эти слова святого Симеона говорят «не о послушании, а только о поиске, выборе духовного наставника. То есть в данном случае преподобный Симеон обращается не к послушнику, а к христианину, еще не имеющему духовного отца, старца, и собирающемуся его найти. <...> Поступлению в послушание всегда предшествует период выбора, обдумывания, знакомства со старцем, присматривания к нему». Затем отец Доримедонт приводит предостережение святого Лествичника: «Но по вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, сделавшись сами судиями, не получим никакой пользы от повиновения»¹⁸³. Эту последнюю мысль отец Доримедонт особенно подчеркивает и развивает: «“Кандидат в старцы” и кандидат в послушники

¹⁸² Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения. Т. 2. Деятельные и богословские главы. § 32–33. С. 516–517.

¹⁸³ Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово 4:6. С. 34.

не имеют еще взаимных обязательств, они еще не отец и сын. Отцовство, сыновство и связанные с этим взаимные обязательства начинаются с рубежа сознательного вступления новоначального в подвиг послушания старцу. <...> После этого всякий поиск, всякие молитвы о послании бесстрастного и святого руководителя, всякое сличение его устроения со Священным Писанием становятся предосудительными и греховными. С этой точки начинается другой поиск — поиск всесвятой воли Божией, открываемой навстречу нелицемерному послушанию»¹⁸⁴.

Прежде всего спросим: разве наставление о тщательном выборе учителя и старца не есть вместе с тем и наставление о *послушании*? Ведь и святой Иоанн Лествичник, и святой Симеон Новый Богослов говорят об осторожном отношении к наставнику именно ради того, чтобы послушание им стало спасительным, а не погибельным. Отец Доримедонт всячески старается нивелировать вопрос о выборе наставника, о вреде, какой может доставить наставник неопытный, но зато громко воспекает всецелое, «слепое» послушание любому «старцу», который достанется, так или иначе, новоначальному. Но ведь в вышеуказанных предостережениях святых отцов не *между прочим* рекомендуется такая осторожность: мол, неплохо было бы для большего удобства найти руководителя подуховнее, поближе *познакомиться* с ним и т. д. Но говорится в самых категоричных выражениях, с объявлением крайней опасности в случае

---

¹⁸⁴ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 38–39.

доверия наставнику недуховному: *должны рассматривать, испытывать, искусить кормчего*; чтобы не попасть *вместо пристани в пучину и не найти готовой гибели, чтоб не быть обманутым, чтоб не научиться, вместо евангельского жития, дьявольскому житию...* Причем этот *искус, испытание* наставника святыми отцами поставляется как необходимое условие того, чтобы возможно было то послушание, которое так громко (и вполне справедливо) воспевают отец Доримедонт. Как мы видели выше, у всех почти отцов возвышенные слова о послушании наставникам предваряются наставлениями (причем в весьма категоричной форме) о том, какого и как надо избрать учителя, прежде чем совершенно последовать ему, с предупреждением, какой тяжкий вред может произойти от наставника неискусного. Кроме того, если речь у святого Симеона обращена *не к послушнику, а к христианину, еще не имеющему духовного отца*, и заключает лишь совет *о поиске, выборе духовного наставника*, как утверждает отец Доримедонт, то что же тогда означает указание святого отца: исследовать Писания, для того чтобы, «сличая с ними то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою,— и затем согласное с писаниями усвоить и удерживать в мысли, а несогласное,— рассудив добре,— отлагать...»? Если тот, к кому обращена речь, только *ищет наставника* и еще не вступил в обитель, не стал еще учеником,— как он может что-то *усваивать, удерживать, что-то отвергать* из того, чему его *учат*? Совершенно очевидно, что здесь обращение

к новонаначальному, который уже находится в послушании: его уже «учат» *учитель и настоятель*, из того, что ему говорят, — он что-то «усваивает», а иное, по рассуждении и сопоставлении с учением святых отцов, «отлагает», «чтоб не прельститься». Если здесь совет на будущее — как вести себя, когда он только вступит на поприще послушания, — то опять же следует несомненный вывод, что святой Симеон рекомендует ему проходить послушание не «слепо», но рассудительно, советует отвергаться себя, но с оглядкой на учение святых отцов. Указана и причина сей осторожности: *много явилось прелестников и лжеучителей...*

Отец Доримедонт говорит про *отцовство, сыновство и связанные с этим взаимные обязательства*, но не учитывает того, что «как дети бывают разных родов — одни законные от первого брака; другие от второго брака; иные подкинутые, а иные от рабынь, — так и восприятие пастырского попечения о душах бывает различных видов», по слову преподобного Иоанна Лествичника. И зависят эти отношения, как мы видели, прежде всего от духовных сил наставника, хотя и ответственность, которую наставник несет перед Богом за своего подопечного («подлежит суду»), зависит от того, насколько «принятый им отсекает пред ним свою волю»¹⁸⁵. Обратим внимание и на то, что вышеуказанное осторожное отношение к духовнику святой Лествичник считает необходимым тогда, когда *мы желаем без сомнения вверить спасение наше иному*. То есть вопрос прежде всего в том, в какие

¹⁸⁵ *Иоанн Лествичник, преподобный*. Лествица. Слово особенное к пастырю. Гл. 12:3. С. 263.

отношения со старцем способен и намеревается вступить послушник, насколько он решаетсяверить свое спасение в руки другого. Искренность, близость, глубина этих отношений, ответственность и поручительство наставника за своего воспитанника могут значительно различаться, и это зависит от духовного состояния обоих — как старца, так и послушника. Как мы уже заметили, многие формы взаимоотношений между новоначальным и старшими включают в себя *глубокое* послушание, всецелое отвержение своей самости, своей воли, плотского разума, но не все из них подразумевают присутствие духовной близости и всецелого доверия наставнику (*несомненное вверение спасения своего иному*).

Критике отца Доримедонта подвергается и другая ссылка святителя Игнатия на святого Симеона: «...этот великий угодник Божий [святой Симеон], советуя иноку действовать по указанию духовного отца, присовокупляет: “однако да поступает так только в таком случае, когда знает, что духовный отец его — причастник Духа, что он не будет говорить ему противоположного воле Божией, но по дарованию своему и по мере повинующегося, возглаголет угодное Богу и полезное для души, чтоб не оказаться повинующимся **человеку, а не Богу** [1 Кор. 7, 23]”¹⁸⁶»¹⁸⁷. Автор брошюры подробно разъясняет то, к какому случаю относились эти слова святого Симеона. Отец Доримедонт обнаруживает, что «8-е Слово» русского

¹⁸⁶ См.: Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения. Т. 2. Слово 88. С. 462.

¹⁸⁷ Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 71–72.

перевода¹⁸⁸, из которого взята цитата, есть значительно сокращенное «18-е Огласительное Слово с добавлением из других Слов преподобного Симеона»¹⁸⁹. Само же «18-е Слово» посвящено «конкретной ситуации — кончине игумена общезначительного монастыря и выборам нового игумена...». Отец Доримедонт замечает, что святой Симеон обращается к некоторому благоговейному брату, охраняет его от тщеславия и в то же время допускает для него согласие на избрание его в игумены, но «при следующих обязательных предпосылках: 1) свобода от всякого честолюбия и сладострастия, причастие благодати Святаго Духа и 2) *благословение духовного отца*, в котором кандидат на игуменство должен быть уверен, что “он есть причастник того же Духа, удостоен того же ведения и того же дарования” и далее... далее по тексту цитаты, приведенной святителем Игнатием...»¹⁹⁰. Так в чем же не прав святитель Игнатий, когда приводит эти слова в связи с послушанием духовному отцу? Оказывается, что «в данном случае “духовный отец” — это совсем не старец благоговейного брата! Его старец почил еще в 7 главе...», здесь же под «духовным отцом» святой Симеон «имеет в виду некоего духовника или вообще старца, в смысле духовно опытного мужа, способного дать благоговейному брату рассудительный совет. “Иди,— говорит преподобный,— найди

¹⁸⁸ Иеромонах Доримедонт имеет в виду издание: *Преподобного отца Симеона Нового Богослова 12 слов в русском переводе*. Сергиев Посад, 1911. С. 540–552.— *Ред.*

¹⁸⁹ Иеромонах Доримедонт ссылается на греческое издание (Фессалоники, 1989).— *Ред.*

¹⁹⁰ См.: *Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия...* С. 44–47.

духовного отца, только будь уверен, что он причастник того же Духа, что он не возвестит тебе противное воле Божией... и послушайся его совета»¹⁹¹.

Так и что? Сразу напрашивается вопрос: пусть этот «духовный отец» не *старец* в полном смысле слова для этого благоговейного монаха. Но ведь монах, желая отсечь свою волю и свое рассуждение, прибегает к нему за советом и готов поступить так, как ему скажут. Если он чистосердечно, с верой в Промысл Божий вопрошает «своего духовного отца» и без всякого прекословия готов слушаться его, то как же может оказаться после этого, что он послушался «человека, а не Бога»? А если бы был жив его старец и он с таким же вопросом обращался к нему — такой опасности не было бы? Почему? Значит, условие безопасного послушания заключается не в обращении за советом к действительно духовному человеку, но только в соблюдении каких-то формальностей, определено обстоятельствами, при которых послушник вступил в союз со своим старцем? Если старец был назначен новонаначальному при постриге, — он не ошибется или его ошибка не может иметь никаких душевредных последствий. А если тот старец скончался и за советом обращаются к другому, — здесь уже могут быть ошибки. Но святой Симеон указывает на необходимое условие, при котором, вопрошая «духовного отца», ты можешь быть уверен, что тебе будет открыта воля Божия, а не воля человеческая: ты должен быть уверен, что он «причастник Духа» и «свыше приял ведение и премудрость» и «по существу в нем дару» скажет тебе, «что Богу угодно и

¹⁹¹ Там же. С. 47.

душе полезно». Почему же соблюдение этих условий, столь необходимое при вопрошении *некоего духовника или вообще старца, в смысле духовно опытного мужа*, становится излишним при отношениях со «своим» старцем (например, если вопрос будет стоять о принятии священного сана или наставничества над братьями)?

Еще многое у святителя представляется отцу Доримедонту процитированным не к месту и не по теме, но не будем все это анализировать. Из сказанного достаточно уже обрисовываются те понятия, которые оказываются категорически неприемлемыми для афонского иеромонаха. Как видно, отец Доримедонт считает, что предостережения святых отцов о тщательном выборе духовного руководителя, адресованные желающемуверить спасение свое другому человеку, имеют смысл и назначение только в момент поиска духовника («период выбора, обдумывания, знакомства»), но никак не могут распространяться на период самого послушания. Видимо, он считает, что даже в том случае, когда поиск высокодуховного наставника не дает удовлетворительного результата или когда новоназначенный ошибается в избрании духовного руководителя,— тем не менее после заключения *духовного союза* между учеником и старцем происходит некое *чудо послушания*, при котором все немощи и недостатки старца никак уже не могут вредить послушнику. Автор брошюры, хотя иногда признает вышеуказанные предупреждения святых отцов *внушением предельной осторожности*, но тем не менее считает, что если наставник не будет соответствовать этим тре-

бованиям, послушание ему возможно в той же точно степени, как и послушание высокодуховному старцу. То есть эти рекомендации о выборе духовника не имеют принципиального значения в вопросе будущего послушания и отношений с духовником, они ставят целью указать только на бóльшие удобства на сем поприще, и все эти предостережения теряют всякую свою актуальность в момент подчинения послушником своей воли воле *чьей-то еще*. Для отца Доримедонта, по сути дела, *истинное послушание* имеет одну только степень, причем всегда самую высшую, категоричную, — независимо ни от духовности старца, ни от способностей послушника, ни от духа времени.

«ЗАЧИНАХУ ОВЦЫ ПО ЖЕЗЛОМ»

В своей книге иеромонах Доримедонт еще цитирует святителя Игнатия: «Послушание образует повинующегося по образу того, кому он повинуется: **зачинаху овцы по жезлом** [Быт. 30, 39], говорит Писание¹⁹². <...> Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Не правда! Вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению апостола: **любве истины не прияха**, — говорит он о произвольно погибающих, — **во еже спастися им. И сего ради послет им Бог действо лъсти, во еже веровати им лжи** [2 Фес. 2, 10–11]»¹⁹³. «...Вера, составлявшая сущность этого подвига [послушания], требует, чтоб предмет ее был истинный и духовный: тогда она приводит к Богу»¹⁹⁴. Автор брошюры так

---

¹⁹² Напомним смысл этих слов: между святым праотцем Иаковом и Лаваном, тестем его, был договор, что при разделении скота все животные с пятнами и крапинками на шкуре достанутся Иакову. Для того чтобы больше скота рождалось с пятнами, Иаков, зная, что овцы спариваются после водопоя, клал в корыта с водой на вид животным пестро обструганные прутья (*жезлы*). Насмотревшись на пестрый рисунок жезлов, они зачинали животных с пятнами и крапинками. Святой Игнатий находит в этом повествовании поучительный образ: так и духовные овцы, при духовном их напоении, какого рода находят руководство (*жезл*), подобное тому и зачинают в себе духовное расположение.

¹⁹³ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 72, 73.

¹⁹⁴ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 228. С. 439.

комментирует эти слова: «Из этих цитат видно, что *предметом (объектом)* послушания святитель Игнатий считал духовного наставника, сущностью послушания — веру ему, а возможность духовного преуспеяния послушника он ставил в прямую зависимость от степени духовного преуспеяния его старца. В этом тезисе кроется коренное искажение богословской сущности монашеского послушания. Послушание — это, несомненно, подвиг или исповедание веры. *Предметом (объектом) веры послушника*, живи он в V, XIV или XXI веке, *является не старец, более или менее преуспевший, а Сам Христос, веру в Которого он исповедует своим послушанием старцу*. <...> Послушание христианское есть деятельный подвиг веры во Христа, и оно действительно образует послушника по образу Того, Кому он повинует. Как упомянуто выше, послушание есть поиск воли Божией. Именно в направлении поиска воли Божией — от послушника к старцу — строили свое богословие послушания все святые отцы. Святитель Игнатий единственный из всех строил его в противоположном направлении — от старца к послушнику. Но не воли старца ищет послушник, нет. Подчинением себя воле духовного отца он ищет воли Христовой, открываемой ему за то, что он, в своей любви к Нему, жертвует волей своей»¹⁹⁵.

Остановимся здесь и попытаемся разобрать это обвинение в адрес святителя. Во-первых, ни в этих цитатах, ни где-либо в другом месте в писаниях святителя Игнатия нет ничего, что могло бы навести на мысль, будто *предметом послушания*

¹⁹⁵ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 23–24.

он считал духовного наставника, а сущностью послушания — веру ему. Напротив того, находим у него повсюду предостережение от такого заблуждения. Проследим по порядку мысль святителя, которая передана отчасти в вышеприведенных цитатах. В начале этого рассуждения епископ Игнатий приводит слова святого Симеона, суть которых в том, что обращающийся к своему духовному отцу за разрешением некоторого важного вопроса должен послушаться его в том случае, если верит, что тот действительно умеет распознать волю Божию, чтобы он по дарованию своему и по мере повинующегося сказал ему *угодное Богу и полезное для души его*, иначе он окажется *повинующимся человеку, а не Богу*. Очевидно, что святитель выделяет именно последнюю мысль, она-то и важна наиболее: если духовник решит какое-либо важное затруднение не по Богу, а по собственному разумению, то слушающийся оказывается исполнившим волю человеческую, а не Божию. Чтобы не оказаться человекоугодником, необходимо глубоко верить, что повелевающий знает и возвещает тебе волю Божию, а не свою. Конечно, такое изыскание воли Божией необходимо не при «повседневных» трудах послушания, но в решении значительных вопросов, от которых может зависеть очень многое в духовной жизни (в приводимом слове святого Симеона — это был вопрос о принятии предводительства над братией). Затем святитель развивает эту мысль, в частности, он ссылается на слова апостола: ***Раби, послушайте господий своих по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, якоже и Христа, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы,***

творяще волю Божию от души, со благоразумием служаще, якоже Господу, а не яко человеком (Еф. 6, 5–7). Уже по одной этой ссылке видно, что святитель *объектом послушания* никак не мог представлять человека. Но вот отрывки из писем епископа, еще более подтверждающие это: «...тогда исполняют обязанность свою наставники, когда они ищут, чтоб в душах, приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос...»¹⁹⁶. «Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе, должен возвещать им о бесконечной, неизреченной красоте Христа, о безмерной благодати Его и силе: пусть они полюбят Христа, точно достойного любви. А наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, умалению, которое служит признаком их духовного преуспевания»¹⁹⁷. «Истинное послушание — послушание Богу, единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо. <...> Если же руководитель начнет искать послушание себе, а не Богу, — не достоин он быть руководителем ближнего! Он не слуга Божий! — Слуга диавола, его орудие, его сеть! **Не будьте рабы человека** (1 Кор. 7, 23), завещает апостол»¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 155. С. 258.

¹⁹⁷ Там же. Письмо 231. С. 448.

¹⁹⁸ Там же. Письмо 159. С. 303.

Подобную мысль высказывает и святой Симеон Новый Богослов. После того, как он подробно указывает, как и какого надо искать наставника (эти его слова мы приводили выше), говорит, что если с помощью Божией найден такой «истинный учитель, муж святой и духовный», то «надлежит нам принимать таковых, как самого Христа; ибо то, что бывает оказываемо им, возносится к самому Владыке Христу и Богу нашему, и Он Себе то присваивает и на таком имеет счету, как бы Он Сам лично принимал все то; как, напротив, и то, что бывает оказываемо лжеучителям, возносится к самому антихристу, и которые их приемлют, приемлют самого диавола. И пусть никто не отговаривается, что не знает таковых, говоря: “как я могу распознать их? И я человек, а никто из людей не знает, что кроется у другого на душе, кроме духа, живущего в нем”. Никто не бери этого изречения в благословный предлог: ибо, если бы невозможно было распознать таковых, Господь не дал бы такой заповеди: **внемлите от лживых пророк, т<о> е<сть> берегитесь от лжеучителей, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы**, и не приложил бы вслед за сим: **от плод их познаете их** (Мф. 7, 15)»¹⁹⁹. Возникает вопрос: как же так? Человек желал слушаться, оказывать почтение истинному учителю, желал исполнять волю Божию, но по недальновидности своей попал на учителя ложного,— и что же, послушание может вмениться ему в грех? Да! Ведь мы знаем из патериков немало случаев, когда какому-либо подвижнику являлся диавол под видом

¹⁹⁹ Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения. Т. 1. Слово 11. С. 102–103.

благодатного света, святого Ангела или даже Христа. Бывало, что неискусный подвижник, не умевший распознать козни врага, поклонялся обольстителю, будучи уверен, что поклоняется Самому Господу, или принимал свет или другое видение как благодатное: это могло стать достаточным поводом к тому, чтобы диавол обретал над ним огромную власть и имел его как законную свою добычу, мог свести его с ума, а то и вовсе погубить. Но ведь монах в этом случае не собирался поклониться диаволу, он никак не поклонился бы ему, если бы знал, кто перед ним на самом деле, он имел веру и убеждение, что перед ним Христос! Почему же Господь не принял это поклонение как относящееся к Себе, но предал несчастного на истязание сатане? Иной скажет: в душе прельстившегося таилась гордыня, он ни с кем не советовался, и это довело его до впадения в искушение! Но у послушника, который доверяется неискусному и страстному человеку, не имеющему духовного рассуждения, доверяется ему как бы духовному, знающему волю Божию, когда он принимает слово этого наставника как внушенное ему благодатью Божией, — может быть, в душе его (этого послушника) тоже таится какое-то сокрытое лукавство, неправота, ради чего Господь и попускает ему обрести учителя по *своей прихоти* (ср.: 2 Тим. 4, 3)? Ведь, как говорилось уже, — поиск истинно духовного старца есть также немалый подвиг, который, по указанию святых отцов, должен быть сопряжен со многими молитвами и трудами. Этот поиск и есть как бы ключ к двери, открывающей доступ к блаженной и краткой лестнице всецелого послушания, которая способна очень скоро возводить на

небо. Как говорит святой Симеон, «если хочешь улучшить истинного учителя, мужа святого и духовного, не рассчитывай, что можешь узнать его сам собою, своим рассмотрением, потому что это невозможно. Но прежде всего другого... подвизайся в добрых делах, в милостынях, в пощении, молитве и молении непрестанном, да будет тебе помощником и содействователем в этом Бог»²⁰⁰. В то же время, чтобы избежать лжеучителей, нужно прежде самому удаляться от дел тьмы, по слову того же отца: «...ибо пока кто поработен таким делам и ходит во тьме, дотоле не может он избежать таких учителей и не может придти на свет учителей истинных»²⁰¹.

В параллель со сказанным можно предложить и такой вопрос: все клирики и миряне в какой-либо епархии находятся в послушании у своего архиерея; ну а что, если этот епископ в чем-либо погрешает, нарушает какие-либо установления церковные (здесь не имеется в виду крайний случай искажения иерархом догматического учения, при котором необходимо немедленное разобщение с ним); может ли это отразиться на его пастве, принести ей вред? Ведь пасомые слушаются своего архипастыря ради Христа, ради сохранения церковного благочиния! Ответ находим в письмах преподобного Исидора Пелусиота. Этот святой отец говорит, что не стоит удивляться, если из-за недостойного епископа наказывается целый город и «если из-за него и святилище лишается священнослужителей, и город — жителей». И при этом

²⁰⁰ Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения. Т. 1. Слово 11. С. 102.

²⁰¹ Там же.

«наказываются они не вопреки правде, но каждый принимает достойную мзду за собственные свои дела», поскольку «безрассудно отдали предпочтение недостойному, как обесчестившие добродетель и отдавшие преимущество столь явному пороку, справедливо **снимают труды плодов своих** (ср.: Пс. 127, 2)»²⁰². В другом письме преподобный Исидор говорит, что если епископ вознерадеет о своих обязанностях, то «подвергается наказанию не он один, но часто с ним вместе и вся Церковь»²⁰³. И сам он наказан будет за то, что, будучи нерадивым, решился стать служителем Божиим и добровольно принял на себя или даже в безумии своем купил себе такое дело, а прочие — за то, что такому человеку недостойно вручили священство»²⁰⁴. Но если нерадение епископа (от которого обычно более зависит внешнее благоустройство епархии, нежели внутренняя жизнь верующих) может стать причиной наказания Божия для всей его паствы за одно только со стороны ее попустительство недостойному взойти на кафедру архиерейскую, то не тем ли более может получить вред тот, кто неосторожно избирает себе руководителя, который должен прозревать, указывать, направлять тончайшие стороны духовной его жизни?

Не можем согласиться и с утверждением автора брошюры, будто «все святые отцы строили свое богословие послушания» в направлении поиска воли Божией «от послушника к старцу», в то

²⁰² *Исидор Пелусиот, преподобный*. Письма. Т. 1. М., 2000. Письмо 39. С. 20.

²⁰³ Под Церковью здесь надо понимать клириков и мирян, которые находятся под началом этого архиерея.

²⁰⁴ *Исидор Пелусиот, преподобный*. Письма. Т. 1. Письмо 149. С. 75.

время как святитель Игнатий «единственный из всех строил его в противоположном направлении — от старца к послушнику». Очевидно, что под *направлением поиска воли Божией от послушника к старцу* отец Доримедонт подразумевает то, что сама вера послушника, его желание постичь и исполнить волю Божию должны перекрывать все немощи старца, его неискренность и недуховность. Он считает, что за «подчинение себя воле духовного отца», за то, что послушник «в своей любви ко Христу жертвует волей своей», ему открывается воля Божия. Отец иеромонах также считает, что *причина* того, что «путь послушания наиболее безопасен и легок, кроется в благоугодном Христу подчинении нашей воли чьей-то еще». Как видно, не столь важно — *чьей*, поскольку он признает серьезной ошибкой в учении святителя Игнатия о послушании то, что святитель «возможность духовного преуспеяния послушника ставил в прямую зависимость от степени духовного преуспеяния его старца». Но в таком случае в подвиге послушания все строится только на вере и самоотверженности самого послушника; тогда и в старца (Старца — с большой буквы) по вере послушника может превратиться любой насельник монастыря, независимо от его духовного преуспеяния. То, что через старца будет вещать Дух Святой, — также меньше всего зависит от него самого, в основном же от послушника.

Но с какой целью в таком случае отцы предупреждали о том бедствии, какое может случиться с послушником, когда он всецело доверится наставнику неискреннему или страстному? Если послушание старцу само уже включает в себе силу

покрывать все недостатки наставника, то к чему эти опасения и оговорки? К чему все эти *рассматривания, испытания, изыскания* в отношении *старцев*, предписываемые отцами? Почему условием, необходимым для того, чтобы всецелое послушание и вверение своего спасения другому человеку могло совершаться безопасно, святыми отцами поставляется тщательное изыскание духовно опытного наставника? Тогда надо было бы говорить только о том, что главное в послушании — верить, что через старца, даже самого немощного и малоопытного, ради веры послушника будет действовать благодать Божия, и бояться ошибок и вреда со стороны неискусного наставника вовсе не к чему. Святой Василий предупреждает, что лукавый противоборник, когда не может человека отвратить от монашества, то старается сделать так, чтобы он ради послушания вверился «кому-нибудь из страстных сластолюбцев», чтобы незаметно соделать его опять многострастным. И «если, щадя тело свое, отыщешь учителя, снисходительного к страстям своим... то напрасно ты вступал в подвиг отречения от мира, потому что предался страстной жизни, взял себе слепого вождя и приближаешься к яме. Ибо **слепец слепца аще водит, оба в яму впадут; довлеет бо ученику, да будет яко учитель его** (ср.: Мф. 15, 14; 10, 25)»²⁰⁵. Отец Доримедонт скажет, наверное: ну, здесь послушник по страсти выбирал, искал учителя снисходительного, потому так вышло... Но и мы указывали, что выбор духовника есть подвиг, и очень ответственный, что это есть первая ступень, можно сказать, — дверь, только после открытия

²⁰⁵ *Василий Великий, святитель*. Творения. Ч. V. С. 41–42.

которой и можно встать на истинный путь всецелого и поистине духовного послушания. Как видно, брошюра отца Доримедонта всячески пытается принизить значение этого этапа в делании отсечения своей воли и взыскания воли Божией. Но опять находим, что и, по учению святителя Василия, от страстного руководителя может происходить вред и пагуба, так что послушник, попав на такого «старца», *напрасно*, выходит, и *вступал в подвиг отречения от мира*, он опять может предаться *страстной жизни и приближается к яме*.

Но вот сам же отец Доримедонт говорит, что «святитель Василий Великий предписывает монахам беспрекословное послушание настоятелю — духовному отцу, приведенная характеристика которого отражает его несомненную духовную зрелость»²⁰⁶. Автор брошюры ссылается и на святых Каллиста и Игнатия, на их слова об избрании наставника²⁰⁷. И эти отцы, говоря об *отречении и совершенном повиновении* наставнику, полагают условие: «Для сего со всем усердием взыщи и постарайся найти себе руководителя и учителя непрелестного (непрелестность его да будет в представлении им в подтверждение того, что говорит, свидетельства из Божественного Писания), духоносного, сообразную с словами своими и жизнь ведущего, высокого в умозрении, смиренного в мудровании...» и т. д. И только затем: «Нашедши же такого... пребывай с того времени весь в его повелениях, и с ним во всем согласуйся, смотря на него, как на Самого Христа, а не как на человека, и всякое от себя отгоняя неверие и сомнение...

---

²⁰⁶ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 14.

²⁰⁷ Там же.

...Последуй за своим учителем, как зеркало какое...»²⁰⁸. После этого уже святые отцы описывают все блага, происходящие от послушания, но затем опять повторяют: «...так как причина всего для нас прискорбного в непокоривости и гордости... то возжелавшему жить без погрешений надобно побыть на послушании у отца, опытного и непрелестного, долговременными подвигами стяжавшего ведение вещей Божественных, и в жизни украшенного всеми добродетелями, всякое его повеление и всякий совет почитая гласом и советом Самого Бога»²⁰⁹.

То же самое, как мы видели выше, пишет и святой Симеон Новый Богослов — первое является условием второго: опытность и духовность старца — условием *крайнего внимания* и *благоугождения* со стороны послушника. Так что не по послушнику вырастает старец, но по старцу — мера и степень допустимого к нему послушания, а также и преуспевание послушника!

Необходимо учитывать и то, в какие отношения с учеником дерзает вступить наставник. Если учитель сознает, что не имеет в себе *явного обитания Духа*, то всякое затруднение, касающееся каких-либо тонкостей духовной жизни, должен он решать не своим разумом, а расследуя, как об этом вопросе учат Святое Писание и святые отцы. Мы уже отмечали, что так понимал современный подвиг наставничества не только святитель Игнатий, но и другие отцы, в том числе преподобный старец Паисий (Величковский)²¹⁰. Так что такой

²⁰⁸ Добротолюбие. Т. 5. С. 315.

²⁰⁹ Там же. С. 321.

²¹⁰ См.: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. 247–249.

наставник, когда ему приходится решать вопрос не рядовой, но требующий рассуждения, должен отвечать, ссылаясь на святых отцов Церкви. Иногда же, если ответ не найден, он должен признаваться в своем неведении, но не принимать вид, будто ему каким-то таинственным образом извещаются суды Божии. Он должен открывать перед послушником святоотеческое предание, направлять его мысль к Богу, подсказывать, советовать, предостерегать, наставлять, но в то же время не выдавать себя самого за духоносного старца, а и себя показывать всегда учащимся от писаний святых отцов, ищущим узнать в них волю Божию. В противном случае происходит обман, фальсификация духовности. Если наставник настроит ученика так верить ему и так смотреть на него, как будто ему открыты веления Духа, на самом же деле сам он еще находится в состоянии душевном и пытается решать возникающие духовные проблемы, основываясь на собственном рассуждении, то ученик попадает в ложное состояние. Он уверен, что ему таинственно открывается воля Божия, а по сути — это плод разума человеческого. Книги Ветхого и Нового Завета часто обличают тех пророков, которые изрекают суетное и человеческое, будто «глаголы Божии»: ***Якоже лисицы в пустыни, тако пророцы твои, Израилю! Видящии ложная и волхвующии суетная, глаголюще: «Тако глаголет Господь», Господь же не посла их... Глаголете: «Рече Господь», — Аз же не глаголах. ...Простру руку Мою на пророки, видящия лжу и провещавающия суетная... Понеже прелестиша людей Моих, глаголюще: «Мир, мир» — и не бяше мира*** (Иез. 13, 4, 6–7, 9–10). Святитель

Игнатий часто предостерегает наставников от подобной фальши: «Будем страшиться преподавания новонаначальному какого-либо необдуманного наставления, не основанного на слове Божиим и на духовном разумении слова Божия. Лучше сознаться в неведении, нежели выказать ведение душевредное. Охранимся от великого бедствия — превратить легковверного новонаначального из раба Божия в раба человеческого [см.: 1 Кор. 7, 23], привлекиши его к творению падшей воли человеческой вместо всесвяти воли Божией»²¹¹. «Многие из святых называли чадами тех, которым они сообщали жизнь Духа. И то было истинно: потому что словам сопутствовало самое дело. Но мы, не имеющие в себе явного обитания Духа, можем ли сами присваивать себе то, что дает только Бог. Не страшное ли это святотатство? Не самообольщение ли это?..»²¹².

Несомненно, что при полном доверии старцу, при послушании *всецелом* и *слепом*, когда старец видится ученику сосудом Духа Святаго, а каждое слово и действие его как бы святыми и непогрешимыми, — в таком случае *духовное преуспеяние послушника* находится в *прямой зависимости* от степени духовности его старца. Этой зависимости может не быть в том случае, когда послушник и старец не ставят себя в те возвышенные отношения, которые могут иметь место только тогда, когда наставник стоит уже на высокой степени духовности, когда духовные очи его уже очищены

---

²¹¹ Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 79–80.

²¹² Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 155. С. 257.

благодатью Духа Святого, когда внутреннее состояние ученика он прозревает духовным разумом, видит то сокровенное в его душе, чего никак не способен обнаружить при самых мудрых своих просчетах один только человеческий рассудок, пусть и самый благонамеренный. При такой мерности отношений, сдержанности, между учеником и учителем благоразумно сохраняется определенная дистанция, оставляется некоторое пространство для поиска, для выверения направления пути. Так путники, поднимающиеся в гору один за другим, хранят некоторое расстояние между собой, чтобы впереди идущий, оступившись, не увлек за собой всех последующих ему. Послушнику оставляется некоторая свобода *сличать* учение отцов древних и духовное направление отцов современных с тем, *чему учит его учитель и настоятель*, дабы он мог, «как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою, — и затем согласное с писаниями усвоить и удерживать в мысли, а несогласное, — рассудив добре, — отлагать, чтоб не прельститься», по слову святого Симеона Нового Богослова. Примеров такого послушания мы приводили выше немало. Это и есть тот вид послушания, который видится святителю Игнатию наиболее уместным в наше время, весьма бедное истинно духоносными отцами.

Конечно, прав отец Доримедонт, что *предмет веры послушника* должен являться *не старец, более или менее преуспевший, а Сам Христос*. Но когда послушник верит, что наставник его духоносец, тогда он должен верить и в то, что устами старца говорит с ним Сам Христос, слова старца — слова Самого Господа. Вот и сам отец Доримедонт

цитирует слова святителя Василия Великого, святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, преподобного Симеона Нового Богослова о том, что на наставника надо смотреть *как на Самого Христа, а не как на человека*, и слова афонского старца Ефрема Катунаского, что *старец — это видимый Бог*. К тому же за таким старцем, которого ученик считает *духоносным*, по святым Каллисту и Игнатию, необходимо *следовать, как зеркало какое*. У такого ученика появляется «забота быть, как учитель», опять по слову тех же отцов, и тогда ему «надлежит неуклонно со всем рвением душевным, как на пример и первообраз наилучший, смотреть на жизнь и дела руководителя своего и понуждать себя во всем всегда подражать ему»²¹³. Но если применять это правило и в том случае, когда старец находится в душевном состоянии, а то и вовсе поработен страстям, говорит от себя, да еще то, что вовсе может быть несогласно с волей Божией? Тогда ведь послушник находится в опасности усвоить о Боге неверные понятия! Ученик так видит своего старца, так преклоняется перед ним, будто имеет перед собой сосуд Духа Святаго, на самом же деле это может быть *сосуд*, который пока еще *не перестал оскверняться действием сатаны*, по слову святителя Игнатия. Святитель Василий Великий, отвечая на вопрос о том, каким должен быть настоятель (а отец Доримедонт замечает, что, «по уставу святителя Василия, настоятель является для братии духовным отцом и наставником»), говорит, что он, «как *слуга Христов и строитель таин Божиих* (ср.: 1 Кор. 4, 1), должен бояться, чтобы не сказать или не постановить чего-либо

²¹³ Добротолюбие. Т. 5. С. 315, 316.

вопреки воле Божией, засвидетельствованной в Писаниях, и не оказаться лжесвидетелем по отношению к Богу или святотатцем, или введя что чуждое учению Господню, или оставить что угодное Богу»²¹⁴.

Итак, очевидно, что *вера, составляющая сущность подвига послушания*, вера послушника, видящая в старце своем как бы Самого Христа, слышащая в словах его глаголы не человеческие, но Божии, *требует, чтоб предмет ее был истинный и духовный!* Иначе здесь происходит подмена, фальсификация, нечто подобное поклонению лжемошам, происходит что-то коварное и святотатственное!

---

²¹⁴ Василий Великий, святитель. Творения. Ч. V. С. 222.

НЕКАНОНИЧНАЯ ИКОНА

Иеромонах Доримедонт поясняет, что «старец есть образ (икона) Христа», ссылаясь на слова святых отцов. Затем он говорит, что «для того, чтобы лучше понять истину о том, что старец — это икона Христа, можно привести пример с почитанием обычных икон. Поклоняющийся иконе христианин поклоняется не произведению искусства, а Первообразу, то есть Самому Христу. <...> Первостепенное значение имеет вера. Это подтверждают и многочисленные случаи чудотворений, мироточений и т. п. от написанных недостаточно художественно или даже вовсе от неканонических икон. *Дух Божий дышит идеже хочет* [Ин. 3, 8], главной предпосылкой для Его пришествия является вера, а не законы человеческой логики и эстетики, пусть даже самые правильные. Аналогия с послушником и старцем самая прямая. Актом веры является поклонение иконе, подвигом веры является послушание старцу. Объект веры в обоих случаях один. Старец есть для послушника икона Христа, и эта икона тоже может быть “написана” более или менее талантливо. Если она “написана” более талантливо, то есть если старец более искусен, то это, вне всяких сомнений, способствует послушнику увидеть через него Первообраз — Христа. Но если эта икона “написана” менее талантливо, то есть если старец

менее искусен, имеет человеческие немощи и несовершенства, то это совсем не исключает для послушника возможности увидеть через старца Христа»²¹⁵.

Поясним: не только *старец*, но и каждый ближний для нас является образом Христа (хотя и не всегда в равной степени), и все, что делается христианином своему ближнему — доброе или злое, — относится к Самому Господу. Сам Господь говорит про тех, которые ради исполнения заповеди Божией накормили голодного, напоили жаждущего, одели нагого и упокоили странного, посетили больного или находящегося в темнице, что все это Он принимает как сотворенное Ему Самому (см.: Мф. 25, 34–40). Святой апостол Иоанн говорит: ***Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть, ибо не любяй брата своего, его же виде, Бога, Его же не виде, како может любить?*** (1 Ин. 4, 20). По слову святителя Игнатия, «Христос благоволил таинственно облечься в каждого ближнего нашего». Святитель утверждает, что «истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога... <...> Воздавай почтение ближнему как образу Божию... <...> И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажи почтение как образу Божию. <...> В христианине воздай почтение Христу, Который сказал в наставление нам и еще скажет при решении нашей участи вечной: ***понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе*** [Мф. 25, 40]»²¹⁶.

²¹⁵ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 24, 25, 26.

²¹⁶ Игнатий (Брянчанинов), святитель. Аскетические опыты. Т. 1. С. 121, 124, 125–126.

Даже когда люди делают нам зло, мы в этих их действиях должны усматривать наказующую или вразумляющую нас десницу Божию, а самих этих людей — орудием Промысла Божиего: «Все совершающееся совершается под недремлющими взорами Всеблагого и Всемогущего Бога, одно по воле Божией, другое по попушению Божию»²¹⁷, — говорит святитель Игнатий. Для каждого верующего всякий священнослужитель является образом Христа: когда он испрашивает благословение от иерея, то, целуя руку его, изображает этим целование десницы Божией, благословившей его. Итак, почти всегда и в отношениях со всеми людьми христианин должен видеть Бога, стоящего близ каждого из них, каждого из них почитать образом Божиим, через ближнего выверять свои отношения к Самому Богу. Конечно же, и духовный наставник в том же смысле является для послушника образом Христа. О том же пишет и святой Симеон Новый Богослов²¹⁸. Хотя и каждый ближний для нас есть образ Христа, но отношение к ближнему, и через него взаимоотношение с Богом, бывает весьма различное. Когда мы подаем милостыню ради Христа какому-либо человеку, пусть даже самому грешному, даже вовсе неверующему, — эту нашу жертву Господь безусловно принимает как отнесенную к Нему Самому. Так же, независимо от духовного преуспевания старца, ученик всегда может видеть стоящего рядом с ним Христа, то есть через отношение к старцу соотноситься

²¹⁷ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 47. С. 112.

²¹⁸ См.: *Симеон Новый Богослов, преподобный*. Творения. Т. 1. Слово 11. С. 102–103.

к Самому Христу. И святой Акакий, находясь в послушании у страстного и неискусного старца, безусловно, так понимал свое послушание, как оказываемое Самому Господу. Старец гневный, жестокий, немилостивый (что жил близ Александрии, о котором шла речь выше) для своего ученика скорее походил не столько на икону Христа, сколько на икону Страшного Суда, жестокими побоями напоминая ему о будущих истязаниях, ждущих непокаявшихся грешников. Но иное видение образа Христова в старце, когда ученик находится в безусловном послушании к нему: здесь этот образ проступает как бы в больших подробностях, «тончайше выписанным», здесь уже в самих словах и действиях учителя необходимо подразумевается соответствие слову и воле Божественным. Но допустимо ли считать богоугодным то, чтобы *старцу*, находящийся в плену страстей, сам часто идущий наперекор воле Божией, представлялся послушнику тонко прописанной иконой Христовой, чтобы слова и действия, совершаемые по какой-либо страсти (а иногда и явные грехи: вспомним того «старца», о котором говорил Иоанн Савваит послушнику, чтобы «не оставлять» его даже тогда, когда увидишь, «что он блуд творит»), воспринимались как слова и действия «видимого Бога»? Одно дело, когда мы чтим образ Христов в ближнем по какому-то определенному положению этого человека или его отношению к нам: например, когда этот человек нуждается в помощи, находится в беде либо же когда перед нами священник или наставник духовный. Здесь самое его внешнее положение, независимо от внутреннего состояния, призывает нас почтить в лице его Христа.

Другое дело — в самих словах, учении, конкретных действиях человека как бы слышать и находить Самого Бога. Когда духовный наставник преподает конкретное наставление своему ученику как откровенную волю Божию, то эти слова и то, к чему они призывают слушающего, уже не «икона», не «образ», а либо действительно слово Божие и откровение Его воли, либо ложь. Когда учитель не претендует на то, чтобы ученик видел в нем духоносца, человека, которому безошибочно известна воля Божия, когда он преподает наставление не от себя, а опираясь на учение Священного Писания и писаний святых отцов, тогда видеть в нем как бы Самого Христа, принимать из его уст учение святоотеческое как учение Христово и возможно, и полезно, и необходимо. Но когда старец будет представляться духоносным, не будучи таковым, станет показывать себя знающим волю Божию по какому-то откровению свыше, на самом же деле он руководствуется собственным разумом, и когда ученик вынуждается верить при этом, что самые слова и веления старца исходят от Самого Христа, в таком случае — это есть подмена и фальшь.

Изобразим для уточнения этого вопроса такой пример: представим, что какой-либо человек имеет неотложное прошение к самому царю или какому-либо знатному лицу. Сам он не имеет возможности удостоиться встречи, но после долгих стараний, наконец, попадает в приемную этого большого начальника. Ожидая в приемной, всех находящихся там лиц он встречает с благоговением и страхом как ближайших к царю слуг, боясь, чтобы небрежное отношение к ним не было

воспринято как неблагоговение перед самим их владыкою. Наконец, к нему подходит приближенный того правителя, и человек этот обращается к нему со слезной просьбой доложить царю о его прощении и затруднении, испросить благоволение царя. Затем он с нетерпением ждет, каково же будет слово правителя, какова будет воля его. Так и в нашем случае: каждый человек есть раб Божий, близко знаемый Им. Всякое недружелюбное или неблагоговейное отношение к этим рабам Божиим будет воспринято Господом как неблагоговение к Нему Самому, как пренебрежение Его любовью и милостью. Старец же, о котором у нас речь, это не только «образ», это не просто ближайшее напоминание послушнику о близости к нему Самого Христа, но это и ходатай, человек, могущий обратиться от лица его ко Христу, испросить ему милость, донести до ученика веления Божии. Но «надлежит тебе прежде самому просветиться истинным светом,— обращается к духовному наставнику святой Симеон Новый Богослов,— а после того вводить и других в сей свет; надлежит тебе прежде самому получить христианскую свободу, а потом берись руководить к ней и других; ибо совершенно бессмыслен и буй есть тот, кто, будучи сам рабом, берется освобождать сорабов своих, восхищая власть господина своего»²¹⁹. «...Тот, кто сам еще не родился, или родился, но еще дитя есть, т<о> е<сть> не достиг еще совершенства, тому... как возможно быть отцом других? <...> И тому, кто не соделался сыном Света, с чувством и сознанием того, с опытным удостоверением и духов-

²¹⁹ *Симеон Новый Богослов, преподобный*. Творения. Т. 2. Слово 87. С. 454–455.

ным созерцанием, тому как возможно знать и видеть Отца светов? И как возможно ему руководить других к Свету, или научить их, что есть Свет, который пришел в мир, чтоб просвещать сидящих во тьме? Сам он слеп и не видит, как же может он показать путь другим? Кто не видит света, тот всеконечно ходит во тьме, спотыкается непрестанно и имеет нужду в путеводителе: как же путеводить ему других? И если станет он путеводить их, то наверное будет для них виновником пагубы. Ибо Господь говорит: **слепец слепа еще водит, оба в яму впадут** (Мф. 15, 14)²²⁰. Подобно этому, если какой человек, принимая на себя вид доверенного царю лица, на самом же деле не имея дерзновения предстать царю, обещался бы кому-либо ради суетной славы, что может ходатайствовать тому у царя милость или разрешение какого-либо трудного и важного для него дела, но, присвоив себе плату и честь за такое ходатайство, на самом деле вовсе и не мог, и не дерзал явиться пред лице царя, но делал только вид, что побывал у него; если бы при этом он еще и сообщил, что царь-де повелел тебе делать то и то и обещает тебе за это то и другое, хотя на самом деле ничего этого сказано царем не было,— вполне возможно, что и такой дерзновенный «ходатай», и послушавшийся его — оба ощутят на себе серьезные последствия и великий вред за ложь перед царем.

Очень много встречаем у святых отцов предостережений, относящихся и к таким ходатаям, и к тем, кто по неосторожности доверится им: «Скажи мне,— говорит святой Симеон Новый

---

²²⁰ Там же. С. 446.

Богослов,— прошу тебя, если ты не сознаешь, чтоб был бесстрастен, и не чувствуешь, чтоб обитал в тебе бесстрастный Бог, то на что дерзая и полагаясь, взял ты на себя дела, свойственные бесстрастным, и служения, принадлежащие одним святым рабам Божиим? <...> Поостерегись братья пасти других прежде, чем стяжешь верным другом пастыря Христа, ибо ведай, что имеешь дать ответ не только за свое недостойнство, но и за разумных овец, которых погубишь по своей необученности и своей страстной жизни. Смотри, прошу тебя, не бери на себя чужих долгов, будучи сам должником, хотя бы то и небольшим долгом. Не дерзай давать кому-либо разрешение грехов его, если сам не стяжал еще внутрь сердца своего Вземлющего грех мира. Внимай, брате, чтоб не восхотел судить другого прежде, чем сделаешься верным судиею себя самого и исследователем собственных своих падений, и прежде, чем сам над собою произнесешь праведный приговор и воздашь должное правде слезами и плачем. И тогда уже, как освободишься от закона плоти и от смерти греховной и исполнишься Духа Святаго, тогда соглашайся на поставление себя благодатию Божиею в праведные судьи для суда над другими...»²²¹. Блаженный Феофилакт писал: «...кому бы то ни было прежде нужно землю возделывать, а потом уже принимать в руки и пастырскую должность. Кто хорошо возделал свою плоть, как бы какую землю, тот достоин быть и для других пастырем. Ибо кто не умеет собственным домом управлять как следует, тот как будет

²²¹ *Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения. Т. 2. Слово 83. С. 393–394.*

пещись о Церкви (см.: 1 Тим. 3, 5)? Итак, прежде возделай самого себя и тогда уже других паси...»²²²; «...Ученики Иоанновы следуют за Христом и идут к Нему после того, как Он сошел с горы и вынес искушение. По моему мнению, такое сочетание событий показывает, что никому не нужно вступать в звание учителя прежде, чем он взойдет на высоту добродетели... победит всякое искушение и будет иметь знак торжества над искушителем»²²³.

Но вернемся к иконам: действительно, человек, с верой молящийся перед иконой, написанной недостаточно художественно или даже вовсе неканоничной, может быть услышан. И через такую икону может произойти чудо по вере молящегося, как через разбойника Флавиана исцелилась слепая, уверовавшая, что перед ней святой старец²²⁴, или как некая блудница воскресила молитвой умершего младенца, принужденная к этой дерзновенной молитве его матерью²²⁵. Но, по слову святителя Игнатия, «такие события — исключения. Созерцая их, мы поступим правильно, если будем удивляться смотрению и непостижимым судьбам Божиим, укрепляться в вере и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти

---

²²² *Феофилакт Болгарский, блаженный*. Толкование на Лк. 17, 5–10 // Святое Евангелие от Луки с толкованием блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. М., 1997. С. 422.

²²³ *Он же*. Толкование на Ин. 1, 38–39 // Святое Евангелие от Иоанна с толкованием блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. М., 1996. С. 67–68.

²²⁴ См.: Алфавитный Патерик. «Ф».

²²⁵ См.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству св. Димитрия Ростовского. Кн. одиннадцатая: [Месяц июль]. Оптина пустынь, 1992. День девятый. С. 229–230.

события принимать в образец подражания»²²⁶. Если же захотим обобщить подобные случаи (к примеру — случай с Флавианом), то должны будем сделать вывод, что выбор старца вообще не имеет никакого значения, что можно избрать в духовные наставники любого человека, пусть даже разбойника, все дело только в самоотвержении. Но ведь если и возможно преуспевание и спасение при нерадивом и страстном наставнике, то лишь в том случае, когда послушник богат духовным рассуждением, знаком с опытом других духовных наставников, руководствуется писаниями святых подвижников, иногда общается с действительно духовными монахами, как мы видели это в житии святого Акакия и в других описанных выше случаях. Однако иной раз икона, написанная не в православной традиции, изображенная душевно, чувственно, может мешать молиться, создавая фальшивое настроение, навязывая предстоящему ложное понятие о Боге или о святых. Особенно такой вред способны производить картины, претендующие на наименование икон, написанные в стиле западной, весьма чувственной и страстной живописи (а такие изображения можно видеть и сегодня во многих православных храмах). В XIX веке для писания таких «икон» художники иногда приглашали даже натурщиков. Святитель Игнатий рассказывает, что один кучер, «видный, но очень ограниченного ума», признавался ему, что с него написано множество икон. «...Вот причина глупых глаз на иконе, — замечает святитель, — она — верный портрет статного кучера с глупыми глаза-

---

²²⁶ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 74.*

ми»²²⁷. Что-то подобное может происходить и тогда, когда душевный и чувственный человек примет на себя роль духовного старца, а несчастный ученик в лице его (на котором отражаются страсти не уврачеванной еще, не убеленной благодатью души) будет стараться усмотреть образ Самого Христа. Святитель Игнатий говорит далее: «Иконописец должен твердо знать догматы Православной Церкви и вести жизнь глубоко благочестивую, потому что назначение иконы — наставлять народ изображениями. Посему иконы должны сообщать понятия истинные, чувствования благоговейные, точно — благочестивые. В противном случае икона будет действовать так, как бы действовал с кафедры проповедник, зараженный лжеучением...»²²⁸. И как лжедуховный старец, добавим мы.

---

²²⁷ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 304. С. 560.

²²⁸ Там же. С. 561.

«ЗЛОЕ ДРЕВО ПЛОДЫ ЗЛЫ ТВОРИТ»

Иеромонах Доримедонт пишет: «Если бы первостепенное значение имело духовное преуспеяние старца, то все ученики святых тоже становились бы святыми. Но для того, чтобы убедиться в том, что это было совсем не так, достаточно ознакомиться с житиями преподобных отцов как древней, так и новой эпохи. Всегда степень духовного преуспеяния послушника напрямую зависела от степени его веры Христу, которая проявлялась в его послушании живому образу Христа — старцу. Именно эта самоотверженная вера, а не святость наставника, была предпосылкой всякого чуда послушания, которое совершал Дух Святой...»²²⁹.

Но кто утверждает, что духовное состояние послушника одинаково во всех случаях находится в *прямой зависимости* от духовного уровня наставника? Да, не все ученики святых старцев духовно преуспевали и становились святыми (конечно же, по причине своего нерадения). Однако это вовсе не говорит о том, что преуспеяние послушника несколько не связано с духовным уровнем наставника. Если ни святость старца, ни его духовность не определяют успех ученика, то как тогда можно было бы говорить о каких-то кон-

---

²²⁹ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 26–27.

кретных школах монашества, о духовной наследственности, например, о школе Пахомия Великого, Саввы Освященного, Феодора Студита, о школе старца Паисия (Величковского), других отцов и целой плеяде их учеников и последователей? Или о «корифеях двух современных святителю Игнатию ярких школ послушания: общежительной Саровской и отшельнической Брянско-Орловской», как свидетельствует сам отец Доримедонт? Ведь созидались эти духовные собрания всегда вокруг духовно возвысившихся отцов, своими подвигами, самоотвержением, горящей любовью к Богу и ближнему проложивших как бы тропу к Небу или как бы прорубивших сквозь мрачный греховный покров мира, сквозь эту «медную стену», окно, открывшее доступ Божественному Свету. Отцы эти, стяжавшие в душах своих благодатный свет, освещали им дорогу многим братьям, озаряли их надеждой, вселяли в сердца их ревность и жажду поиска того же вечного блаженства, передавали им нажитое многими трудами и потами богатое духовное наследие. Когда отходили эти преподобные из сего мира, то возжженный ими яркий светильник, благодатный свет его долго еще сохранялся в душах их учеников, затем — их последователей и разгонял греховную тьму мира. Таким образом, старцы имели огромное влияние на своих учеников: все их поиски и находки, духовные битвы, поражения и победы, скорби и радости, испытанные ими на пути к Богу, то есть весь их духовный опыт, имели значение в воспитании тех, кто доверялся им. Иначе какой смысл имели бы слова святого аввы Исаии Отшельника, сказанные им о новоначальных монахах, предавших

себя в послушание духовным отцам: «Краска, в которую первоначально выкрашена багряница, ничем не изглаживается с багряницы»? Это значит, по объяснению святителя Игнатия, то, что «первоначальное направление, которое получит-ся иноком при вступлении в монастырь, остается в нем, в большей или меньшей степени, на всю жизнь»²³⁰. Как свидетельство близкой связи между духовным состоянием наставника и тем направлением, которое он задает своему ученику, можно понимать и слово Господне: ***Внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их. Еда обемлют от терния грозды или от ретия смоквы? Тако всяко древо доброе плоды добры творит, а злое древо плоды злы творит: не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити*** (Мф. 7, 15–18). Святой Иоанн Лествичник повествует, как один неразумный послушник, желая потщеславиться, начал хвалиться добродетелями своего старца. Отцы сказали ему: «Как же доброе дерево произвело бесплодную ветвь?»²³¹, указывая этим, что чаще всего по поведению ученика узнается и мудрость наставника его, как по плодам древо.

Если же, как утверждает иеромонах Доримедонт, в монашеской жизни почти весь успех зависит от *самоотверженной веры* послушника, а не от святости, не от степени духовного преуспевания наставника, то никаких таких школ существовать не могло! Тогда все было бы иначе: то здесь, то там

²³⁰ Отечник... С. 151. § 91.

²³¹ Иоанн Лествичник, *преподобный*. Лествица. Слово 4:83. С. 58.

(иногда при духовных, но нередко и при самых нерадивых старцах) появлялись бы отдельные самоотверженные послушники, которые достигали бы высот духовных благодаря только высоте своего послушнического подвига. Тогда и духоносность старца, степень его духовного прозрения, должна была бы вполне зависеть от того, с каким учеником этому старцу случилось иметь дело. Обрелся послушник, вполне отсекающий свою волю, желающий видеть в лице старца духоносного отца, — и вот старец, которому выпала такая удача, весь преображается и, независимо от собственной духовной немощи, от неимения духовного рассуждения, вдруг, помимо собственной неискренности в решении духовных проблем, начинает изрекать духовные понятия, открывать волю Божию своему ученику, безукоризненно вести его по пути спасения и совершенства. Что именно так и считает отец Доримедонт, видно из следующего: он ссылается на мысль из Древнего Патерика о том, что «старцев не стало потому, что не стало послушников»²³². Эти слова, понятые буквально, для иеромонаха «свидетельствуют о том, что предание послушания может быть восстановлено в любую, даже самую страшную эпоху... Для восстановления послушничества (а значит, и старчества) не нужно многого. <...> Нужно лишь одно: чтобы кто-то решился на смерть — смерть ради Христа, смерть, подающую умирающему о Господе вечную жизнь и блаженство»²³³. Но заметим,

²³² Иеромонах Доримедонт дает ссылку на издание: Древний Патерик. М., 1899. С. 39.— *Ред.*

²³³ *Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 27–28.*

мысль, что «старцев не стало потому, что не стало послушников», взятая иеромонахом из Древнего Патерика, в оригинале имеет несколько иной смысл. Там повествуется о том, как братия пришли к авве Филиксу и просили его *сказать им слово*. Но старец молчал. Потом он сказал им: «Ныне нет слова! Когда братья спрашивали старцев и исполняли то, что старцы говорили им, тогда сам Бог наставлял их, как сказать слово, а ныне только спрашивают, но не делают того, что слышат. Потому Бог отнял у старцев благодать слова, и они не находят, что говорить...»²³⁴. Как видим, духовные старцы были, но поскольку именно эти вопрошавшие послушники, очевидно, страдали маловерием и неисполнительностью, то Господь не дает вопрошаемому ими старцу *благодатного слова*. Конечно, это не значит, что старец не мог преподать вопрошавшим общее монашеское наставление, но речь идет об особом *слове*, конкретном, относящемся именно к этим братьям и отвечающем на их сокровенные нужды, *слове*, которое требует *наставления Божия*. Слова аввы Филикса заключают в себе тот смысл, что Господь не открывает через отцов Свою волю тем, кто приходит спрашивать праздно, не давая цены сказанному через святых Его и не имея намерения приложить это слово к жизни. Если человек спрашивает, как ему поступить, у какого-либо отца с верой в то, что через него Сам Господь откроет ему Свою волю, но, услышав ответ, не исполняет сказанное ему, это вменяется ему в грех. «Если ты сам прибегаешь к отцу духовному, вопрошая его о чем-либо, не потому, чтобы желал получить заповедь, но для

²³⁴ См.: Древний Патерик. Гл. 3. § 35. С. 39.

того, чтобы услышать от него лишь ответ по Богу, и он скажет, что следует тебе делать,— ты непременно должен исполнить сие»,— говорит святой Иоанн Пророк²³⁵. И святой Варсануфий говорит: «Кто вопрошает и ослушивается отцов, тот раздражает Бога»²³⁶. Выходит, что такой вопрошатель не Божию волю ищет, а лишь «искушает» Бога.

Еще одну историю, подобную повествованию об авве Филиксе, находим в Древнем Патерике в повести про авву Арию. Зная, что некоторый брат, который просил его наставлений, готов исполнить любое его благословение, этот старец налагал на него весьма суровые подвиги. Авва Авраам, увидев это, спросил Арию, почему тот другим братьям, вопрошавшим его, говорил о легком подвиге, а на этого наложил тяжкое бремя. Авва отвечал: «Братья как приходят спрашивать, так и уходят, а сей ради Бога приходит, он делатель, и что ты ему ни скажешь, делает рачительно. Потому-то я и говорю ему слово Божие»²³⁷. Опять находим здесь не то, чтобы неискусный старец превращался в орудие Духа ради веры послушника, но то, что духовный и опытный старец, применяясь к состоянию послушника, принимая во внимание его самоотверженность, открывает и указывает ему соответствующие его духовному уровню монашеские делания. Значит, не так, чтобы старцы исчезали, когда нет послушников, и вновь появлялись ниоткуда, когда обнаруживались ревностные ученики,— не так! Духовные и опытные в монашеском делании отцы не были тогда редкостью,

---

²³⁵ *Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные. Руководство к духовной жизни...* Ответ 366. С. 253.

²³⁶ Там же. Ответ 155. С. 126.

²³⁷ *Древний Патерик. Гл. 14. § 3. С. 255.*

но от веры и ревности учеников во многом зависели их взаимоотношения, от этого менялась сила и глубина духовного наставления, преподаваемого им отцами. Одного афонского подвижника спросили: почему не стало теперь старцев? Он отвечал: «Потому что не стало послушников. Хорошие старцы получают из хороших послушников». Опять: не так, чтобы неопытные наставники превращались в старцев по вере послушников, но от самих старцев требуется то, чтобы они имели практический опыт всех ступеней иноческого делания, сами прошли все монашеские подвиги и самым делом испытали всю монашескую науку. В другом древнем патерике находим слово и о том, почему иногда старцев не слушают их ученики. Один великий старец сказал брату, просившему назидания и указания пути спасения: «Кто хочет спастись и вместе творить волю свою, тот походит на хотящего взлететь на высоту без крыльев и притом с тяжелым телом. Но скажу тебе, брат: в нынешние времена *спасаяй да спасает душу свою*, ибо ныне люди стали жестокосерды... Древние отцы, будучи благоуханием Христовым по великим своим добродетелям, облагоухали и тех, кои приходили к ним. А мы, озловоненные грехом, с лицемерною нашею жизнью, как можем врачевать приходящих к нам? И вот причина, почему нас не слушают и не исправляются»²³⁸.

Но, кроме всего сказанного, важно сделать еще некоторое разъяснение: полное и совершенно самоотверженное доверие послушника старцу, всецелое вверение им в руки наставника своего спа-

---

²³⁸ Палестинский патерик. Житие преподобного Саввы Освященного. ТСЛ, 1996. Гл. 5:43. С. 91–92.

сения необходимо отличать от изыскания воли Божией в каком-либо затруднении и ради этого вопрошания старцев и отцев. Это далеко не одно и то же! В первом случае ученик входит в теснейшие отношения со своим духовным руководителем, при этом весь духовный опыт наставника, его монашеское направление, отношение к иноческим деланиям, рассудительность или ее недостаток, умение или неумение соотносить внешний подвиг с внутренним, внимание к сердечному деланию или отвержение этого делания и т. п. — все это не может не сказаться, не отпечатлеться на духовном складе руководимого. Во втором случае этих тесных отношений нет, ученик не вступает в полную зависимость от того, к кому он обращается за разъяснением, здесь выясняются только отдельные вопросы. Всегда и всем монахам, не только новоначальным, но и преуспевшим, святые отцы рекомендовали все делать, советуясь и вопрошая других, не доверяя самим себе ни в чем. Так, святой Иоанн Лествичник говорит: «Все, хотящие познать волю Господню, должны прежде умертвить в себе волю собственную, и, помолившись Богу, с верою и не лукавою простотою вопрошать отцов и братьев, в смирении сердца и без всякого сомнения в помысле, и принимать совет их, как из уст Божиих, хотя бы оные и противны были собственному их разуму, и хотя бы вопрошаемые были не весьма духовны. Ибо не неправеден Бог и не попустит, чтобы прельстились те души, которые с верою и незлобием смиренно покорили себя совету и суду ближнего; потому, хотя бы вопрошаемые и не имели духовного разума, но есть глаголющий

через них Невещественный и Невидимый»²³⁹. Первое впечатление, которое складывается от этих слов, что это и есть то самое послушание, о котором говорит отец Доримедонт, когда утверждает, что *самоотверженная вера* послушника, *а не святость наставника*, является *предпосылкой всякого чуда послушания*, и что для восстановления старчества *не нужно многого*. Но обратим внимание на то, что эти слова святой Лествичник помещает не в степени четвертой, где речь идет о послушании, а в степени двадцать шестой, где говорится о рассуждении. Здесь обращение ко *всем, хотящим познать волю Господню*, в то время как в степени четвертой святой Иоанн обращался к тем, кто желает «покорить себя ради Господа и без сомнения вверить спасение... иному»²⁴⁰. Потому и такое различие: здесь допустимо, чтобы *вопрошаемые были не весьма духовны*, а там — *должно рассматривать, испытывать, искусить кормчего*, чтобы не попасть *вместо бесстрастного на человека, обладаемого страстями*, чтобы не попасть *вместо пристани* — в пучину, чтобы не найти *готовой гибели*. Также в степени двадцать шестой далее говорится об иных способах *постигать благую волю Божию*: так некоторые ради испытания воли Божией «отрешали помысл свой от всякого пристрастия к тому или другому совету души своей... и ум свой, обнаженный от собственной воли, с горячею молитвою в продолжение предназначенных дней представляли Господу; и достигали познания воли Его...». «Другие по скор-

²³⁹ Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово 26:110. С. 199.

²⁴⁰ Там же. Слово 4:6. С. 34.

би и затруднениям, которые следовали за их начинанием, заключали, что дело их согласно с Божественною волею...»²⁴¹ и т. д. Отсюда видно, что и в предыдущем слове речь шла о том же испытании воли Божией, а не о всецелом и слепом послушании человеку, не имеющему духовного разума. Здесь речь о значении духовного совета ради изыскания воли Божией, о чем также часто говорит святитель Игнатий. Одна глава в «Приношении современному монашеству» так и названа: «О жительстве по совету». Святитель считает, что Промыслом Божиим нашему времени предоставлено именно такое жительство, которое «основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов, при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братий»²⁴². В письме некой инокине он говорит: «В особенности важен путь духовного совета, которым проходили святые иноки и достигали сперва очищения страстей, а потом и благодатных дарований. Горе же единому...»²⁴³.

Бывали случаи, когда некоторые отцы, желая узнать, угодно ли Богу какое-либо из их начинаний, горячо помолившись, вопрошали встретившегося им несмышленного младенца с верой, что через его простоту Господь откроет Свою волю. Да, иногда и устами малого дитяти Господь возвещает веления Духа. Но если такое чудо и может происходить иногда по молитвам и вере вопрошающего, не допустимо, однако, требовать от Бога,

²⁴¹ Там же. Слово 26:112, 113. С. 200.

²⁴² *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 76.

²⁴³ *Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 115*. С. 202.

чтобы чудо это происходило постоянно. Например, что вышло бы из того, если бы кто-нибудь, получивший откровение через такого дитя, решился бы отдаться самоотверженному послушанию, поклониться под руководство этого младенца, ожидая, что за эту его самоотверженность, молитвы и веру каждое слово ребенка Господь исполнит духовного смысла, будет провещавать через него веления Духа? Впрочем, Бог иной раз отверзает уста и ослице, дабы вразумить пророка и явить ему Свою волю (см.: Чис. 2, 30–33)...

ВОДА, КОТОРАЯ НЕ УТОЛЯЕТ ЖАЖДУ

Иеромонах Доримедонт отмечает, что, по учению святителя, слушаться глубоко следует только *духоносного* наставника, при этом, «к сожалению, точного определения слову “духоносный” святитель не дает. А этот вопрос является очень важным». Затем, анализируя те требования, которые святитель Игнатий предъявлял к таким наставникам, автор брошюры делает вывод, что, «вероятнее всего, под выражением “духоносный наставник” святитель Игнатий имел в виду *наставника, опытного в прохождении душевного... подвига*». А из сего для отца Доримедонта следует, «что святитель не признавал в современных ему наставниках иночества опытных духовных руководителей...»²⁴⁴.

Попробуем и мы уяснить, чем именно должно быть обусловлено, по мысли святителя, глубокое и всецелое послушание *старцам, в том виде, в каком оно было у древнего монашества*. Действительно, святитель Игнатий неоднократно повторяет, что «необходимое условие такого повиновения — духоносный наставник, который бы волею Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти». Он утверждает, что такое «умерщвление

²⁴⁴ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 13, 16–17.

падшей воли» может совершаться «величественно и победоносно волею Духа Божия», но «не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще поработен страстям»²⁴⁵. При этом святитель Игнатий кратко ссылается на слова преподобного Иоанна Кассиана Римлянина из «Послания Кастору, епископу Аптскому, о правилах общежительных монастырей». Мы процитируем эти слова полнее, чем это делает святитель Игнатий, что даст нам возможность лучше уяснить разбираемый вопрос.

В одной главе «Послания...» святой Кассиан говорит «об избрании начальников над братьями», какое было принято в Египте и Фиваиде: «Там избирают в начальники только того, кто научился сам делать то, что он будет приказывать подчиненным своим, и кто сам оказал старшим то послушание, которое будет требовать себе от младших. Правильное управление и правильное подчинение есть дело мудрого и высший дар Святаго Духа, потому что спасительные правила может постановлять только опытный в добродетели, и истинно покоряться старшему может только богобоязненный и смиренный»²⁴⁶. Святитель Игнатий часто подчеркивает эту мысль, что и правильно управлять, и правильно подчиняться *свойственно мудрым* и есть *величайший дар Святаго Духа*, что послушание в высшей своей форме, послушание безусловное, с полным вручением своего спасения в руки духоносного старца, есть особенное благодатное делание, которое не может совершаться по

²⁴⁵ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 71.

²⁴⁶ *Иоанн Кассиан Римлянин, преподобный*. Писания. ТСЛ, 1993. С. 14.

одному только человеческому измышлению, но и наставник, и послушник должны быть призваны к тому благодатию Божией. Он пишет: «...великие отцы признавали “послушание иноческое” особенным даром Святаго Духа... Послушание — “чудо веры”! Совершить его может один Бог. И совершили его те люди, которым дан был Богом этот дар свыше. Но когда люди захотят собственными усилиями достичь того, что дается единственно Богом, тогда труды их суетны и тщетны...»²⁴⁷. Поэтому-то святитель и утверждает, что подвиг «жительства при духоносном старце с безусловным послушанием ему» возник «не по случаю, не по произволу и разуму человеческому, но по особенному смотрению, определению, призванию и откровению Божиим»²⁴⁸, что «иноческое послушание, в том виде и характере, как оно проходило в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постигание его и полное подражание ему соделались для нас невозможными: возможно одно благоговейное благоразумное рассмотрение его, возможно усвоение духа его»²⁴⁹.

Обратим внимание: святитель Игнатий считает *невозможным* сегодня не «глубокое» послушание, или «послушание мудрования» (как это приписывает ему отец Доримедонт), но — при отсутствии *Духоносного* (святитель употребляет это слово с заглавной буквы) *старца* — он считает невозможным *безусловное послушание старцам* «в том виде, в каком оно было у древнего монашества».

---

²⁴⁷ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 229. С. 442.

²⁴⁸ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 55.

²⁴⁹ Там же. С. 75.

Он считает невозможным *полное* подражание «иноческому послушанию, в том виде и характере, как оно проходило в среде древнего монашества», считает, что мы «неспособны наследовать делание отцов в полноте его и во всем обилии его». В то же время епископ Игнатий не отвергает *усвоение духа его*. Святитель утверждает, что главное бедствие для современного монашества «состоит преимущественно в недостатке духовного назидания», что «для иноческого преуспевания необходимо *духовное* назидание», в то время как «*душевное* назидание, как бы оно ни было по наружности роскошно и великолепно, как бы ни прославлялось слепотствующим миром, пребывает во мраке, и последующих ему хранит во мраке, в области падших духов». Здесь же святитель Игнатий ссылается на слово преподобного Исаака Сирина, которое вполне уточняет различие *духовного* назидания от *душевного*: «Иное слово действенное, и иное слово красивое. И без познания вещей мудрость умеет украшать слова свои, говорить истину, не зная ее, и толковать о добродетели, хотя сам человек не изведal опытно дела ее. Но слово от деятельности — сокровищница надежды; а мудрость, не оправданная деятельностью, залог стыда. **Что художник, который живописует на стенах воду, и не может тою водою утолить своей жажды, и что человек, который видит прекрасные сны, — то же и слово, не оправданное деятельностью.** Кто говорит о добродетели, что сам испытал на деле, тот так же передает сие слушающему его, как иной отдает другому деньги, добытые трудом своим. И кто из собственного стяжания посеивает учение в слух внемлющих ему, тот с дерзновением отверзает уста

свои, говоря духовным своим чадам, как престарелый Иаков сказал целомудренному Иосифу: **аз же даю ти** единую часть **свыше братии твояе, юже взях** у амморреев **мечем моим и луком моим** (ср.: Быт. 48, 22)»²⁵⁰. «Не домогайся заимствоваться советом у человека, который не ведет одинакового с тобою образа жизни, хотя он и очень мудр. Доверь помысл свой лучше человеку неученому, но опытно изведавшему дело, нежели ученому философу, который рассуждает по своим исследованиям, не испытав на деле. Что же такое опыт? Опыт состоит не в том, что человек подойдет только к каким-либо вещам и посмотрит на них, не приравняв в себя ведения о них, но в том, что по долгом обращении с ними на деле испытает их пользу и вред. Ибо нередко вещь наружно кажется вредною, но все внутреннее содержание ее оказывается исполненным пользы. То же разумеи и о противном сему, т^о е^{сть} нередко вещь кажется имеющею пользу, но внутренне исполнена вреда. Потому многие люди от выгодных по видимому вещей несут ущерб. И от сих [людей] свидетельство ведения неистинно. А потому пользуйся таким советником, который умеет с терпением обсудить, что требует рассуждения. Поэтому-то не всякий, подающий совет, достоин доверия, но только тот, кто прежде сам хорошо управил свободу свою...»²⁵¹. Еще более слова и святителя Игнатия, и Исаака Сирина становятся понятными, когда сопоставим их с наставлениями других отцов Церкви. Так, святой Петр Дамаскин

²⁵⁰ *Исаак Сирин, авва, святой. Слова подвижнические.* Слово 1. С. 7–8.

²⁵¹ Там же. Слово 78. С. 386–387.

писал: «...не всякий человек достаточен дать совет ищущим, но получивший от Бога дарование рассуждения и от долговременного пребывания в подвижничестве приобретший ум пронизательный...»²⁵². Святой Григорий Синаит: «...не всем принадлежит руководить и других, но тем, коим дано Божественное рассуждение, по апостолу (см.: 1 Кор. 12, 10), именно рассуждение духовом, отличающее лучшее от худшего мечем слова. Каждый имеет свой разум и свое рассуждение естественное, деятельное или научное, но не все имеют рассуждение духовное»; «...слушаться надлежит тех, кои опытно изведали болезни и труды деятельной добродетели, и под их руководством проходить ее...»²⁵³. О том же пишут преподобный Иоанн Лествичник²⁵⁴, святой Симеон Новый Богослов²⁵⁵, преподобный Серафим Саровский²⁵⁶ и другие отцы.

Как видим, все они единодушно считают необходимым для духовного наставника иметь деятельный опыт, при котором такой пастырь от *долгого пребывания в подвижничестве* приобретает *ум пронизательный*, на деле *познает пользу и вред*, происходящие от той или иной вещи, знает все это по самой жизни, а не по одной только теории, от внешних знаний и мудрости. Он должен быть *научен этому таинственно Самим Духом чрез деяние и опыт*. Кроме того, духовный учитель дол-

²⁵² Петр Дамаскин, преподобный. Творения. С. 180.

²⁵³ Добротолюбие. Т. 5. С. 224–225, 237.

²⁵⁴ См.: Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово особенное к пастырю. Гл. 2:12. С. 256.

²⁵⁵ См.: Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения. Т. 1. Слово 11. С. 98.

²⁵⁶ См.: Серафим (Чичагов), митрополит. Летопись... С. 334.

жен иметь от Бога *дарование рассуждения*, то есть *рассуждение духовное, отличающее лучшее от худшего*. Лучше понять, о каком *рассуждении* идет здесь речь, поможет нам ответ святого Варсануфия Великого некоему брату, который задал ему вопрос о том, как различать помыслы: который из них от Бога, который от естества и который от демонов. Преподобный Варсануфий отвечал: «То, о чем ты спрашиваешь, относится к людям, достигшим великой меры (духовного возраста). Если внутреннее око не будет очищено многими врачеваниями, то оно не может избавиться от терний и волчцев и собрать гроздь винограда, укрепляющего и веселящего сердце. Если человек не достигнет сей меры, то не может различать (оных помыслов), но будет поруган демонами и впадет в обольщение, поверив им: потому что они изменяют вещи, как хотят, особенно для тех, которые не знают козней их»²⁵⁷. Отвечая другому брату, тот же святой отец говорит: «Без болезни сердечной никто не получает дарования различать помыслы. <...> Когда Бог, по молитвам святых и за болезнование твоего сердца, даст тебе сие дарование, то всегда уже будешь в состоянии различать помыслы Духом Его»²⁵⁸. Так что не будем думать, что дар *рассуждения добра, и среднего, и зла* есть нечто обычное или маловажное. Оказывается, различать помыслы может только человек, достигший *высокой меры духовного возраста*, и только Духом Божиим, а не одной своей опытностью и знанием (душевым разумом). Именно потому святой Иоанн

²⁵⁷ Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные. Руководство к духовной жизни... Ответ 59. С. 61–62.

²⁵⁸ Там же. Ответ 262. С. 207.

Пророк говорит, что о помыслах «надобно вопрошать того, к кому имеешь веру, и знаешь, что он может понести помыслы, и веруешь ему как Богу...»²⁵⁹. Очевидно, что человек, который еще не достиг в сию меру духовного возраста и не стяжал благодатный дар различать помыслы, легко может быть *поруган демонами*, то есть бесы легко могут его обольстить, представляя вредное полезным и полезное вредным. Пока человек, пусть даже самый благочестивый, находится в таком состоянии, он не способен совершать свой путь непреткновенно, не может вполне ясно видеть, что в нем самом право, а что лукаво, — тем более он не способен еще вести прямой и безопасной стезей других. Часто свидетельствует это непреложное правило духовной жизни и святитель Игнатий: «...брани душевной невозможно обнять и объяснить естественным разумом: потому что все естество наше — в падении. Для этого нужен разум духовный, т<о>е<сть> явившийся в человеке от действия Духа. И потому только духовный способен выслушать брань ближнего и преподать ему спасительный совет; а держимый во мраке страстей еще не способен к этому»²⁶⁰.

Отец Доримедонт, желая показать, что именно *имеют в виду святые отцы, говоря о духоносности наставника*, цитирует слова святых Каллиста и Игнатия: «...со всем усердием взыщи и постарайся найти себе руководителя и учителя непрелестного (непрелестность его да будет в представлении им

²⁵⁹ Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные. Руководство к духовной жизни... Ответ 358. С. 249.

²⁶⁰ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 157. С. 282. См. также: Там же. Письмо 186. С. 358–359.

в подтверждение того, что говорит, свидетельства из Божественного Писания), *духоносного*, сообразную со словами своими и жизнь ведущего, высокого в умозрении, смиренного в мудровании, во всем добронравного...»²⁶¹ и т. д. Из этих слов святых отцов автор брошюры делает вывод, что «духоносность», «наряду с другими характеристиками, относится святыми Каллистом и Игнатием к состоянию духовной зрелости наставника, его способности к духовному руководству». Какое исчерпывающее разъяснение вопроса! Поскольку, мол, святые отцы *духоносность* причисляют к качествам наставника, необходимым для его способности руководить, стало быть, *духоносность* и есть та самая *способность к духовному руководству, духовная зрелость* наставника! Конечно же, при такой «логике» смысл, который вкладывал святитель Игнатий в выражение «духовный наставник», покажется отцу Доримедонту «несколько отличным от вышеприведенных святоотеческих определений». Но вот немного далее святые Каллист и Игнатий говорят: «...потщися, как указано пред сим, найти себе учителя незаблудного и совершенного. **Совершенных же есть, по Христоносному Павлу, твердая пища, имущих чувства обучена долгим учением в рассуждение добра же и зла** (Евр. 5, 14). Ища сим образом, т<о> е<сть> при трудно и с верою, ты непогрешительно достигнешь предположенной цели. <...> И он (обретенный учитель) по порядку и чину научит тебя всему подобающему и боголюбезному»²⁶². Как видим, точно

²⁶¹ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 14.

²⁶² Добротолюбие. Т. 5. С. 323.

в согласии со святым апостолом и святыми отцами преподобные Каллист и Игнатий опять же указывают на необходимость для наставника иметь стяжанное долгим учением рассуждение духовное, *отличающее лучшее от худшего*.

Из писем святителя вполне уясняется, как он понимал слово «духовность»: «...под одним и тем же словом ты разумеешь одно, я другое. Например, под словом: “духовный, духовность” ты разумеешь то, что все ныне приняли разуметь, — таким разумением удаляешься от смысла, соединенного с этим словом в Священном Писании и писаниях святых отцов. <...> ...Человек может быть в трех состояниях: в естественном, нижеестественном, или чрезыестественном, и вышеестественном. Эти состояния иначе называются: душевное, плотское, духовное. <...> Естественный, душевный, пристрастный — есть живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, борющийся со страстями, но еще не получивший свободы, не видящий ясно ни себя, ни ближних, а только гадательствующий, как слепец, ощупью. Вышестоящий, духовный, бесстрастный есть тот, кого осенил Дух Святой, кто, будучи исполнен Им, действует, говорит под влиянием Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего. Такие — точно: **свет миру** и **соль земли** [ср.: Мф. 5, 14, 13] — видят себя, видят и ближних, а их увидеть может только подобный им духовный»²⁶³. Из иных писем святителя также можем уяснить, какими он видел *духовных старцев*, способных наставлять других истинно духовному деланию. Обращаясь к афонскому

²⁶³ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 158. С. 288.

монаху Серафиму, святитель Игнатий просит указать ему *опытного старца в обителях Святой Горы, на духовный разум которого* тот мог бы *положиться*. При этом он поясняет: «Слово “духовный” употреблено мною здесь не слегка, как оно употребляется в новейших писателях, но в том смысле, как оно употреблялось святым апостолом Павлом, а за ним и всеми аскетическими писателями нашей Церкви...»²⁶⁴ <...> Хотя мы и крайне омрачены по причине нашего слабого жителства, но признаем и исповедуем, что ни естественное, ни деятельное, ни художественное рассуждение не могут поднять выше чина душевного разума, как бы они ни были сильны и блестящи, даже благонамеренны и благочестивы...»²⁶⁵. В других письмах читаем: «Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым и благочестивым. Для этого необходим духовноносный отец: только перед духоносцем может быть явна душа ученика; только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им. Ученик для чистоты своей совести должен с точностию и подробностью исповедывать свои помышления; но наставник не должен руководствоваться этою исповедью в суждении о душевном состоянии ученика; он должен духовным ощущением проникать, измерять его и поведать ему незримое им состояние души его»²⁶⁶. «...Для совета, для руководства недостаточно быть

²⁶⁴ Далее ссылка на слова преподобного Григория Синаита.

²⁶⁵ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 25. С. 87.

²⁶⁶ Там же. Письмо 229. С. 441–442.

благочестивым; надо иметь духовную опытность, а более всего духовное помазание. Таково об этом предмете учение Писания и отцов. Советник благочестивый, но неопытный скорее может смутить, нежели принести пользу. Не только из среды мирян — из среды монашествующих крайне трудно найти советника, который бы, так сказать, измерил и взвесил душу, с ним советующуюся, из нее, из ее достоинства [состояния], преподал бы ей совет. Ныне советники и руководители больше преподают совет из себя и из книги. <...> Св<ятой> Исаак сказал: “ничего нет каждому полезнее, как совет свой”. И совет чуждый, хотя по видимому состоящий из благих и разумных слов, приносит душе лишь мучение, расстройство»²⁶⁷. Как видим, всюду у святителя Игнатия точное следование учению святых отцов Церкви — Григория Синаита, Исаака Сирина, Варсануфия Великого, Симеона Нового Богослова и других.

Святой Иоанн Пророк говорил некоему брату: «Постарайся сохранить слова и заповеди старца [преподобного Варсануфия] и спасешься. Довольно пустословил и я тебе, брат, но не от делания и не от Духа. Верую же, что все, что говорил и говорит тебе старец, говорит он от прежнего своего делания и по внушению Духа Святаго. Впрочем, совесть свидетельствует мне, что я не хочу обманывать тебя ни в чем, а посему верую, что ни слова мои, ни советы не вредят тебе; совесть моя знает, что я не хочу сего, но так как ты спрашиваешь меня и желаешь спастись, то я готов служить

²⁶⁷ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 193. С. 368–369.

тебе вместо души твоей»²⁶⁸. Из этих слов следует, что истинный старец должен основывать свое руководство на деятельном опыте и будучи просвещаем Духом Божиим. Конечно же, святой Иоанн также имел и делание, и Духа, говорит же так уничиженно о себе по смирению. Однако этим он указывает, что тот, кто не имеет вышеназванных качеств, не должен желать браться за учительство, но разве что по необходимости, и то — со страхом, осторожностью, помня, что может от такого учительства произойти и вред. Святой Варсануфий говорит другому брату, что он «должен слушать касательно всякого... помысла» авву Иоанна Пророка, «ибо он говорит... не от себя, но произносит то, что Бог дает ему для пользы каждого»²⁶⁹. Вот необходимое условие для всецелого послушания!

Святой Симеон Новый Богослов утверждает, что тот, кто ищет *духовного отца (поскольку всякий ученик есть духовное чадо учителя своего)*, должен «искать человека, который родился духовно, и сознательно знает Бога и Отца своего, чтоб он родил духовно и его, и сделал воистину сыном Божиим. ...Ибо, как говорит Писание, добрых учителей — добры и учения, от злых же семян злые бывают и порождения...». Далее он замечает, что подле *добрых и истинно духовных учителей* есть «и такие, которые еще не родились свыше и еще не познали себя самих, а не только Бога; которые, однако ж, сами себя выставили учителями и отцами других и всякими способами стараются

---

²⁶⁸ Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные. Руководство к духовной жизни... Ответ 459. С. 302.

²⁶⁹ Там же. Ответ 262. С. 207–208.

привлечь к себе всякого, отрекшегося от мира... и ищущего духовного себе отца... <...> ...От рук их взыщется кровь соблазненных ими... Они, будучи обладаемы тщеславием и гордостью и думая о себе, что суть великие некие, хотя ничто суть, делаются отцами, учителями и апостолами, сами себя рукоположив; между тем, как ни благодати Святаго Духа не получили как апостолы, ни светом ведения не просветились, ни Бога, Коего проповедуют, не видели, чтоб Он открылся им...». «...Тому, кто не соделался сыном Света, с чувством и сознанием того, с опытным удостоверением и духовным созерцанием, тому как возможно знать и видеть Отца светов? И как возможно ему руководить других к Свету, или научить их, что есть Свет, который пришел в мир, чтоб просвещать сидящих во тьме? Сам он слеп и не видит, как же может он показать путь другим? <...> И если станет он путеводить других, то наверное будет для них виновником пагубы»²⁷⁰. Строгий суд, по слову святого Симеона, ожидает тех, которые, сами будучи еще страстны, берутся руководить братьев ко спасению. Он утверждает, что страстные и других судят по себе. Тому, который сам *не соделался еще учеником* Христовым, а «между тем восхищает достоинство учителей, тому следует наказание в тысячу раз большее, чем разбойникам и убийцам. Эти тело только убивают, а он убивает души». Если *по нерадению* какого-либо из таких наставников, или «по необдуманности, или по неведению и невежеству повредятся мысли какого-

---

²⁷⁰ Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения. Т. 2. Слово 87. С. 447, 448, 446.

либо брата, или развратятся дела и мудрования... то таковой явно не награду получит за труд свой, но муку и наказание за тех, которых сделал непотребными учением своим». Поэтому, «если кто прежде получения Духа Истины... дерзнет и покусится, еще будучи от мира, в мире взять на себя степень и достоинство учителя и стать духовным отцом и ходатаем за других пред Богом, то не достоин ли он несметного числа молнийных ударов и мук?». Когда же «получат они Духа Святаго и станут Христовыми,— верным и несбивчивым признаком того будет для них то, что сказал божественный апостол: *идеже Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17),— где под *свободою* разумеет он совершенное освобождение от всех страстей и похотей мирских и плотских». «Итак, кто не сознает, что сие и то, что сказано выше, бывает в нем явно, тот пусть сидит один и плачет о себе, что еще не сделался рабом Христовым... Пусть наипаче печется о себе самом, до других же да не будет ему дела, потому что страстный не может рассуждать дел братий бесстрастно, как слепой не может видеть чувственных вещей, хотя бы держал их в руках своих»²⁷¹.

²⁷¹ Там же. С. 453, 456, 457.

«НЕИСКУСНЫЙ КОРМЧИЙ ГУБИТ КОРАБЛЬ»

Святые отцы, когда писали и говорили о послушании, не всегда имели в виду послушание *безусловное и слепое*. Так, святитель Василий Великий говорит, что если *настоятель общины и всеми распоряжающийся* говорит что или исполняет *согласно заповеди Господней*, то «тому надобно повиноваться, хотя бы угрожало смерти; а если что против заповеди, или нарушает заповедь, то хотя бы Ангел с неба, или кто из апостолов повелевал, хотя бы сопровождалось обетованием жизни или угрозою смерти, никак не должно повиноваться сему»²⁷². Отвечая на вопрос, «должно ли оказывать послушание всякому, и приказывающему что бы то ни было», святитель Василий еще пространнее излагает ту же мысль: «Различие между теми, которые дают приказание, не должно препятствовать послушанию тех, кому дается приказание, потому что Моисей не преслушал Иофора, посовествовавшего ему доброе. Но поскольку есть не малая разность в самих приказаниях (потому что иные противны заповеди Господней, или нарушают ее, или разным образом искажают примесью запрещенного; а другие согласны с заповедью; иные же, хотя по видимому и не согласны, но содействуют ей и служат как бы пособием для заповеди), то необходимо помнить сказанное апостолом:

²⁷² *Василий Великий, святитель*. Творения. Ч. V. С. 311.

Пророчества не унижайте. Вся же искушающе, добрая держите. От всякия вещи злыя отгребайтесь (1 Фес. 5, 20–22). <...> Итак, если нам приказывают что-либо согласное с заповедию Господнею, или содействующее ей, то надобно принимать сие усерднее и тщательнее, как волю Божию... Когда же приказывает нам кто-нибудь нечто противное Господней заповеди, нарушающее или искажающее оную; тогда благовременно сказать: **повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком** (Деян. 5, 29), помня Господа, Который говорит: **по чуждем же не идут, но бегат от него, яко не знают чуждаго гласа** (Ин. 10, 5); и апостола, который для нашей безопасности осмелился коснуться и самых Ангелов, сказав: **и аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет** (Гал. 1, 8). Из сего научаемся, что хотя бы и весьма был известен или чрезмерно славен препятствующий исполнять заповеданное Господом, или советующий делать запрещенное Им, всякий любящий Господа должен такового бегать и гнушаться им»²⁷³.

Отец Доримедонт свидетельствует, что святой Симеон Новый Богослов, ссылаясь на выше процитированные нами слова святителя Василия, советует братьям: если игумен говорит и делает что-либо такое, что даже *противоречит мнению святых отцов*, то не принимайте это *враждебно*, «но в настоящий момент склоните пред ним головы. Потом же тем из вас, которые превосходят остальных возрастом, образом жизни или образом мыслей, следует сообщить ему мнение того, кто с ним

²⁷³ Там же. С. 227–228.

не согласен...»²⁷⁴. Но мы делаем вывод из этих слов, что ни преподобный Симеон, ни святитель Василий не одобряли слепое послушание настоятелю, не возводили его на пьедестал непогрешимости. Так, Василий Великий говорит, что братья должны «делать напоминания настоятелю, если когда подозревается в нем какая-либо погрешность... <...> Поэтому, если что требует исправления, то и брату, а через него и самим себе принесем пользу, когда возвратим на правый путь того, кто служит как бы правилом для нашей жизни... Если же некоторые напрасно смутятся касательно настоятеля, то, удостоверившись обнаружением того, что несправедливо подозревали, освободятся от осуждения настоятеля»²⁷⁵. При этом святитель Василий, как и преподобный Симеон, советует: ради того, *чтобы не нарушилось благочиние*, такие *напоминания* настоятелю делать старшим братьям — *преимуществующим и по возрасту, и по благоразумию*. Далее святитель Василий дает совет тому, кто считает какое-либо распоряжение настоятеля неправильным и не желает его принять: в таком случае он «должен наедине прямо высказать ему свое возражение, если имеет какое крепкое основание, сообразное с намерением Писания, или молча исполнить, что приказано. Если же сам постыдится [сказать], то пусть употребит на сие посредниками других, чтобы ему, когда распоряжение противно Писанию, и себя самого, и братию избавить от вреда, а если оно окажется имеющим надлежащее основание, как себя освободить от

²⁷⁴ Цит. по: Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 41.

²⁷⁵ Василий Великий, святитель. Творения. Ч. V. С. 132.

напрасного и опасного сомнения; ибо сказано: **сомняйся, аще яст, осуждается, зане не от веры** (Рим. 14, 23), так в других простодушных не произвести поползновения к непокорности...». Здесь же святитель Василий рекомендует и самому настоятелю допускать некоторых рассудительных братьев «к совещанию и рассуждению о делах общих, повинуюсь наставлению сказанного: *все делай с совета* (см.: Сир. 32, 21)»²⁷⁶.

Но отец Доримедонт считает, что подобными исключениями из правила всецелого послушания и полного доверия слову наставника без малейшего сомнения могут быть только такие случаи, когда, к примеру, «пастырь учит пасомого о том, что заповедь о целомудрии требуется “откорректировать” применительно к Новой эпохе» или «велит послушнику облить бензином и поджечь келию недруга-соседа» или «игумен монастыря принуждает братию к принятию числа антихриста» и т. п. Только такого рода указания можно отвергать «сразу, как противные евангельской Истине»²⁷⁷. Но неужели серьезное духовное повреждение могут доставить только самые крайние действия духовника, заключающие в себе противление Истине евангельской? Вспомним историю из патерика, когда старец поручал послушнику не сжечь келию соседа, а только выпроводить из собственной же его келии задержавшегося гостя. Послушник нашел это приказание противоречащим заповеди Божией о любви к ближнему, счел, что это будет весьма вредно и старцу, и ему

²⁷⁶ Там же. С. 164–165.

²⁷⁷ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 42.

самому, и сделал все наоборот. За это, наконец, и сам старец был ему благодарен, и мы сегодня восхищаемся духовной мудростью этого послушника. Кроме того, если отношение к старцу у послушника самое искреннее, доверительное, то старец не только поручает ему сделать то и то, кушать в такую-то меру или спать столько-то, — но и направляет всю его внутреннюю жизнь. Он передает ему свой опыт подвижничества, свое понимание монашества и цели духовной жизни. Именно наставник закладывает в душе ученика духовное основание, составляемое из множества тончайших и едва ли прослеживаемых рассудком деталей и особенностей, фундамент, на котором затем строится все здание его духовной жизни. И часто можно получить неисцельный вред по причине невинного, незначительного, на первый взгляд, но ошибочного указания или наставления.

Чтобы показать, как на деле может происходить вред от незначительного как будто слова наставника, когда тот не имеет достаточного опыта духовного руководства, приведем несколько характерных историй.

Когда преподобный Силуан Афонский (тогда еще 26-летний Симеон) прибыл на Святую Гору и вступил в русский монастырь великомученика Пантелеимона, после первой же основательной исповеди услышал от старца-духовника такие слова: «Ты исповедал грехи свои перед Богом и знай, что они тебе все прощены... Отныне положим начало новой жизни... Иди с миром и радуйся, что Господь привел тебя в эту пристань спасения». Старец не предупредил неопытного еще Симеона о том, что *радоваться* по-настоящему пока рано

и что хотя грехи, совершенные делом, прощены ему в Таинстве Покаяния, самые корни этих грехов живы и не замедлят пустить новые и свежие произрастания. «Простая и верная душа брата Симеона, — как повествует его жизнеописатель иеромонах Софроний, — услышав от старца-духовника, что грехи ему все прощены, по слову его — “иди с миром и радуйся” — отдалась радости. Неопытный и наивный, он не знал еще, что подвижнику нужно воздержание и в радости, и потому сразу потерял то напряжение, в котором пребывала душа его... В последовавшем расслаблении он подвергся нападению блудной похоти и остановился на соблазнительных образах, которые рисовала ему страсть. Помысл говорил ему: “Иди в мир и женись”». Святой Силуан победил эту брань и не вернулся в мир. Он начал усиленно подвизаться и старательно изучать делание внутренней молитвы. Вскоре он начал ощущать особенные действия ее, молитва вошла в сердце и стала сама совершаться там день и ночь. От mnogой и усердной молитвы душа его по временам испытывала некоторый покой, но начали смущать различного рода помыслы. Иногда они говорили ему: «Ты молишься и, может быть, спасешься; но если ты в раю не найдешь ни отца, ни матери... то и там не будет тебе никакой радости». Как говорит об этом искушении иеромонах Софроний, «ум послушника колебался при этих помыслах, и тревога проникала в сердце, но по неопытности своей он не понимал, что же собственно с ним происходит». Другой раз «келия его наполнилась странным светом, который пронизал даже и тело его так, что он увидел свои внутренности. Помысл

говорил ему: “Прими — это благодать”, однако душа послушника смутилась при этом, и он остался в большом недоумении. ...Дух сокрушения отступил настолько, что смех пришел к нему во время молитвы...». После этого видения начали ему являться бесы... «Проходили месяц за месяцем, а мучительность демонических нападений все возрастала. Душевные силы молодого послушника стали падать, и мужество его изнемогало; страх гибели и отчаяние росли...», наконец он *надорвался*, «дошел до последнего отчаяния и, сидя у себя в келии, в предвечернее время, подумал: “Бога умолить невозможно”». Господь не оставил Симеона и, непостижимо явившись ему, исполнил душу его огнем благодати. Однако характерно положение новоначального инок в прославленной обители Афонской: сколько опасных поисков, искушений, падений и восстаний преодолевает он в начале же своей монашеской жизни, но отнюдь не видно поблизости опытного наставника, который проконтролировал бы все эти духовные искания неопытного юноши, предостерег от прелести и коварства бесовского. Большая часть жизнеописания изображает нам преподобного Силуана вполне единоборствующим с духами тьмы, самостоятельно познающим коварство тайных, глубоко гнездящихся в сердце душевных недугов. Отец Доримедонт свидетельствует, что святой Силуан *не имел старца своим руководителем, но окормлялся у обычных монастырских духовников*. Спрашивается: почему же так? Ведь, как убеждает нас отец иеромонах, *на Святой Горе живое монашеское Предание никогда не приходило в такой упадок, как в России? Да и в русском монашестве в те времена, по отцу Доримедонту,*

«опыт послушания старцу жил и плодоносил. <...> Русские послушники той эпохи оказывали послушание своим старцам, получали в этом подвиге благодать Духа Святого... Так жило и плодоносило русское монашество и во времена святителя Игнатия и после него»²⁷⁸. Но не свидетельствует ли жизнь преподобного Силуана о том, что ситуация в отношении истинно духовного окормления *в те времена* была далеко не такой идеальной, как пытается нам это изобразить отец иеромонах?

Однако продолжим повествование. У Симеона накопилось множество недоумений, которые не находили разрешения, несмотря на то, что он искал ответ на них *в советах духовника и в творениях святых отцов*. Он отправился в Старый Русик за советом к старцу Анатолию. Тот преподавал ему наставление о молитве и в конце поучительной своей беседы добавил: «Если ты теперь такой, то что же ты будешь под старость?». После этих слов «у молодого и еще неопытного монаха Симеона началась самая трудная, самая сложная, самая тонкая брань с тщеславием». Как свидетельствует жизнеописатель святого Силуана, «ошибка старца Анатолия была не только педагогической, но и против благодати. Благодать Божия не допускает подлинного подвижника говорить своему собрату похвалу, которую даже совершенные нередко не могут понести без вреда». Но опять находим Симеона самостоятельно преодолевающим и эту брань²⁷⁹. В главе «О послушании» книги о старце

²⁷⁸ См.: *Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия...* С. 30, 3, 6.

²⁷⁹ См.: *Старец Силуан / [Сост.] иером. Софроний (Сахаров).* М., 1994. С. 22–23, 36–37.

Силуане говорится, что он «с первых дней своего монашества был... совершенным послушником», что «для него каждый духовник был добрым наставником», что «путь старца был такой, что идущий этим путем скоро и легко получает дар великой милости Божией», в то время как «своевольные и своеумные, как бы ни были они учены и остроумны», как бы ни убивали «себя самыми суровыми подвигами», лишь едва могут найти крохи, падающие от Престола Милосердия Божия²⁸⁰, и т. д. Однако описанный в житии путь духовного становления этого подвижника явно свидетельствует, во-первых, о его одиночестве в духовной брани и, во-вторых, о том, что путь этот не был *скорым* и *легким*. Находим из жития, что и он многие суровые подвиги принимал на себя самостоятельно, да и самые последствия этих самоотверженных трудов оставались для него часто неразъясненными. Не случайно выдающийся духовный пастырь XX века игумен Никон (Воробьев), делая примечания к этой книге о старце Силуане (как раз к этой главе), пишет: «Вся статья “О послушании” написана [отцом Софронием] от “ума”, а не из опыта и знания современного состояния Церкви. Жизнь самого старца Силуана показывает, что у него не было опытных руководителей, и вследствие этого он шел неверным путем и мог бы погибнуть в “прелести”, если бы не особая милость Божия»²⁸¹. Об этом находим убедительное свидетельство в записях самого старца: «Дважды я был в прелести. Первый раз, в самом начале, по неопытности, когда я был молодым послушником, и

---

²⁸⁰ Старец Силуан. С. 84.

²⁸¹ Там же. С. 256. Примеч. 26.

тогда Господь скоро помиловал меня. Второй раз уже от гордости, и тогда долго я помучился, прежде чем Господь исцелил меня за молитвы духовника. Случилось это после того, как я принял некое видение. Четырем духовным мужам я открыл об этом видении, и ни один из них не сказал мне, что оно от врага... Но потом я и сам понял свою ошибку, потому что снова стали мне являться бесы... И так много лет страдал я от них; и если бы Господь не дал мне познать Себя Духом Святым, и если бы не помощь Пресвятой и Благой Владычицы, то отчаялся бы я в своем спасении...»²⁸². В другом месте преподобный Силуан еще подробнее рассказывает о своих ошибках: «Один раз враг мне показал свет, и помысл говорил мне: прими, это благодать. Другой раз я принял одно видение и много пострадал за это. Однажды в конце бдения, когда запели “Всякое дыхание да хвалит Господа”, я услышал, как царь Давид в небе поет славословие Богу. <...> Я говорил об этом четырем духовным мужам, но никто мне не сказал, что враг посмеялся надо мною, а я сам думал, что бесы не могут славословить Бога, и что, значит, это видение не от врага»²⁸³. Преподобный Силуан сам свидетельствовал, что «ныне мало старцев, которые знают любовь Господа к нам и знают борьбу с врагами, и что побеждать их должно Христовым смирением»²⁸⁴. Стало быть, вред от наставления может сказываться не только в том случае, когда какой-либо старец повелит послушнику *облить бензином и поджечь келию недруга-соседа*. Есть

---

²⁸² Там же. С. 405–406.

²⁸³ Там же. С. 408.

²⁸⁴ Там же. С. 291.

множество видов неверного руководства, при котором, если довериться ему вполне, можно получить непоправимый духовный вред. Обращает на себя внимание то, что святой Силуан, хотя и пользовался советом современных ему подвижников, однако сам выбирал, — какой совет ему ближе и приемлемее. Например, один подвижник спросил его: плачет ли он о грехах своих? Святой Силуан отвечал: «Как-то мало, но за умерших много рыдаю». Тогда тот монах сказал ему: «Ты плачь о себе, а других Господь помилует». Силуан послушался, перестал плакать об умерших, но тогда вдруг прекратились у него слезы и за себя. Он спросил об этом другого подвижника, который имел дар слез: молиться ли ему об умерших? Тот сказал: «Я, если бы было можно, всех вывел бы из ада...». После этого не стал он больше останавливать молитвы за умерших, и слезы вернулись, и он много рыдал, молясь за них²⁸⁵.

Святитель Феофан в письмах к афонскому иноку пишет о неверных советах старцев, к которым тот обращался в отношении молитвенного делания: «Ответьте [на их письмо] так: так как ваш прием молитвенный вы не могли оправдать отеческими указаниями, то я отказываюсь следовать вам, боясь попасть на ложный путь — новшества пагубны. Ими враг роет нам яму»²⁸⁶. Очевидно, что неправильное руководство в молитве или другом каком-либо сокровенном духовном делании может доставить немалый вред наставляемому. Трудно представить себе, чтобы старец, который сам

²⁸⁵ См.: Старец Силуан. С. 437–438.

²⁸⁶ *Феофан Затворник, святитель*. Творения. Собрание писем. Вып. V–VI. Письмо 899. С. 170.

имеет неверное понятие о молитвенном делании, послушнику преподавал учение о молитве верное и безопасное или иное, чем проходит он сам. Эту реальность духовной жизни признает и отец Доримедонт, когда утверждает, что «все аскетические творения святых отцов — это результат их личного аскетического опыта». Святой Григорий Синаит ставит вопрос: «Откуда то различие, что одни учат петь [псалмы] много, другие — мало, прочие — совершенно не петь, но выполнять только какое-либо рукоделие, [умную] молитву, коленопреклонение или другой некоторый болезненный труд?» — и отвечает: «Снискавшие благодать деятельной жизнью, многими трудами и годами как научились [приобретать благодать], так и прочих наставляют»²⁸⁷. Конечно же, и самое направление монашеского подвига, и особенности его, и тем более — ошибочные понятия учителя вполне скажутся на духовном делании ученика, когда тот вполне доверяет руководство своей внутренней жизнью наставнику. Иногда наставник, находясь сам в высоком духовном состоянии, не умеет, однако, распознать духовную немощность ученика и неготовность его к воспользованию тем высоким деланием, которое самому наставнику доставляет пользу. Так, в повествовании о Пимене Великом рассказывается такой случай: «Однажды брат пришел к авве Пимену и говорит ему: “Что мне делать, отец? Меня мучит блудный помысл. Ходил я к авве Ивистиону; он сказал мне: не позволяй этому помыслу долго оставаться в тебе”. Авва Пимен отвечал брату: “Авва Ивистион — дела его

²⁸⁷ *Григорий Синаит, преподобный*. Творения. М., 1999. С. 99.

высоки,— он с Ангелами и не знает, что у нас с тобою есть блудные помыслы. Если монах будет воздерживать свое чрево и язык и будет жить как странник, то, поверь, он не умрет»²⁸⁸. Святитель Игнатий говорит: «Из опытов я мог убедиться, что получившие благодатную молитву по особенному смотрению Божию, скоро и не общим путем, поспешают, соответственно совершившемуся с ними, сообщать новоначальным такие сведения о молитве, которые новоначальными никак не могут быть поняты правильно, понимаются ими превратно и повреждают их»²⁸⁹. Далее он пишет, что преподобный Паисий (Величковский), «получивший сердечную благодатную молитву по особенному смотрению Божию, а не общим порядком, по этой самой причине не доверял себе преподавание ее братьям: он поручал это преподавание другим старцам, стяжавшим дар молитвы общим порядком». Святитель Игнатий указывает на Макария Великого, который говорит о том, что «по неизреченной благодати Божией, снисходящей немощи человеческой, встречаются души, соделавшиеся причастниками Божественной благодати, преисполненные небесного утешения и наслаждающиеся действием в них Святаго Духа,— вместе с тем, по недостатку деятельной опытности пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном в отношении к тому состоянию, которое требуется и доставляется истинным подвижничеством»²⁹⁰. Святой Игнатий говорит, что ему при-

²⁸⁸ Достопамятные сказания... С. 143. § 62.

²⁸⁹ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Аскетические опыты. Т. 1. С. 283–284.

²⁹⁰ Цит. по: Там же. С. 282. (См.: *Макарий Египетский, преподобный*. Духовные беседы. Клин, 2001. Слово 7:14. С. 426).

ходило видеть «такое дитя-старца, осененного обильно Божественной благодатию», и описывает, как с этим старцем познакомилась одна известная светская дама, цветущих лет и здоровья. Она оказала старцу некоторые услуги, и тот, желая вознаградить свою благодетельницу, преподал ей упражнение умно-сердечной Иисусовой молитвой с пособием тех механизмов, которые предлагаются святыми отцами безмолвникам. Старец не понял, что этой светской особе прежде всего надо было бы оставить чтение романов и жизнь по романам. Дама послушалась старца и пришла в очень опасное состояние и повредила бы окончательно, если бы другие не догадались, что дитя-старец преподал ей несообразное наставление, и не отговорили бы ее пользоваться им²⁹¹.

Подобные же истории случаются и в наше время: в 50–60-х годах XX века в горах Абхазии, выше города Сухуми, подвизались многие монахи и отшельники, скрываясь от коммунистических гонений. Среди них был и опытный старец схииеродиакон Исаакий, преклонный летами, много лет подвизавшийся в безмолвии. Одно время он проживал возле горной речки, ниже по течению которой, на высоком берегу, жили общиной несколько монахинь; иногда они приходили к старцу за советом. Но вот отец Исаакий тяжело заболел, так что не мог уже и подниматься с лежанки. Тогда сестры прислали одну послушницу ухаживать за старцем, и та не оставляла его до тех пор, пока он окончательно не поправился. В благодарность за заботу подвижник решил ознакомить

---

²⁹¹ См.: *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Аскетические опыты. Т. 1. С. 282.

сестру с особым способом молитвенного делания, который практиковал сам. Он указал послушнице, что внимание при молитве надо устремлять на верхушку сердца, что при этом слова необходимо соизмерять с тактами биения сердца так, чтобы восемь ее слов уместились между шестью его ударами, и т. д. Сестра ушла очень обрадованная, под большим впечатлением от услышанного. Прошло около года, пока монахини вновь посетили старца. Они рассказали о том, что произошло с послушницей после ее возвращения от него. Прежде всего она начала сильно поститься. Сестры пытались отвлечь ее от крайнего подвига, указывая на то, что все крайности от диавола. Но сестра украдкой соблюдала строгий пост, очень похудела, однако продолжала неумоимо исполнять послушания по монастырю. Однажды с ней случилось что-то странное: она проспала двое суток, так что сестры не могли привести ее в чувство, после чего сестра рассказала видение, которое грезилось ей в течение полутора суток. Она видела, будто Ангел вознес ее на неведомую высоту, показал ей многие райские обители, в том числе и ту, в которой она будет находиться после смерти. Затем послушница стала дерзновенно, без малейшей запинки, рассуждать о каких-то возвышенных и неслыханных вещах, словно кто-то научил ее всему этому и заставил запомнить наизусть. Сестры были крайне изумлены, недоумевая, — откуда, из какого источника у этой бестолковой послушницы появилась такая премудрость и утонченно-изысканная речь? Они никогда не слыхали ничего подобного и слушали сестру с разинутыми ртами, пока та не умолкла. После этого послушница, как и прежде,

выполняла назначенные ей послушания, не совершая никаких странных поступков. Как-то одна сестра заметила, что на молитвенном правиле та едва заметно покачивается. Сестра сделала замечание, но послушница объяснила, что это происходит с ней от действия внутренней сердечной молитвы. Вскоре у нее открылся источник слез, как бы явный признак умиления. Заметив недоумение сестер, она пояснила: «Важно отыскать в себе канальчик, по которому истекает слеза...». Вскоре в ее поведении начали появляться чрезвычайные странности. Она стала очень мало спать — не более трех часов в сутки, но при этом не было никаких признаков усталости и недомогания. Затем у нее вовсе пропал сон. На пятый день зрачки ее сошлись к переносице, появилось заикание, так что она едва могла выговаривать слова. Все это продолжалось до тринадцати дней, и она ни разу не сомкнула глаз. Наконец, сестры решили отправить больную на родину в сопровождении одной сестры. Они наняли в ближайшем селении машину, добрались до аэродрома и улетели в Россию к ее родителям. На борту самолета послушница сразу погрузилась в глубокий сон и проспала до самой посадки самолета. За эти часы произошло ее чудесное исцеление: глаза приняли обычное положение, почти прекратилось заикание. О ее дальнейшей судьбе сестры ничего не знали. Поведав братьям этот свой горький опыт, схииеродиакон Исаакий добавил: «Вот что случилось из-за моей неосмотрительности, ее неподготовленности, а также слишком поспешного продвижения вперед. Слава Тебе, Господи, что она еще не повредилась рассудком. Недаром писал Василий Великий, что всякому деланию должно предшествовать

рассуждение, а без рассуждения и благое дело обратится в злое по безвременности и неумеренности»²⁹².

Святитель Игнатий замечает, что о преуспевших, но не имеющих дара рассуждения старцах в монастырях употребляется изречение: «свят, но не искусен», и отмечает, что необходимо «наблюдать осторожность в совещаниях с ними, в совещаниях, которые иногда могут быть очень полезными». При этом *осторожность* должна заключаться в том, «чтоб не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев, чтоб поверять их наставления Священным Писанием и писаниями отцов, также беседую с другими преуспевшими и благонамеренными иноками, если окажется возможность найти их»²⁹³. Святителю Игнатию, как видно из его писем, не раз приходилось сталкиваться с такими неискусными подвижниками. Так, он пишет о некоем новоезерском духовном наставнике: «Беседовал я несколько раз со старцем: он прямо отвергал душевное делание, как очень удобное к переходу в прелесть, и высказал очень малую начитанность. Проводил он жизнь постную, к службам ходил неупустительно, вставал до утрени за час и вычитывал в келии правило... Сообразно собственному направлению он руководил и других: как Новоезерское братство, так и Горицкие чужды духовного делания, все их внимание устремлено на благовидность наружного поведения и на телесный подвиг»²⁹⁴. Иногда наставник может привести наставляемого в тя-

²⁹² См.: *Меркурий, монах*. В горах Кавказа. Записки современного пустынножителя. М., 1996. С. 36–42.

²⁹³ *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Аскетические опыты. Т. 1. С. 283.

²⁹⁴ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 45. С. 109–110.

желое и опасное духовное состояние даже не ошибочными указаниями, а недостатком верного руководства, оставив его в неведении относительно внутреннего делания, не открыв ему особенности духовной брани и, таким образом, оставляя его стоять безоружным против натиска сокровенного в душе его греха и нашествия злобных духов. Такая история встречается в жизнеописании Оптинского старца Леонида. Когда старец и его сподвижники, отцы Феодор и Клеопа, поселились в валаамском скиту, там в то время подвизался некий отец Евдоким, келлиарх и духовник валаамский. До прибытия в обитель вышеупомянутых старцев он проходил монашескую жизнь, уповая достигнуть духовного преуспеяния одними внешними подвигами и совершенною покорностью настоятелю, которого он считался присным учеником. Но, как говорится в житии старца Льва, «ни послушание, изъявляемое готовностью умереть во исполнение заповеди настоятеля, ни внешние подвиги его не приносили существенных плодов монашеской жизни. О<тец> Евдоким не замечал в себе ни кротости, ни смирения, ни слез, ни любви. Напротив — сухость, жестокость души, незрение всех и другие, хотя и скрываемые страсти томили подвижника. Он не находил себе покоя, хотя исполнял все, по его мнению, должное, и по книгам, и по опыту. О<тец> Евдоким доходил до отчаяния, и лукавые помыслы склоняли его к самоубийству, советуя броситься со скалы в залив»²⁹⁵. Но Господь положил ему на сердце обратиться за советом к отцам Феодору и Леониду.

---

²⁹⁵ Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида... С. 17–18.

Старцы открыли отцу Евдокиму святоотеческое учение о том, что одно внешнее делание и телесные подвиги не ведут инока к преуспеянию, поскольку они могут влечь его к тщеславию и гордости, что без внутреннего, смиренного, неявленного делания молитвы и без совершенной невменяемости²⁹⁶ нельзя смягчиться, смириться и испытывать евангельскую радость. Старцы как бы передали отцу Евдокиму ключ к отвержению сердца, и тот вскоре понял смиренную науку отцев, начал возрождаться, смиряться и постепенно успокоился. Однако после того как отец Евдоким, а за ним и другие братья стали обращаться к старцам за наставлениями, отец игумен увидел себя как бы оставленным и презиравым от братьев; он начал преследовать старцев, жаловаться на них архиерею как на нарушителей мира обители валаамской.

Возникает недоумение: как же так? Видим послушника, самоотверженного ученика, готового умереть во исполнение заповеди настоятеля, пребывающим в сильнейшем духовном расстройстве, на грани отчаяния, готового убить себя и вечно погибнуть? И все это только по причине того, что ему не было преподано верное понятие о внутреннем делании? Хотя, по понятиям отца Доримедонта, здесь непременно должно совершаться «чудо послушания», при котором Сам Господь через наставника, даже неискусного, руководит и ведет послушника ко спасению кратчайшим путем. Но вспомним предупреждение *врачу духовному* святителя Василия Великого о том, с какой осторожностью нужно решаться на врачевание

²⁹⁶ См. выше, примеч. 154 на с. 119.— *Ред.*

словом, «где, если и самая малость опущена из виду, приносит сие весьма великий вред»²⁹⁷. Святой Феофан Затворник, современник епископа Игнатия, тоже предостерегал от опасности попасть под ложное руководство: «...Не подлежит никакому сомнению, что очень часто те лица [так называемые духовные наставники] носят только имена своего звания, а не и силу его; часто пастырь — *татъ есть прелазый инуде* [ср.: Ин. 10, 1] или *волк в овечьей одежде* [ср.: Мф. 7, 15]; часто настоятель — простой корабельник, вместо кормчего, и старец — старец только по сединам. И это бывает или очевидно для всех, или очень невидно, глубоко скрыто под благовидною наружностью. Потому всегда есть опасность попасть вместо истинного руководителя на ложного и потерпеть потом вместо пользы — вред, вместо спасения — гибель. **Неискусный кормчий губит корабль.** Много потерпел я,— говорит Петр Дамаскин,— вреда от тех, к кому прибегал. Многие из старцев,— говорит Кассиан,— вместо окормления в отчаяние ввергали обращающихся к ним — и приводит на то примеры. Такие жалобы во всякое время можно слышать и встречать. Одно слово: “живи, как живешь”, или “что много затевать” — сильно погасить все усердие и, следовательно, опять вринуть бедного, лишь опомнившегося, в то же»²⁹⁸.

---

²⁹⁷ Василий Великий, святитель. Творения. Ч. V. С. 163.

²⁹⁸ Феофан Затворник, святитель. Внутренняя жизнь. Избранные поучения. М., 2001. С. 108–109.

«БЛАГОНАДЕЖНЕЙШИЙ СПОСОБ РУКОВОДСТВА»

Святитель Феофан Затворник после предостережений в отношении вреда от неискусного руководства (процитированных нами в предыдущей главе) предвидит постановку такого вопроса: «Спрашивается, как же поступить в таком случае человеку, который сознает нужду в руководстве и опасность крайнюю оставаться без него, знает также обязанность обращаться именно к тому и тому, а между тем не без основания может страшиться: не потерпеть бы вреда, не быть бы столкнутому опять в пропасть прежнюю? С другой стороны,— продолжает святитель,— нередко, а то и часто и те, кои стоят на чреде руководителей, вполне сознают свое значение, всю силу обязательства и великость лежащей на них ответственности, имеют усердие, горят ревностью быть тем, чем должны быть, а между тем, по своему духовному возрасту, видят, что еще далеко отстоят от того, чтобы могли безошибочно, как надлежит, руководить других. По неопытности же и безвестности пути, коим должны вести других, справедливо могут опасаться, не сгубить бы других из ревности к их спасению и вместо управления не ввести их в заблуждение. Спрашивается: как поступить ему в таком случае? Как руководить, сознавая себя неспособным к тому, не достигшим в ту меру? Очевидно,— продолжает святитель

Феофан, — что тот и другой вопрос прямо касается настоящего порядка вещей. Без руководства нельзя. Но в истинном виде оно очень возвышенно и оскудевает в настоящее время. Спрашивается: как быть именно нам? Куда обратиться — и ищущему руководства, и нареченному быть руководителем?». Далее святой отец на эти вопросы дает ответ самый основательный, подробно освещающий все стороны разбираемой нами проблемы, поэтому приведем это его слово почти полностью:

«Что касается до первого вопроса, то в отношении к нему можно приложить мудрое правило святых отец: все делать с пожданием, в богопреданности. Не должно уклоняться, как прежде видели, от нареченных руководителей, но можно не вдаваться им всецело, тотчас, а ждать особенного в этом случае устроения Божия, особенного мановения, сердечного склонения, состоя между тем в преданности в волю Божию, в молитвенном, болезненном взывании к Нему, чтобы Он Сам указал нам путь. Итак, опасаясь прельщения, взывай с болезнию к Богу, да скажет Он путь, воньже пойдеши, всецело предаваясь, в крепком уповании, Его промыслительному попечению, — и Господь никогда не оставит. Священник или настоятель иногда ни для кого не полезен, а для иного единственно он и полезен. Сам изменяется при нем, откуда мудрость берется — и устроится спасение от Господа и там, где не чается. Вся сила здесь в решительной преданности в волю Бога, всем хотящего спастися. Святой Дорофей решает этот вопрос именно таким образом. Если, говорит, кто не имеет человека, у которого бы спросить мог совета, то что в таком случае делать? Если кто

истинно, всем сердцем взывает воли Божией, то Бог никогда не оставит его, но всяким образом будет руководить его по воле Своей. Если же кто не будет искренно искать воли Божией, то, хотя бы он пошел и к пророку, — и самому пророку внушит Бог отвечать ему по желанию развращенного его сердца, как говорит Писание... Так говорит и Лествичник. Но и тогда, когда ясно видишь, что нареченный не полезен тебе, не решает сомнений, не дает совета, вообще не созидает по неопытности или по невниманию, — не спеши оставлять его или переменять. Ибо на кого переменишь? Около тебя все так же безвестны, как и этот, а этого Бог дал. Он Богом тебе указан, ибо все наше от Бога; а другой что нам! Но как же быть тут? Нужда. Чувствуй ее, боли, сильно вопи к Богу, прося Его не оставить в опасности и не предать прелести: или сего настави, или укажи иного, — а сам все будь под ним, с пожданием, терпением, вопиянием. Что же делать под ним? Ведь надо же действовать во спасение? Надо. Но порядок благочестной жизни извештен; ходи в нем и будь покоен. Этого на первый раз предостаточно. У покаявшегося все покрыто мраком безвестности, неопределенности. Пусть не выдвигается из своего, промыслом устроенного, порядка. Это смиреннее, безопаснее, прочнее. Кто во мраке, тот лучше делает, оставаясь на одном месте, нежели перебегая с места на место, ибо может статься, что в яму упадет. Предпринимать что-нибудь особенное, отличное, великое очень опасно; оставайся смиренно в простоте. Начнешь с самого начала переменять, — уж и не остановишься. В мыслях можно, положим, прилепиться к другому, но опять к тому, кого Бог пошлет; можно даже

искать его деятельно, особенно молитвенно, да укажет Сам Господь, но все же ждать и терпеть, пока придет указание решительное. Богом дан — не противься, не суди, не пренебрегай. От Бога жди иного. Не оставит Господь, а даст, если нужно. Это должно принять законом во избежание самочиния, невнимания к Промыслу Божию, опасности быть запутанным от врага. Но вот еще что: время от времени мрак начнет редеть, более и более разоблачаться строй жизни, яснеть видение опасений и уклонений; множатся потребности, недоумения, сомнения. Все это требует разъяснения, вразумлений, умирения духа. Нареченный наставник не решает, не внушает доверия, не располагает к откровенности. Что же делать в таком случае? Некоторые советуют, оставаясь под данным руководителем относительно общего порядка, в частных, собственно нас касающихся случаях все делать с рассуждением — рассуждение определит, что полезно и что вредно, — и приводят на это слова апостола: **вся... искушающе, добрая держите** (1 Фес. 5, 21) и особенно общее мнение всех святых отцов, что высшая из всех добродетелей есть добродетель рассуждения. Но это мнение святых отцов не должно брать без ограничений, какие они же полагают. Притом святые отцы утверждают, что рассуждение есть дар, стяжаемый долгим трудом, смиренномудрием и прилежным молением. Кто приобрел дар сей — храни его и употребляй во благо свое и других. Кто же не приял, да не дерзает ни в каком случае составлять своего разума, или слова, или дела. Его дело вопрошать искусных и опытных. В отношении к начавшему должно положить такое правило: все

твори с рассуждением, но все твое рассуждение должно состоять в одном правиле — ничего не творить по своему рассуждению, а обо всем спрашивать, хорошо ли то, и идет ли то, и идет ли к тебе, — ибо не все всем хорошо, но, как указывает Петр Дамаскин, время, начало, состояние, возраст, сила, здоровье, воспитание и прочее делают многое в этом различие. Почему знать, что ты все это решишь как должно, незаблудно? Рассуждение должно поставить целию, нужно искать его, а для того и опытно упражняться в нем, но не самим собою, а по тому, как рассуждают другие, надо обучаться рассуждению. Итак, рассуждение хорошо и велико, упражняйся в нем, но никогда ему не доверяй, пока опытом и советами других не укрепишься в нем.

Другие говорят: внимай Божественному Писанию и учению отеческому — и всему научишься. Нет сомнения, что и чтение поставляется между первейшими средствами образования христианского духа и столько же нужно, сколько для тела глаз, для мира свет. Святой Нил Сорский учит: ныне один указатель — Писание Божественное и отеческое. Паисий старец так же учил и действовал. И точно: оскудели зрители пути спасенного, но, по смотрению Божию, оставили нам описания этого пути. Придерживайся их. Движимые Духом Святым, они написали законы окормления и на путь спасения руководство. Если не можно найти наставника, говорит старец Серафим, могущего руководить к умозрительной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *испытайте...* Должно также тщательно прочитывать отеческие

писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают они, и таким образом мало-помалу восходить к совершенству. Но опять: что, кому и как читать? И потом: что из прочитанного и узнанного взять себе в правило и чего не брать? Кто скажет неискусному и неопытному? Правило само по себе хорошо, но не для меня; будет оно идти ко мне, но не теперь. Сколько гибнущих именно оттого, что они все вычитываемое хотят взять на себя! Есть, говорят, люди такого сложения, что о какой бы болезни ни услышали, тотчас переводят ее на себя и начинают болеть. То же может быть и с чтением, которое не управляется советом. Итак, читай, вникай, исследуй, обогащаясь духовною мудростию, но что именно исполнить самому, что поставить себе в правило, это решай не сам собою; иначе: все твори с совета, а не по своему разумению. Вычитал — поди, спроси, как оно есть, идет ли к тебе и как можешь ты исполнить то. Но спрашивается: кого же спросить? Нареченный молчит, потерял доверие — боишься открыться ему. Оставаться в нерешительности опасно: это застой, пустое медление. Что же делать? Тут одно: все твори с совета, с пожданием. Никогда ни на что не решайся вдруг — сам ли рассудил что или вычитал, — но жди, пока установится, а между тем ищи совета и решения. Во всякое время и во всяком месте можно найти людей, упражняющихся в благочестии, ревнующих, ищущих Господа и всегда более или менее опытных. Надлежит войти с ними в сношение братское и соображение сердечное и потом всякое недоумение и сомнение поверять им. Один, другой, третий как-нибудь разберут, поодиночке или все вместе,

и решат. Как решат, так и поступи,— и ты поступишь не по своей воле и разуму. Все сделанное в предании себя Богу не по своему разумению есть богоугодно и спасительно. Потому, когда нареченный не решает, а другого, кому предаться, не указал еще Господь, мудрые люди советуют поступать так: если есть что сомнительное и не имеем, кто бы решил, воззови к Богу о нужде своей и иди к тому или другому благоговейному и уважаемому и будь уверен, что Бог, все блюдуший и все содержащий, не оставит тебя без истинного решения, не пустит в прелесть, только бы была болезненна нужда и крепко упование. Это касается частных случаев, но и вообще можно оставаться при этом законе, ибо и вся наша жизнь сложена из частных случаев. И составитя таким образом особенная жизнь: *по совету*. Это новый, преимущественно приличный настоящему времени образ руководства. Человек, в предании себя Богу, вразумляется Писанием Божественным и отеческим, употребляет и свое рассуждение, но ничего не решает сам, а творит все с совета и вопрошения. Здесь руководитель — Бог и Писание; отречение воли и разума — в совете; сила же исходная — богопреданность с болезненным, опасливым взыванием об избавлении от прелести, заблуждения и ошибок. Такая жизнь бесхитростна и смиренна, а для смиренных Господь открывает тайны и уповающего не постыждает. Младенца научит сказать, что тебе нужно, говорит святой Дорофей, а если не веришь, то и пророк не употребует. Когда, напротив, кто спрашивает и наперед уже желает и чаает определенного решения, то это уже прелестное правило действия. В таком случае лучше

не вопрошать. Когда же спрашиваешь, пусть весы сердца стоят ровно, не склоняясь ни на десно, ни на шуе,— и Господь управит. Безвестен путь истинно христианской жизни, и нельзя идти по нему с собственным усмотрением. Сокровенно водительство Божие — иди, как во мраке, только руки своей не отрывай от руки Божией. Из жития старца Паисия видно, что он образовался именно этим путем. Он встречал множество советников и по советам всех слагал себя, и хотя не имел одного окормителя, чем нанес себе, как сам сознается, большой вред, но образовался в одном духе и созрел в мужа совершенна. Исходным его началом во всю жизнь было болезненное припадание к Богу. Оно и наставляло его, и едило дух его при всем разнообразии. Наученный опытами целой жизни, он наконец вот до какого дошел закона и начала руководства. Выяснив всю нужду в руководителе, изобразив, каков он должен быть, с плачем помянув, что ныне *негде* обрести такого, он выводит: “Отсюда убо крайняя нам, брате, ныне нужда Божественным и отеческим Писанием со мною печалию и со многими слезами день и ночь поучатся и, с тождемыслящими ревнители, старейшими отцы советуящиеся, наставлятися на заповеди Божии и на делания святых отец наших. И тако, милостию Христовою и понуждением нашим, можем спасение получить”. Так советуют все отцы; так советовал и делал святой Нил Сорский: “Прежде духовные отцы всех наставляли; в нынешния же притрудныя времена, еже многому плачу и рыданию достойно, до зела таким оскудевшим ревнителем, Сам Бог и Божественное учение преподобных отец есть учитель и наставник”.

Так вот какой ныне лучший, **благонадежнейший способ руководства** или воспитания в жизни христианской! Жизнь в преданности в волю Божию, по Божественным и отеческим Писаниям, с совета и вопрошения единомысленных. По милости Божией, она может и должна быть благоуспешна, ибо содержит все условия усовершенствования, отсечения своей воли и разумения. Но очевидно, что она далеко стоит ниже личного, деятельного руководства и воспитания. В нем нет всезрящего, а только как бы гадающие; нет решительно действующего, а движущиеся с робостью. Нельзя так решительно и скоро врачеваться и совершаться, так успешно поддерживать дух ревности, так безопасно входить в созерцание. Оттого так мало ныне успевающих и совершенных. Правда, они суть Божии, но кого Бог совершит, того не станет держать под спудом. То только надобно прибавить, что способ этот является гораздо плодотвейшим, если кто стяжет одного советника и, соединясь сердечно, будет жить с ним во взаимном откровении и вразумлении, или духовном дружестве. Один другого видит и знает и, таким образом, скорее и благонадежнее может советовать. Писание в богопреданности — свет для них. Умудряясь взаимно, они взаимно и руководят друг друга в предании себя Богу и Господу, Который обещался быть посреде двоих, собранных во имя Его. При этом, однако ж, должно не отделяться от нареченного Богом, но всякое взаимное решение и определение хорошо, если можно поверять ему и с его разрешения исполнять. Взаимный любовный союз даст крепость, а прибегание к духовному отцу — Божие благословение. Такого рода со-

вещание, или взаимно руководство,— опять-таки, если подается, ибо Бог дает друга,— очень плодно. Припомните двух монахов, живших во времена Макария Великого во взаимном союзе и взаимном руководствовании и укреплении,— до какой они достигли меры совершенства! Старец Паисий рассказывает о себе, что он, с самого начала прилежно искав окормителя с болезненной молитвою к Богу, скитался там и сям: и у нас, и в Молдавии, и Валахии, и на Афоне — и все не находил. Нашел только, говорит, обратившись к чтению писаний отеческих, что очень много я потерял оттого, что сначала жил без деятельного руководства. Чем же он кончил? “Не обретши,— говорит,— где бы повинутися, умыслих царским путем житие свое проходить, с единым, единоклубным и единомысленным братом, вместо отца; Бога имети себе наставника и учение святых отец и повинутися друг другу и послужити”, не отделяясь, однако ж, от своего духовного отца, как он в другом месте говорит. Такой путь, говорит он, благословен всеми отцами. Он был монах, и такое правило более идет к монашеской жизни. Но оно не невыполнимо и в жизни общественной и, сколько видеть можно по настоящему ходу дела и состоянию нашему, должно быть признано единственно верным. Единородно ревнующие, наставляемые писаниями отеческими в предании Богу, мирно и безбедно оставаясь в том же порядке, шествуют прямым путем к христианскому преспеянию. Сюда можно отнести великую похвалу дружеству, воспетую Сирахом, которая здесь только вполне и приложима. *Друг верен — кров крепок... Боящийся Бога обрящет его* (ср.: Сир. 6, 14, 16).

Итак, касательно руководства можно положить такие правила: бойся оставаться без всякого руководства; взыщи его как первого блага. На первый раз ходи в определенном порядке благочестном, под нареченным отцом. Когда назнаменует Господь пользою от него очевидною, великою, испытанною, что это есть твой окормитель, — предайся ему. Скажется противное — желай иного, но ищи его с опасением, терпением, пожданием, чая указания Божия или сретения кого Бог пошлет, оставаясь все в том же порядке благочестной жизни и под тем же отцом, в неотделении от него. Между тем вступи в союз откровенный с единомысленными и с их совета по Богу под отцом духовным ходи, уповая. Сретишь единого единомысленного, приобщись к нему искреннее, не оставляя других, и живи с ним душа в душу, Господа ради, во спасение. Только главное держи — решительную богопреданность с болезненным взыванием об избавлении от прелести, и ни в чем никогда не следуй своему разуму и воле, а все, что ни делаешь, делай с совета — и Бог устроит путь невидимо, незримо, неосяземо, неизвестно для тебя.

При этом припоминается само собою еще особенный способ руководства себя и воспитания посредством собеседования или вопрошения не одного, а многих подвижников-отцов, известных в свое время в своем ли месте или и в других. Так преподобный Антоний Великий ходил по всем и добродетели всех их усвоял себе. Так святой Василий Великий обтек Египет, Палестину, Сирию, вопрошая и советуясь со святыми в то время отцами, и таким образом и сам себя образовал, и

составил систему подвижнической жизни, которую осуществил в своих монастырях и пастве, которую руководствуемся доселе и мы. У святого Кассиана Римлянина составлена из этого целая книга совещаний; то же делали Софроний и Иоанн, составившие свой *Лимонарь*²⁹⁹. Преподобный Нил Сорский ходил по Востоку, научился и других научил скитской жизни. Такой способ обучения и руководства может употребляться и ныне. Но очевидно, что он должен быть предпринимаем мужем крепким в вере, уже успевшим, особенно призванным, горящим любовью к мудрости духовной, с крепким разумом и в тех местах, где ожидается подвижная жизнь, — иначе мало ли что может встретиться? И опять, из действительно подвижничаствующих сколько есть разнообразных, провидеть единство кроющегося под ним духа — какая для этого требуется крепкая душа! Это подвиг странничества с целью умудриться духовно. Робкий не решится на него, но и другой всякий нелегко придет к этой мысли. А кто придет и созреет в ней, тот пусть действует с преданием себя Богу, решением себя на всякого рода лишения — и Бог устроит путь его во благо. Нужны бывают такого рода странствователи в свое время, чтоб познать виды настоящего подвижничества, увидеть, в каком оно состоянии именно ныне, и потом, применительно к настоящему состоянию христианства, к его внешнему быту, определительно выяснить и установить правила подвижничества, удобоприменимые ныне по возможности.

---

²⁹⁹ См.: *Иоанн Мосх, блаженный*. Луг духовный: Пер. с греч. ТСЛ, 1991.— *Ред.*

Хотя существо подвижничества едино и неизменно, но внешний вид его может быть разнообразен.

Таково же решение и второго вопроса: как руководить других сознающему, что он сам еще не вошел в меру руководителя истинного, надежного? По Божественным и отеческим Писаниям — в богопреданности. Помянутый старец Паисий говорит: “В древния времена много от святых отец, от просвещения благодати Божией ученики своя поучаху, и не книжни сущи. В нынешняя же времена отнюдь не повелевают святые отцы от себе кому поучати, но от Священнаго Писания и от учения преподобных отец”. Взывание к Богу о вразумлении ради спасения душ, Им Самим ему вверенных, не может оставаться не услышанным: *призови, и услышу*. Это больше всего может идти к стоящему на месте руководителя. И то еще — из таковых большая часть стоят уже выше других тем, что имеют в своих руках более способов, более видали и слышали, прикасались хоть к образованию и опытности духовной. Теперь, возникши к ревности о спасении своем и других (о нерадящих нечего говорить), он вступил в должный путь и лучше других может видеть и взад и вперед. Пусть предметы сбивчивы еще и нераздельны, он имеет Писание, описывающее их, — углубится, рассудит и, может быть, узнает. В то же время пусть поставит и себя на чреду руководимых и с большим усердием взыщет совета одного или многих — и, таким образом, сам преуспевая более и более, вместе с собою будет влечь и вести и всех приходящих чрез него к Богу. Когда, сознавая свою немощь, он внушит руководимым, что путь спасения ныне один — чтение и слушание Бо-

жественных и отеческих Писаний, и расположит их к тому, то составится, таким образом, союз людей, вникающих в Писание для открытия спасенного пути и взаимного руководства под нареченным главою и наставником.

Вот окончательное определение спасительного, безопасного руководства в настоящее время. Им руководствовался святой Нил Сорский, который говорит: я не исполняю, но указываю Писания. Кто хочет жить со мною, вот ему правило — исполни; нет — отойди. То же и в житии старца Паисия; оно выяснено подробно и им самим, и современным ему старцем Михаилом. И священноинок Дорофей, составляя руководство к подвижничеству, вместо предисловия поместил убедительное наставление о прилежном прочтении и послушании Писаний Божественных и отеческих, внушая, что это есть единственно благонадежный и безопасный путь спасения. Таким образом удовлетворится первая неминуемая потребность покаявшегося, именно: руководство, пестунство»³⁰⁰.

---

³⁰⁰ *Феофан Затворник, святитель*. Внутренняя жизнь... С. 109–127.

«ПРЯМАЯ ИСТИНА О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ»

Отец Доримедонт утверждает, что «мнение святителя Игнатия о послушании не подтверждает ни один из современных ему аскетических писателей». Но вот, как видим, у Феофана Затворника точно такое же учение о послушании, как и у святителя Игнатия! Оба святителя согласны в мысли, что *духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени*, «основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов, при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братьев...». Оба святителя отмечают духовную скудость нашего времени и редкость истинных наставников. В одном письме преосвященный Феофан пишет: «Правду говорит Н., что ныне нет настоящих руководителей. Однако ж с одним Писанием и отеческими уроками оставаться не следует. Необходимо *вопрошение*. Паисий Нямецкий так решил: два или три единомысленных пусть составят союз и друг друга руководят или друг друга вопрошают, ведя жизнь во взаимном послушании, со страхом Божиим и молитвою, в умеренной строгости аскетической»³⁰¹. Как и святитель Феофан, преосвященный Игнатий ставит нам в пример святого Антония, который не был в послушании у старца,

---

³⁰¹ Феофан Затворник, святитель. Творения. Собрание писем. Вып. V–VI. Письмо 917. С. 200.

но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братьей³⁰². Оба святителя не рекомендуют разлучаться со старцем, когда тот не имеет способности искусно руководить, если при этом нет «душевного вреда, а только смущают помыслы», поскольку смущающие помыслы — бесовские. Святитель Игнатий советовал: «Оказывай настоятелю и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братьям в их приказаниях, не противных закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло... Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братьями; но усваивай себе советы их с крайнею осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя! По страстности и слепоте твоей иной страстный и зловерный совет может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоим, или потому, что он угождает какой-либо сокровенной, неведомой тобою, живущей в тебе страсти. С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтоб Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле, твоей или ближнего твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием»³⁰³.

³⁰² См.: *Игнатий (Брянчанинов), святитель*. Приношение... С. 76.

³⁰³ Там же. С. 76, 74–75, 77.

Святитель Игнатий, указывая на то, каким должно быть правильное сердечное расположение современного наставника, сознающего свою духовную немощь, как и святитель Феофан, ссылается на пример преподобного Нила Сорского, который так рассуждал о своих наставлениях, преподаваемых им братии: «Никто не должен утаивать слова Божия по своему нерадению, но исповедовать свою немощь и вместе не скрывать истины Божией, чтоб не сделаться нам виновными в преступлении заповеди Божией. Не будем утаивать слова Божия, но будем возвещать его. Божественные Писания и слова святых отцов многочисленны, как песок морской: неленостно исследывая их, преподаем приходящим к нам и нуждающимся в них (требующим, вопрошающим). Правильнее же: преподаем не мы, потому что мы недостойны этого, но преподают блаженные святые отцы из Божественного Писания». Вот превосходный образец для современного наставления! — восклицает святитель Игнатий. — Он вполне душеполезен для наставника и наставляемого; он — правильное выражение умеренного преуспевания; он соединен с отвержением самомнения, безумной наглости и дерзости. <...> Возлюбленные отцы! Будем произносить слово Божие братьям нашим со всевозможным смирением и благоговением, сознавая себя недостаточными для сего служения и охраняя самих себя от тщеславия, которое сильно стужает людям страстным, когда они поучают братию. <...> Будем произносить слово назидания по требованию существенной необходимости, не как наставники, а как нуждаю-

щиеся в наставлении и тщащиеся соделаться причастниками наставления, преподаемого Богом в Его всесвятом Слове»³⁰⁴.

Доказательством того, что и святитель Игнатий, и святитель Феофан вопрос о послушании в соотношении к нашему времени понимали верно, является пример из жизнеописания преподобного Силуана Афонского: «Старец Силуан учеников, в обычном смысле этого слова, не имел и на учительскую кафедру не садился; и сам он не был учеником какого-либо определенного старца, но воспитывался, подобно большинству афонских монахов, в потоке общего предания: постоянным пребыванием в храме на богослужениях, слышанием и чтением слова Божия и творений святых отцов, беседами с другими подвижниками Святой Горы, строгим хранением положенных постов, послушанием игумену, духовнику и старшему по работе». Он точно так же, как это советует делать святитель Феофан, «обращаясь к духовнику... молился, чтобы Господь через Своего служителя помиловал его, открыл ему Свою волю и путь ко спасению; и, зная, что первая мысль, которая рождается в душе после молитвы, есть указание свыше, он ловил *первое слово* духовника, его первый *намек...*». Как говорит далее жизнеописатель его, иеромонах Софроний, «в этом — мудрость и тайна истинного послушания, цель которого — познание и исполнение воли Божией, а не человеческой»³⁰⁵. Любопытно, что это последнее суждение о способе послушания, которым пользовался

³⁰⁴ Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 78–79.

³⁰⁵ Старец Силуан. С. 82–83.

преподобный Силуан, отец Доримедонт приводит в доказательство того, что и сегодня *послушание старцу*, в том виде, как оно было в прежние времена, вполне возможно. Но, во-первых, все житие старца Силуана показывает, что послушание, какое он проходил, весьма отличалось от того, что может быть названо *всецелым послушанием старцу*, какое было особенностью древнего монашества. Это признает вполне и сам жизнеописатель старца иеромонах Софроний, как видно из выше процитированных слов. Так же и святитель Феофан, указывая, как должен действовать тот, кто не имеет опытного наставника, говорит: «Если кто истинно, всем сердцем взыщет воли Божией, то Бог никогда не оставит его», и при доверительном вопрошении и решительной преданности в волю Бога и у немощного наставника может явиться мудрость, и при этом может *устроиться* «спасение от Господа и там, где не чается». Однако святитель Феофан не считает, что такое положение вполне удовлетворительно и достаточно для спасения, но указывает, что в отношениях с неискусным наставником нужны меры предосторожности. Но, согласно отцу Доримедонту, все эти указания должны быть излишни, ведь, по его мнению (действительно — частному), самоотверженная вера послушника, а не святость наставника является предпосылкой всякого чуда послушания, духовное преуспевание послушника почти не зависит от степени духовного преуспевания его старца, поскольку искусность старца имеет лишь вспомогательное значение³⁰⁶.

³⁰⁶ См.: Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 23–24, 27.

Отец Доримедонт ссылается на святителя Феофана Затворника, пытаясь убедить читателя, что в творениях святителя Игнатия есть отдельные несоответствия истине. Он говорит, что святитель Феофан «писал, что нет сомнений в том, что святитель Игнатий угодил Богу, но “в его сочинениях есть ложь”»³⁰⁷. Да, действительно, святитель Феофан имел полемику со святителем Игнатием в вопросе о природе души и Ангелов. Святитель Игнатий учил, что душа и Ангел по естеству являются тонкими телами, преосвященный Феофан же опровергал такое понятие, а признавал душу и Ангела по естеству духами, лишь облеченными в тонкие эфирные тела. На вопрос же, *читать ли писания преосвященного Игнатия*, отвечал: «Читайте... Только статью о смерти не читайте, и то не всю, а только несколько листов, кажется, в начале, где он говорит, что *душа и Ангел телесны...*»³⁰⁸. В одном из писем святитель Феофан (после указания на это заблуждение святителя Игнатия о природе души) говорит: «Но вы будете неправы, если и о всех сочинениях пр<еосвященного> Игнатия будете думать дурно. В них излагается **прямая истина о духовной жизни**, и все словами отцов...»³⁰⁹. В другом своем письме желающего научиться умной молитве святитель Феофан отсылает к описанию учения о молитве святителя Игнатия, как «мужа молитвенника»³¹⁰. А ведь именно в этих статьях святителя Игнатия о молитве подробно преподано и разбираемое нами его наставление о послушании.

³⁰⁷ Там же. С. 52 (см.: *Феофан Затворник, святитель*. Творения. Собрание писем. Вып. I–II. Письмо 239. С. 54).

³⁰⁸ *Феофан Затворник, святитель*. Творения. Собрание писем. Вып. V–VI. Письмо 909. С. 187.

³⁰⁹ Там же. Вып. V–VI. Письмо 921. С. 204.

³¹⁰ См.: Там же. Вып. VII–VIII. Письмо 1109. С. 96.

СЛЕПОЕ ПОСЛУШАНИЕ

Наконец, возникает вопрос: может быть, подобный взгляд на проблему современного послушания приложим только к той духовной обстановке, которая сложилась в последние века в России, но он неуместен, когда речь идет о школе послушания, практикуемой, к примеру, в обителях Афона? Как замечает в начале своей брошюры отец Доримедонт, *значение творений* святителя Игнатия «для России и Афона не может быть одинаковым, в основном по той причине, что здесь, на Святой Горе, живое монашеское Предание никогда не приходило в такой упадок, как у нас на Родине»³¹¹. Да и святитель Игнатий в заключение своего «Приношения современному монашеству» свидетельствует, что «цель, при изложении предложенных здесь советов» состоит в применении учения древних отцов «к современному положению иночества в нашем отечестве»³¹². Но вот сам же отец Доримедонт указывает нам возможность рассмотреть и этот вопрос: свою брошюру он оканчивает выписками о послушании из книг современных афонских старцев. Здесь приводятся наставления блаженного старца Иосифа Исихаста (†1959). Этот отец поучает: «Сокруши выю свою под игом

---

³¹¹ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 3.

³¹² Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 383.

послушания и прилепись к дыханию твоего старца. На лету хватай исходящее из уст его слово и как на крыльях лети и исполняй его, не исследуя, хорошо оно или плохо. Без рассуждения и слепо исполняй, что велит тебе тот, кто несет за это ответственность, дабы не быть тебе ответственным за свои деяния. Повелевающий ответит за то, что хорошо или плохо он повелел. Ты же ответишь за то, хорошо или плохо ты его послушался». Цитируются также слова старца Ефрема Катунаского (†1998). Вот, по учению его, образ слепого послушания: «...к примеру, говорит Игумения: “А ну-ка, Евпраксия, принеси стакан воды”. Приносишь. “Вылей воду”. Выливаешь. “Ах ты, дура, да что же ты воду льешь?” — “Простите, матушка”. Не оправдывайся, не говори: “Матушка, да ведь ты сама мне сказала ее вылить”. Говори только: “Простите, матушка” — вот что такое слепое послушание». Другие наставления старца: «Если у тебя нет слепого послушания, то по духовным степеням ты не восходишь». «Часто и мы, как старцы, можем совершить ошибку. Но тебя, живущего в послушании, эта ошибка приведет к добру, а не ко злу. Послушание никогда не приводит ко злу, потому что оно есть подражание Христу»³¹³. Нам известны суждения отца Иосифа Исихаста о слепом послушании и из других книг: «А если повеление старца ошибочно? Даже если повеление старца ошибочно, Бог ради послушания повеление это обратит в душевную пользу. Для слушающего — пусть повеление будет и ошибочным, оно будет на пользу, и это только лишь благодаря

³¹³ Цит. по: *Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия...* С. 59, 61.

послушанию». К последним словам старца его ближайший ученик Иосиф Ватопедский (впоследствии также старец, автор книги о Ефреме Катунакском) добавляет: «Не имеет значения, кто является старцем»³¹⁴. В другом месте он говорит: «В слепом послушании нет никакого самодовольства или предпочтения одного другому, но исполняется то, что повелят уста старца или замещающего его брата»³¹⁵.

Необходимо отметить, что вышеуказанные старцы весьма почитаемы ныне на Афоне, их жития и наставления являются сегодня настольными книгами для многих святогорцев. На Святой Горе новоначальным инокам в первую очередь предлагают ознакомиться с поучениями этих отцов. Причем эти святогорские наставники прежде всего почитаются как наставники послушания, своей жизнью засвидетельствовавшие высоту этого подвига. Перед нами две книги, описывающие жизнь отца Ефрема Катунакского: одна из них называется «Блаженный послушник», составлена она присным учеником старца Иосифа и подвижником самого старца Ефрема — Иосифом Ватопедским. Другая книга — «Старец Ефрем Катунакский», написана ближайшими учениками самого старца Ефрема. Основная задача и того, и другого жизнеописания — раскрыть суть подвига всецелого самоотвержения перед старцем, показать на примере старца Ефрема, как слепое послушание сегодня на деле может и должно осуществляться монахами, желающими достичь Царствия Божия

---

³¹⁴ *Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник...* С. 100.

³¹⁵ Там же. С. 99.

кратчайшим путем. Эти подробные повествования дают нам возможность вплотную подойти к пониманию такого подвига послушания многими современными иноками Афона, несомненно, в том числе и отцом Доримедонтом.

Выделим некоторые факты из подлежащих книг: старец Ефрем пришел на Святую Гору в 1933 году в каливу преподобного Ефрема на Катунках, где жили трое монахов, его земляки (все они были из Фив). Возглавлял братство старец Ефрем, который и был прежде других устройтелем этой небольшой обители. Но вскоре после того, как молодой послушник принял постриг в рясофор, старец Ефрем скончался, и старшинство над братством перешло к иеромонаху Никифору, который по стечению обстоятельств и стал теперь старцем отца Ефрема. Это случилось в 1934 году, под послушанием же у отца Никифора будущий старец находился до 1973 года. Старец Никифор, как свидетельствует житие, имел «действительно тяжелый характер, иногда просто несносный»³¹⁶. Сам отец Ефрем рассказывал, что на первых шагах монашеской жизни ему помогало чтение святоотеческих книг, поскольку его старцы (Ефрем и Никифор) были «чрезвычайно резкими и гневливыми и по своей неграмотности не могли дать ему надлежащего руководства». Как свидетельствует Иосиф Ватопедский, «в первые дни подвига старца [Ефрема], духовного подвига, который он начал, он был лишен святоотеческого примера и необходимых для новоначального наставлений. Однако благодаря чтению житий святых отцов старец получил довольно хорошую подготовку и преодолел первые

---

³¹⁶ Там же. С. 25.

волны помыслов и волнение брани...». Сам отец Ефрем впоследствии рассказывал о своих старцах: «Они были простецами. Рукоделие, служба и ничего более. <...> Но это не давало мне полноты, не удовлетворяло меня. Я искал большего, высшего. Старец Никифор был хорошим, но он не мог научить меня тому пути, которого не знал, потому что сам не прошел его». Как говорится далее в житии, «вопросов, остававшихся без ответов, становилось все больше, особенно после тех духовных состояний, которые он начал переживать»³¹⁷. Выше Катунак в скиту святого Василия в то время подвизался старец Иосиф. Впервые отец Ефрем посетил отца Иосифа вместе со своим старцем. Почувствовав, что «в этом старце обитает жизнь и благодать», отец Ефрем стал обращаться к отцу Иосифу за разрешением своих духовных проблем. Старец Никифор не препятствовал ему в этом. «Теперь все вопросы отца Ефрема, порожденные в том числе и его неопытностью, находили ответ и объяснение. Это осуществилось благодаря знакомству и общению со старцем Иосифом. Очень скоро он постиг смысл духовного закона и то, как правильно вести невидимую брань. Это знание стало его пожизненным достоянием и наградой за ревность и благочестие», — говорится в житии. Отец Ефрем рассказывал позже, что в тот момент у него были помыслы уйти от старца Никифора, поскольку он не находил у него духовного руководства, но старец Иосиф посоветовал ему не уходить, но пребывать со смиренным помыслом, а сам обещал помогать духовно³¹⁸.

---

³¹⁷ *Иосиф Ватопедский, монах*. Блаженный послушник... С. 28, 32–34.

³¹⁸ См.: Там же. С. 40.

Но вот какое обстоятельство, касающееся жития старца Ефрема, обращает на себя наше внимание. В 1924 году в Элладской Церкви был введен новый календарный стиль, после чего произошел раскол, в результате которого многие христиане отпали от Вселенской Церкви, прервав с ней евхаристическое общение. Святая Гора сохраняла старый стиль, не прерывая, однако, молитвенную связь и административную зависимость от Вселенского Патриархата, оставаясь в общении с другими поместными Церквями. Те христиане, которые, соблазнившись введением нового стиля, перестали общаться с Церковью, стали называться *зилотами* (греч.: ζήλωτης — ревнитель). Катунки был одним из центров зилотства. Многие из здешних монахов прервали духовную связь с Константинопольским Патриархом, с другими поместными Церквями, с остальными монастырями и монахами Святой Горы, не участвуя ни в литургиях, ни в общих торжествах с ними. Отец Ефрем происходил из старостильной семьи, и в каливе, в которую он пришел, все отцы были зилотами, к зилотам относился и отец Иосиф. Все эти отцы принадлежали к крылу раскола так называемых флоринитов. Епископ Хризостом Флоринский, возглавлявший это крыло, в 1935 году вместе с другими двумя епископами разорвал каноническую зависимость от Греческого Синода. Все они были запрещены в служении судом Элладской Церкви, однако продолжали служить и хиротонисать. После того как в 1938 году между предстоятелями зилотской группировки произошло разделение, Хризостом Флоринский оказался в одиночестве (не имея рядом с собой

других епископов). Он, хотя и не имел церковного общения с Константинопольским Патриархатом и с общающимися с Константинополем Церквями, однако признавал Таинства новостильников действительными. Другая группировка, во главе которой стояли Матфей Вресфенский и Герман Кикладский, отличалась большей категоричностью и отвергала силу Таинств во Вселенской Церкви. Отец Ефрем, поселившись в каливе святого Ефрема, «не размышлял о проблемах каноничности зилотов. “То, что нашел, то и воспринял”», — говорится в житии³¹⁹. То есть вступил в ту же группировку «флоринитов», в которой находились и отцы каливы. Необходимо заметить, что отец Ефрем рукоположен был в иерейский сан зилотским митрополитом Германом Кикладским в 1936 году. По этой причине Великая Лавра даже решила вычеркнуть отца Ефрема из списка насельников монастыря, из-за этого его чуть было не выселили с Афона. Как повествует жизнеописание, «когда он узнал старца Иосифа, то уже вдвоем, движимые сильной духовной ревностью, но в простоте своего незнания, они примкнули к крайней группировке “матфеевцев”», отойдя от «флоринитов». Далее говорится, что после этого отец Иосиф, чувствуя потерю мира, горячо молился и после молитвы имел знаменательное видение: он видел себя на камне посреди бушующего моря, и волны вот-вот могли смыть его в пучину, но тут он увидел в стороне вековую Гору. При первой же возможности он прыгнул с камня на эту скалу и оказался на твердой почве. Отец Иосиф посчитал это видение не случайным. В то же

³¹⁹ Старец Ефрем Катунакский. С. 51.

самое время молился об этой же проблеме и отец Ефрем и «услышал голос: “В лице Флорина ты отверг всю Церковь”. После этого они опять вернулись к “флоринитам”». Однако впоследствии, во время молитвы, отец Ефрем опять «услышал голос: “Подчинись Патриарху. Не подчиняйся Флорину”. ...Он не поверил этому голосу, посчитал это за прелесть. Позже указанием Божиим они соединились с Церковью, и только тогда их души обрели покой», — говорит жизнеописание, составленное учениками старца Ефрема³²⁰. Старец Иосиф Ватопедский описывает эту историю несколько иначе. Он также свидетельствует, что отец Ефрем вместе со старцем Иосифом, «движимые духовной ревностью, примкнули к крайней группировке так называемых матфеевцев», и «в результате старцы в пустыне оказались в стане фанатиков». Но поскольку существовало более умеренное направление — «флориниты», которые избегали жестокости «матфеевцев», то «старцы обратились к этой группировке: “из двух зол меньшее — лучше”, хотя и оставались неудовлетворенными. В их совести протестовала несправедливо отверженная живая Церковь». Старец Иосиф со слезами и болью ищет разрешения этой проблемы через молитву. Он в глубоком смирении обращается к Богу: «Мы согрешили, творили беззакония пред Тобою, предали Твою всесвятую волю, и Ты праведно презрел нас, оставив нас блуждать в хаосе, вне света Твоей истины. Мы не смогли узнать утверждение истины, непоколебимую и несокрушимую Твою Церковь, всесвятое Тело — То, что Ты основал Своим к нам пришествием,—

³²⁰ Там же. С. 52.

и доверились выводам человеческого разума и логики». Он ожидал с болью и терпением ответа от Бога. После этой молитвы, как рассказывал сам отец Иосиф, «меня охватил сон. Тогда я внезапно оказался посреди океана на одном кусочке Афона, который мог затонуть с минуты на минуту. Я испугался и подумал, что если этот кусок откололся от всей Горы и колеблется, то в скором времени он потонет, и я погибну. Тогда одним сильным прыжком я достиг твердой земли Горы. И действительно, тот маленький осколок скалы, на котором я находился, поглотило море, и я прославил Бога, спасшего меня от гибели! Тотчас я понял: это сон о том, что занимало меня и о чем я просил Господа — чтобы Он не попустил мне блуждать в моих суждениях». Здесь же говорится, что и отец Ефрем, молясь, услышал голос: «“Вместе с *флоринитами* ты отрекся от Церкви”. Когда они пришли в мирное состояние духа, узнав, что Церковь продолжает существовать, тогда Божественный голос услышал и старец Иосиф. Голос сказал ему: “Церковь находится во Вселенской Патриархии в Константинополе”». Наконец, «когда они, по указанию старца Иосифа, вместе с другими отцами оставили зилотов и вернулись в Церковь, тогда на деле poznали силу благодати в совершаемых Таинствах», — пишет отец Иосиф Ватопедский³²¹.

Старец Ефрем и сам рассказывает этот эпизод своей жизни: «Сначала мне, а потом и старцу Иосифу было откровение о календарном соблазне, о том, что истинная Церковь в Константинополе, а не у клики так называемых зилотов. Тогда

---

³²¹ *Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник...*
С. 106–109.

мы вернулись в Церковь, где была и вся Святая Гора. Мой старец хотел остаться с зилотами, а я принуждал его разорвать общение с ними, обещая уйти от него, если он не откажется от своего решения. Отец Никифор был вынужден уступить. Когда мы вернулись в келию, он в огорчении и раскаянии сказал мне: «Почему же ты, чадо мое, принудил меня и мы сделали это? Сделал бы это после того, как я умру». И что же? — продолжает отец Ефрем. — Благодать ушла от меня, и я остался сухим, без чувства и без утешения. Два года я переживал оставленность благодатью и искушения, что было епитимьей от Бога, и сделал выводы о значении послушания и зависимости послушника от старца»³²². Ученики отца Ефрема рассказывают, что в тот момент, когда отцы по *указанию Божию* утвердились в решении *соединиться с Церковью*, то «отец Никифор немного упорствовал, однако отец Ефрем, не желая разлучаться со старцем Иосифом, убедил отца Никифора присоединиться к Церкви. Таким образом, вся калива святого Ефрема вернулась в каноническое единство со всеми афонскими монастырями». После этого отцы пошли встречать Пасху к отцам, находящимся во Вселенской Церкви. Отец Ефрем служил там и во время пения во славу Богородицы «такую благодать чувствовал в алтаре, что разве только лишь Саму Пречистую Деву не видел!»³²³, как признавался позже сам старец. Отец Иосиф Ватопедский свидетельствует, что, вернувшись в Церковь, отцы «на деле познали силу благодати в совершаемых Таинствах. Отец Ефрем

³²² Там же. С. 79.

³²³ Старец Ефрем Катунакский. С. 52–53.

всегда видел, как на Божественной литургии Божественная благодать претворяет Честные Дары в Тело и Кровь Христовы. Во все же время своего пребывания с зилотами он видел перед собой что-то похожее на покров, который мешал ему разглядеть Божественную благодать. Покров этот пропал, когда он вернулся в живую Церковь»³²⁴. Однако отец Никифор, как свидетельствуют ближайшие ученики отца Ефрема, «проведший всю жизнь с соседями-зилотами, закапризничал и стал сильно расстраиваться. Он настаивал на возвращении к зилотам. Отец Ефрем оказался в трудном положении. Перед ним возникла дилемма: остаться в послушании у отца Никифора или бросить его и соединиться с Церковью? Он много молился, попробовал убедить старца, нажать на него. Безрезультатно»³²⁵. Старец Иосиф Ватопедский свидетельствует то же: «Отец Никифор в своей простоте настаивал на том, чтобы остаться с зилотами»³²⁶. Для отца Ефрема это было постоянным испытанием, потому что отец Никифор не желал оставить привычного, а стремление к благодати терзало ученика, который считал послушание непреложным правилом и не хотел оказаться вне его. <...> Так крест отца Ефрема с каждым днем становился все тяжелее. Несмотря на то, что все убеждало их в том, что Церковь — именно там, где им было указано свыше, несговорчивость упрямого отца Никифора только усугубляла мучения отца

---

³²⁴ *Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник...* С. 109.

³²⁵ Старец Ефрем Катунакский. С. 53.

³²⁶ Поскольку, как говорится чуть дальше, соседи-зилоты укоряли его в том, что он предал их.

Ефрема»³²⁷. И что же решает отец Ефрем? Он почувствовал, что «Бог как будто наложил на него епитимью», посоветовался со старцем Гавриилом — игуменом монастыря Дионисиат — и с отцом Герасимом Песнописцем³²⁸. Оба сказали ему: «Отец, позаботься о спокойствии твоего старца». Как говорит жизнеописание, «это был переломный момент в жизни отца Ефрема. Его желанием было жить в канонической полноте с Церковью, но это означало бы уход от своего старца!». Но «отец Ефрем молитвой познал, что нет большего падения для монаха, чем пренебрежение своим старцем, этому учит и глубокая святогорская традиция. Ведь и Божественный Устроитель Церкви стал *послушлив даже до смерти, смерти же крестной* (Флп. 2, 8). И тогда отец Ефрем делает свой выбор: он остается в послушании у старца. Он выстрадал это решение, и потому Господь и показал его впоследствии великим учителем послушания. Он не раз говорил: “Старец стоит выше церковноначалия, и если твой старец не разрешил тебя от своего слова, то вся Церковь уже не сможет этого сделать”», — возвышенно пишут о всецелом послушании своего наставника присные его ученики³²⁹. То же говорит о выборе отца Ефрема в этой ситуации и Иосиф Ватопедский: «Тогда он помыслил о том, что нужно совершать послушание до самой смерти своего сурового старца, а потом

³²⁷ Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник... С. 109.

³²⁸ Архимандрит Гавриил Дионисиатский (†1983) — один из авторитетнейших старцев Святой Горы. Как духовник имел на Афоне непререкаемый авторитет. Монах Герасим Песнописец (†1991) был весьма почитаем на Афоне как духоносный старец.

³²⁹ Старец Ефрем Катунакский. С. 53–54.

уже продолжить жизнь по Преданию Церкви. Это сказал ему и отец Никифор: “Чадо мое, почему ты подталкиваешь меня к тому, чего я не могу сделать? Потерпи немного и после моей смерти делай все, что хочешь”. Так и получилось через двадцать три года (!), когда у него уже стали появляться свои ученики» — так оканчивается глава «Календарная проблема и послушание» в книге «Блаженный послушник»³³⁰. В жизнеописании отца Ефрема его ученики замечают, что после принятия им решения о том, что лучше остаться в послушании у старца (чем «бросить его и соединиться с Церковью»), «его, однако, не покидали муки совести и душевная боль. Он, получивший извещение воссоединиться со Вселенским Патриархатом, опытно познавший, что Церковь — прежде всего любовь, он, у которого при слове “Церковь” сердце подпрыгивало, как ребенок, много лет не обнимавший свою мать, он, считающий старца Иосифа и его братство самыми близкими людьми, перед которыми он преклонялся, — теперь он должен был все это оставить». Но, «к счастью, — как пишут ученики, — недолго его мучили эти сомнения. Он решил так: “Сердцем я буду всегда с Церковью, телом же, — не надолго, с зилотами, до тех пор, пока не закроются глаза моего старца”. Этим и утешился». Житие свидетельствует, что этого момента воссоединения с истинной Церковью отцу Ефрему пришлось ждать до 1975 года, то есть целых двадцать три года. «Он остался образцовым послушником, никому не подав соблазна ни в чем»³³¹, — торжественно свидетельствуют ученики старца.

---

³³⁰ *Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник...* С. 109–110.

³³¹ Старец Ефрем Катунакский. С. 54.

Но мы свидетельствуем, что это вовсе не так! Многие верующие весьма и весьма соблазнились, прочитав эту историю про послушание отца Ефрема, и соблазн этот будет распространяться, пока распространяется эта книга. У нас вышеописанный случай вызвал столько недоуменных вопросов, что из них одних мог бы составиться толстый том. Выскажем хотя бы основные.

Прежде всего, в этой истории нас удивляет вот что: отец Ефрем восхваляется как самоотверженный послушник своего старца — отца Никифора. И вдруг он и отец Иосиф вдвоем, «движимые сильной духовной ревностью», примыкают к крайней группировке «матфеевцев», затем смущаются, молятся и вновь возвращаются к «флоринитам». Но как видно, старец, *образцовым послушником* которого являлся отец Ефрем, не участвует в этих поисках и переходах своего ученика из одной «церкви» в другую. О каком *всецелом послушании* может идти речь, когда даже в вопросе о том, какая «церковь» есть истинная, у старца и ученика разные понятия? Каким образом ученик, оставаясь в «слепом» послушании у наставника, выполняя беспрекословно какие-либо внешние его указания, в то же время может находиться с ним в различных «юрисдикциях», считая ту, в которой остается старец, — предавшей Истину? Другое: отец Никифор становится старцем отца Ефрема по стечению обстоятельств, а вовсе не по выбору его, не через *искус*, как этого требуют святые отцы в том случае, когда ученик всецело предает свое спасение в руки другого. По всему жизнеописанию видно, что отец Никифор далеко не искусный монах, с тяжелым характером, часто действующий

по страсти, по человекоугодию (не желает возвращаться в Церковь прежде всего из-за соседей-зилотов, которые посчитают его предателем), не умеющий разрешить духовные проблемы своего ученика. Именно ради этого отец Ефрем прибегает к духовной помощи отца Иосифа, который, по сути, и является теперь его духовным руководителем. Однако когда предстоит наиболее ответственный выбор — решается вопрос о возвращении в истинную Церковь (то есть вопрос вечной жизни или вечной смерти), предпочтение отдается «несговорчивости упрямого отца Никифора», в то время как действительный наставник возвращается в лоно Церкви. Отец Ефрем, «много лет не обнимавший свою мать» Церковь, «считающий старца Иосифа и его братство самыми близкими людьми», «должен был все это оставить» ради «каприза» старца. При этом старец поставляется выше Церкви: «стоит выше церковноначалия». При выборе: «остаться в послушании у отца Никифора или бросить его и соединиться с Церковью» предпочтение отдается первому, и такой выбор восхваляется последователями старцев как пример «образцового послушничества»...

Как же так? Ведь главное условие для спасения каждого верующего — пребывание в лоне Единой Соборной Вселенской Церкви! По слову священномученика Киприана, «люди, не хранящие союза и приискренного общения с Церковью, хотя бы предали себя смерти за исповедание имени Христова, грех их не омоется и самую кровию: неизгладимая и тяжкая вина разделения не очищается даже страданиями. Находящийся вне Церкви не может быть мучеником, оставляющий

Церковь не может сподобиться Царствия»³³². «Оставляющий Церковь Христову лишает себя наград, предопределенных Христом: он для нее чужд, непотребен, враг ее. Тот не может уже иметь Отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь»³³³ и т. д. Не будем вновь доказывать основополагающее учение о Церкви, которое подробно излагается в каждом православном катехизисе. Неужели святогорские отцы забыли или отвергают эту истину? Но как это возможно? Первым делом, чтобы не допустить эту страшную мысль, читатель жития готов предположить, что в данном случае отцы, находясь во флоринитском расколе, не удалились далеко от истинной Церкви и все еще имели возможность спастись, что возвращение их к общению с Константинопольской Патриархией, другими поместными Церквями и остальными обителями Афона было лишь некоторой поправкой, возвращением к каноничным отношениям с остальным православным миром. Между прочим, когда некоторые верующие из Грузии, соблазнившиеся этой историей из жития старца Ефрема, обратились к афонским отцам (именно тем, которые являются прямыми наследниками школы помянутых старцев) за разъяснением, то получили ответ, что-де отец Ефрем и его старец, находясь у флоринитов, не были вне Церкви, поскольку группировка Хризостома Флоринского не находилась под церковным отвержением, это была все еще Апостольская Церковь. Но, соглашаясь

---

³³² Цит. по: Дьяченко Г., *протоиерей*. Уроки и примеры христианской веры: Опыт катехизической хрестоматии. М., 1998. С. 428.

³³³ *Киприан Карфагенский, святой*. Творения. Киев, 1861. Т. 2. С. 174–175.

на такое «разъяснение» вопроса, мы должны признать несостоятельными и бессмысленными как слова самих отцов (Ефрема и Иосифа) о своих поисках истинной Церкви, так и свидетельства и суждения самых близких их учеников, составивших житие старцев. Не подлежит никакому сомнению, что в жизнеописании старцев речь идет именно о вопросе возвращения их в истинную Апостольскую Церковь: «Сначала мне, а потом и старцу Иосифу было откровение о календарном соблазне, о том, что истинная Церковь в Константинополе, а не у клики так называемых зилотов. Тогда мы вернулись в Церковь», — говорит сам отец Ефрем. А старец Иосиф слышал голос: «Церковь находится во Вселенской Патриархии в Константинополе»³³⁴. Ученики отца Ефрема утверждают, что старцы «указанием Божиим... соединились с Церковью, и только тогда их души обрели покой»³³⁵. Иосиф Ватопедский свидетельствует, что когда отцы «оставили зилотов и вернулись в Церковь, тогда на деле познали силу благодати», а *покров, который мешал* прежде отцу Ефрему во время служения литургии разглядеть Божественную благодать, «пропал, когда он вернулся в живую Церковь», что «все убеждало их в том, что Церковь — именно там, где им было указано свыше», что отец Ефрем решил быть в послушании до смерти старца, чтоб «потом уже продолжить жизнь по Преданию Церкви»³³⁶, и т. д. Если допустить, что отцы Ефрем и Никифор все еще оставались в Церк-

³³⁴ Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник... С. 79, 108.

³³⁵ Старец Ефрем Катунакский. С. 52.

³³⁶ Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник... С. 109.

ви, то придется допустить, что слышимые ими голоса, видения, извещения были прѣлестными. Если вопрос не стоял столь серьезно, то откуда эти духовные терзания отца Ефрема, «муки совести и душевная боль»? Почему тогда говорится, что «стремление к благодати терзало ученика», что он «как ребенок, много лет не обнимавший свою мать» — Церковь — «должен был все это оставить»³³⁷?

Кроме того, если группировку Хризостома Флоринского и его последователей признать Церковью, то непонятно — кого же тогда можно и считать-то раскольниками? Вернемся опять к истории возникновения этого крыла зилотства: после введения нового календарного стиля в Элладской Церкви (1924) группа верующих (монахи и миряне, не имеющие, однако, в своих рядах какого-либо епископа), соблазнившись нововведением, отошла от церковного общения с Константинополем и поместными Церквями. Только в 1935 году к ним перешли трое греческих епископов (которые все эти девять лет служили по новому стилю): Хризостом Флоринский, Герман Димитриадский и Хризостом Закинфский. Они рукоположили четырех епископов, в том числе Матфея Вресфенского и Германа Кикладского. Тогда же, в 1935 году, церковным судом Элладской Церкви все эти епископы были низложены. В 1937 году среди зилотов происходит разделение, и Хризостом Флоринский вплоть до своей кончины (1955) остается совершенно один со своей паствой. После его смерти «флориниты» оставались без архиерея в течение пяти лет, когда группировкой управлял

³³⁷ Старец Ефрем Катунакский. С. 54.

«совет архимандритов». В 1960 году один из архимандритов — Акакий — отправляется в Америку и принимает архиерейскую хиротонию от двух епископов — Серафима Чикагского (представителя Русской Зарубежной Церкви, причем тот совершает хиротонию вопреки Синоду, который отказался признать последователей Флорина Церковью) и новостильного (!) румынского епископа Феофила. Затем Акакий вместе с епископом из Зарубежной Церкви Леонтием Чилийским (опять без согласия с Синодом Зарубежной Церкви) рукополагают других епископов. В 1974 году (за год до смерти отца Никифора и возвращения отца Ефрема в Церковь) это крыло раскалывается на три части, затем, год от году дробясь и дробясь, к 1996 году оно превращается в 11 группировок, происшедших от флоринского раскола, не общающихся друг с другом. Но вспомним категоричное слово святителя Василия Великого, внесенное Церковью в канонические правила: «...хотя начало отделения было вследствие раскола, но отступившие от Церкви не имели уже на себе Благодати Святаго Духа, так как преподание оной оскудело по пресечении преемства, и хотя первые отделившиеся имели рукоположение от отцов, и через возложение рук их получили духовное дарование; но отторгнувшись, сделавшись мирянами, не имея власти ни крестить, ни рукополагать, и не в состоянии были передавать другим благодать Святаго Духа, от которой сами отпали»³³⁸. Итак, все эти годы отец Ефрем за послушание сво-

---

³³⁸ См.: Книга Правил святых Апостолов, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец. ТСЛ, 1992. Св. Василия Великого, правило 1. С. 308–309.

ему старцу служил литургии в зилотской каливе, поминая лжеархиереев, лишенных благодати³³⁹. И это не такой вопрос, из-за которого стоило преслушаться старца?

Но опять возникает сомнение: находился ли отец Ефрем действительно в «слепом», в «образцовом» послушании у своего старца? Примечателен такой случай, описанный в житии: в каливе было трудно с водой, отец Ефрем решил сделать небольшую цистерну за кухней для дождевой воды. «Однако отец Никифор воспротивился», и «когда отец Ефрем начал убеждать его, тот как отрезал: “Дай мне сначала умереть, а потом делай что хочешь”. — “Ну и умирай, а я отпою тебя, на то я и священник”, — резко ответил обиженный отец Ефрем». Затем он одумался и стал каяться перед старцем в своих словах. Потом стал уже мягко уговаривать старца и наконец добился своего. Старец сказал: «Ну ладно, бери деньги и делай, что надумал». «Так, — продолжает житие, — несмотря на тысячу разных мелких препятствий... вода пришла на кухню»³⁴⁰. Значит, когда прикажут вылить стакан воды на пол, а затем ругают за это, надо явить послушание и склонить голову³⁴¹, а когда вопрос касается водопровода, — тут уж можно настоять на своем, то нажимом на старца, то уговорами. Такой вопрос можно решать, не откладывая до смерти старца, и не лишиться благодати за свое

³³⁹ Не беремся уже расследовать того, что может значить иерейское служение отца Ефрема у раскольников, и то, что рукоположен он епископом, который сам был хиротонисан архиереями, запрещенными Элладской Церковью.

³⁴⁰ Старец Ефрем Катунакский. С. 61–62.

³⁴¹ См.: *Иосиф Ватопедский, монах*. Блаженный послушник... С. 98.

упорство, а в вопросе о возвращении в Церковь нужно предпочесть *упрямство* старца, *слепое послушание*, иначе — за одно только промедление в этом благодать отойдет? Переход из одного раскола в другой — дело личное и дело совести, это можно не согласовывать со старцем, главное — его самого не тянуть за собой. И какие странные отношения между старцем и присным его учеником! Старец считает, что нужно оставаться с зилотами, но говорит ученику: «Чадо мое... Потерпи немного и после моей смерти делай все, что хочешь», то есть переходи в какую хочешь «церковную» группировку. Ученику свыше открыто, где истинная Церковь, но он ради внешнего спокойствия своего старца решается ждать, пока тот умрет вне Церкви, чтобы самому после того уже порвать с расколом и «этим и утешиться». Такое впечатление, что послушание ученика сводится только к внешней заботе о старце («Отец, позаботься о спокойствии твоего старца», — советуют почитаемые на Святой Горе духовники), к упокоению его старости. Для старца же важно только, чтобы ученик поухаживал за ним до смерти, остальное менее значительно. Правда, в житии приводится письмо отца Ефрема, в котором он рассказывает, как впоследствии вымолил своего старца из ада³⁴², но это ничуть не проясняет наши недоумения, скорее — порождает новые...

Но неужели это и есть то самое самоотверженное и духовное послушание, «послушание мудрования», которому «учит глубокая святогорская традиция»³⁴³?

---

³⁴² См.: Старец Ефрем Катунский. С. 83.

³⁴³ Там же. С. 53.

«НАДО ПОНИМАТЬ ДУХ ВРЕМЕНИ»

Теперь немного расскажем и о старце Иосифе Исихасте. Еще до прихода на Афон, находясь в миру, он много и с увлечением читал жития святых. Жизнеописания подвижников произвели такое впечатление на Франциска (мирское имя отца Иосифа), что он стал уединяться и проводить жизнь свою подвижнически, предаваясь, как мог, посту и бдению, в соответствии с доступными ему тогда понятиями. Бывало, он залезал на деревья и простаивал среди ветвей всю ночь в молитве, как столпник. Вообще, он старался подражать всем видам умерщвления плоти, о каких только читал в житиях. Прибыв на Святую Гору, Франциск остановился в Катунаках в общине старца Даниила, весьма почитаемого на Афоне духовного наставника. Сам геронда Даниил тогда еще был жив, и, как свидетельствует автор жития отца Иосифа (ближайший ученик его Иосиф Ватопедский), старец Даниил был «человек благочестивый, образованный, разумный, обладавший достаточным опытом подвижнической жизни, весьма любезно и по-доброму принимавший всех, кто к нему обращался». «Однако,— говорится в жизнеописании,— горячая ревность, с которой Франциск устремился к строжайшему подвижничеству в самых уединенных местах, не позволила ему надолго задержаться у старца Даниила». Он бродил

по Святой Горе в поисках уединенного места и таких подвижников, о которых читал в житиях. Он верил, что и в то время на Афоне должны были еще существовать «неизвестные, нагие, отрешенные от всяческих забот подвижники, занятые лишь молитвой и созерцанием». «Поскольку же юноше требовалась свобода, чтобы после необходимого исследования выбрать для себя наилучшего наставника, он не желал пока подчиниться кому-либо из живших там [в уединенных окрестностях Виглы] старцев, но предпочитал до поры до времени сохранять свою самостоятельность». Поэтому Франциск попросил одного старца позволить ему остановиться в принадлежащей тому келии, чтобы лучше обдумать свое будущее. Но Франциск не имел намерения избрать этого старца в свои наставники, он вручил старцу как вознаграждение за гостеприимство небольшую сумму денег из тех средств, что у него еще оставались. Однако старец не сдержал своего обещания и вскоре лишил нового насельника всякой свободы, как если бы тот и в самом деле стал уже его учеником. Старец часто отсутствовал, посещая другие обители, и, как замечает жизнеописание, «у юного подвижника было достаточно времени, чтобы подвизаться по собственному усмотрению». Старец обращался с Франциском грубо и даже жестоко. Юноша много и горячо молился в уединении. Однажды во время молитвы он испытал благодатное утешение, все его существо исполнилось света, и молитва потекла без всякого труда. После этого он ушел из Виглы и странствовал по различным пещерам, желая находиться все время в местах уединенных. Однажды в праздник Преображения

Господня Франциск поднялся на вершину Афона, где совершалась служба, и там встретил отца Арсения, который впоследствии стал его неразлучным другом и сподвижником. Отец Арсений был тогда уже монахом и жил в обители Ставропикита. Подвижники переговорили между собой и, найдя друг в друге взаимопонимание и согласие в отношении распорядка жизни, решили подвизаться вместе. Тогда они обратились за советом к старцу Даниилу из Катунак. Старец, убедившись в их добром расположении к духовным подвигам, не стал препятствовать им, однако спросил: «У вас есть наставник? Без благословения старца не бывать никакому успеху. Без этой печати отеческого благословения ни один духовный труд в нашей монашеской жизни не принесет плода. Поэтому я настаиваю, чтобы вы прошли через эту необходимую ступень, и тогда всей вашей жизни будет сопутствовать благодать Божия. Пойдите к какому-нибудь старцу, сколь бы простым он ни казался, и подчинитесь ему. А когда он умрет и вы своими руками опустите его в могилу, то унаследуете благословение Божие, которое будет вам сопутствовать и направлять к преуспеянию»³⁴⁴.

Немного отступим от повествования и отметим: нам это благословение старца Даниила кажется довольно странным! Он советует найти наставника, но не для того, чтобы учиться у него монашескому деланию, пройти школу смирения, научиться побеждать свои воли, а как бы для какой-то формальности, для «печати». Старца можно

---

³⁴⁴ См.: *Иосиф, монах*. Старец Иосиф Исихаст. Житие. Учение. «Десятигласная труба» и толкования на нее. ТСЛ; Валаам, 2000. С. 21–29.

избрать самого «простого» (под этим, конечно, надо подразумевать, что старец не обязательно должен быть искусным и опытным в преподавании духовного делания). Как видно, это не имеет большого значения: главное — «пройти через необходимую ступень», чтобы, грубо говоря, поставить «галочку», «печать» напротив пункта: «послушание проходили, благословение получили». Если брошюра отца Доримедонта убеждает нас, что «по всеобщему признанию святых отцов... мерой [послушания] является смерть»³⁴⁵ (то есть послушник должен быть готов даже на смерть ради послушания), то здесь видим «мерой», или пределом, послушания не *отсечение своей воли и своего мудрования* перед старцем, не смерть послушника, — но смерть самого старца (как бы невольно ожидаемую), дабы, заполучив благословение, получить и свободу на самостоятельные поиски и решения. Но, может быть, мы просто не понимаем духовную суть такого подхода к подвигу послушания, искажаем его?

Но вот, казалось бы, самое удобное для юных монахов было остаться в послушании у старца Даниила в его братстве? Однако в житии старца Арсения, сподвижника отца Иосифа, говорится, что хотя молодые иноки и признавали в старце Данииле богоносного отца, но, «поскольку чрезвычайная ревность по Богу препятствовала им участвовать в обычной общежительной трапезе, они не остались и там». Но ведь всегда прежде всего остального новоначальным категорически не рекомендуется самопроизвольно брать на себя

³⁴⁵ Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 28.

какие-либо высокие подвиги! Об этом так категорично и писал святитель Игнатий. Именно ради того, чтобы не подвизаться самовольно, и следовало бы вступить под руководство опытного наставника! Однако находим противоположное: юные монахи предпочитают свое понятие о подвиге руководству маститого афонского старца. Но продолжим повествование. После этого отцы обратились к великому исихасту Каллинику, который подвизался недалеко от исихастирия данилеев. Отцы Иосиф и Арсений просили опытного подвижника принять их в братство. Старец согласился, но его единственным советом было точное хранение послушания. «Да, буди благословенно, геронда, пусть будет так. Но скажите нам, как подвизаться», — согласились отцы. Тогда подвижник говорит им: «Если я научу вас своему искусству и вы вкусите меда безмолвия, то кто же будет тогда работать?» — «А как же быть?» — спросили юные монахи. Старец предложил: «Сейчас вы будете находиться в послушании, а когда я умру, получите в наследство мой дар». «Юноши посмотрели друг на друга: суровое слово». Отец Арсений говорил впоследствии, что «это было прикровенное указание нам, чтобы мы ушли»³⁴⁶. Но почему отцам показалось неприемлемым такое условие: находиться в *точном* послушании, не получая наставления в подвижничестве и безмолвии? Соглашаясь с мнением отца Доримедонта, для подвига отсечения своего мудрования и духовного совершенствования — такое положение надо было бы счесть идеальным? Но, как видно, отец Иосиф и

³⁴⁶ *Иосиф Дионисиатис, монах*. Старец Арсений пещерник, сподвижник старца Иосифа Исихаста. М., 2002. С. 29–31.

отец Арсений так не считали! Однако, как говорится в житии, «не послушаться» совета старца Даниила «было невозможно». Отцы продолжали поиск, и, как рассказывает в одном из своих писем отец Арсений, «наконец, мы нашли одного простого, доброго и беззлобного старчика, который дал нам благословение подвизаться, сколько в наших силах, и исповедоваться у того духовника, который нам наиболее подходит»³⁴⁷. Этим старчиком был отец Ефрем-бочар (рукоделием его было изготовление бочек), отличавшийся нестяжательностью, любочестием, неприхотливостью и блаженной простотой. Однако никак нельзя сказать, что отец Ефрем был по-настоящему наставником отцам Иосифу и Арсению. Уже из письма отца Арсения заметно, что их в этом *старчике* прежде всего то и устраивало, что он предоставил им свободу подвизаться произвольно. Это прослеживается и по жизнеописанию отца Иосифа. Старец Ефрем, оставшийся к тому времени один, очень радовался появлению двух учеников. Обращает на себя внимание то, что старец, видя ревность молодых людей, стал упорядочивать жизнь своей каливы, старался ограничить общение, меньше заботиться о физической работе. Когда же этот порядок нарушался из-за посетителей, то юные монахи начинали жаловаться старцу, и тот отвечал, что и ему это не нравится: «Но, — говорил он, — мне неудобно сказать им. Эта стеснительность мешает мне... Возьмите же инициативу на себя, и давайте будем хранить свое безмолвие...». Кроме того, из-за бочарного рукоделия бывала лишняя суета и досаждения от заказчиков, что мешало без-

³⁴⁷ *Иосиф Дионисиатис, монах. Старец Арсений...* С. 32.

молвию, вследствие чего возникало *разногласие*. В житии говорится, что «двое юношей, и особенно младший из них, будущий старец Иосиф, который уже обладал опытом и пламенем молитвы, не шли ни на какие уступки...». Отец Иосиф устроил себе невдалеке что-то вроде пещеры и каждый вечер удалялся туда для молитвы.

Из всего этого и многих других характерных деталей в житии складывается твердое впечатление, что скорее сам отец Ефрем был в послушании у своих учеников, чем они у него. По крайней мере, не вызывает сомнений, что в подвижничестве, безмолвии, молитве отцы не пользовались руководством старца, но сами подбирали себе подвиги, которые виделись им наиболее плодотворными. Наконец ученики предлагают старцу уйти на другое, более безмолвное место. Старец согласился, и они все трое перешли в скит святого Василия, находящийся на высоком, диком и уединенном месте. Но там не оказалось свободных келий, и отцы были вынуждены заняться строительством, что было весьма трудно в том месте. Старец Ефрем вскоре скончался, и, как повествует жизнеописание, «наши старцы, которые после отшествия их наставника могли отрешиться от всякой заботы, покинули свои сделанные на скорую руку каливы. Двое молодых подвижников, которым теперь не о чем было беспокоиться, все лето переходили с места на место и особенно часто заглядывали туда, где, как они слышали, в прошлом подвизался какой-либо добродетельный аскет»³⁴⁸. Так и хочется вместе с отцами глубоко вздохнуть и воскликнуть: наконец-то! — желанная свобода,

³⁴⁸ См.: *Иосиф, монах*. Старец Иосиф Исихаст... С. 30–37.

полученная законным путем! Далее в житии отца Иосифа говорится, что «с первых шагов своей подвижнической жизни старец мечтал о встрече с духовным отцом — человеком духовным в полном смысле этого слова, который обладал бы необходимым опытом и мог стать наставником и руководителем в этой столь сложной и таинственной жизни. Несмотря на все свои разочарования, отец Иосиф, по его словам, не переставал искать и надеяться. <...> Настойчиво продолжая свои усилия, они обошли все пещеры и каливы, не пропуская никаких следов древнего жилища или мест, в которых, согласно каким-либо свидетельствам, некогда жили подвижники»³⁴⁹. Наконец, отцы нашли некоего старца Даниила, истинного безмолвника весьма высокой духовной жизни. Отцы стали обращаться к нему за советом и за духовным утешением, но жили, как и прежде, в различных местах, стараясь хранить безмолвие. Далее в жизнеописании говорится много об аскетических подвигах старца Иосифа, о тяжких искушениях его, которые он преодолевает благодатью Божией, призываемой через пламенную молитву, преданием себя на волю Божию. Однако видим его чаще всего ратоборствующим со страшными врагами один на один, почти не имевшим человеческого пособия в духовном этом поединке...

Итак, мы убеждаемся, что и этот весьма ревностно устремленный к Богу подвижник не обрел наставника, который бы вел его легким и беспечальным путем всецелого послушания, учил тонкостям духовной жизни. Нигде в житии старца не видим того, что сам он действительно нахо-

---

³⁴⁹ *Иосиф, монах*. Старец Иосиф Исихаст... С. 47–48.

дился когда-либо в таком слепом и безусловном послушании, которому впоследствии столь категорично учил своих учеников. Из писем отца Иосифа видно, что очень многие, достаточно значительные в духовном отношении понятия складывались у него не скоро, путем многих ошибок, проб и горьких опытов. Так, он долгое время отвергал медицинскую помощь. Как писал отец Иосиф о себе в одном письме: «...с тех пор, как я стал монахом, сколько раз ни заболел — совершенно не заботился о себе. И никому не позволял позаботиться о телесном своем здоровье, а всю свою надежду возлагал на Безмездного Врача». «Я болею всю свою жизнь. И не лечился никогда. Настойчиво ем противопоказанное. И где смерть?» При этом отец Иосиф и других учил пренебрегать помощью врачебной науки, отговаривал употреблять лекарства, делать операции, настаивал иногда, чтоб больные употребляли в пищу то, что им было категорически воспрещено³⁵⁰. К счастью, по милости Божией, ради горячих молитв старца, также по вере в его слово тех, кому он давал эти указания, несчастья не произошло, и больные выздоровели. Однако сам отец Иосиф впоследствии признается в одном из своих писем: «Читал я письма святого Нектария [Пентапольского] и увидел, как внимателен был он к врачам и лекарствам, такой великий святой! А я, бедный отшельник, состарился в пустыне и хотел только верой исцелять. Теперь узнаю и я, что требуются и лекарства, и благодать». Теперь уже старец и сам лечится, и другим советует: «Позаботься помочь, сколько можешь,

³⁵⁰ См.: *Иосиф Афонский, старец*. Изложение монашеского опыта. ТСЛ, 1998. С. 120–123.

самому себе. Нажимай на аппетит: не ешь то, о чем ты знаешь, что оно вредно для твоего здоровья»³⁵¹.

Опять и опять вспоминаются слова святителя Игнатия: «Древним послушникам их духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию; ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям». Однако, по замечанию святителя, «современное иноческое жительство по Писанию и совету отцов и братий освящено примером главы монашества, преподобного Антония Великого», который «не был в послушании у старца, но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братий». Эти наблюдения святителя Игнатия находят точное отображение и подтверждение и в жизни отца Иосифа Исихаста. И хотя скитания, поиски, искушения иноков последнего времени (повсеместно, как мы убедились на множестве примеров) однозначно свидетельствуют и истинность, и значимость *заботливого предостережения* епископа Игнатия о том, что ныне, «по причине всеобщего духовного оскудения», подвиг «послушания старцу в том виде, в каком оно было у древнего монашества, не дан нашему времени», однако многие все еще не хотят признать этого. Не хотят они согласиться и с тем замечанием святителя Игнатия, что «духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени... основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов,

---

³⁵¹ *Иосиф Афонский, старец*. Изложение монашеского опыта. С. 197.

при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братьев», что это есть, по сути, «послушание древних иноков», только «приспособленное к нашей немощи, преимущественно душевной». Но беда, когда смеживаются глаза, не желающие видеть реальность времени, когда имеет место попытка искусственно сохранить одну только форму древнего подвижничества, в данном случае — только наименование «всецелого и слепого послушания», но без возможности наполнить ее вполне духовным содержанием. Тогда происходит искажение всего этого подвига, и многое, что когда-то имело глубочайший духовный смысл, превращается в нелепую формальность.

С подобными странными учениями о послушании сегодня приходится сталкиваться не только на Афоне, но и в Греции, и в России, и в Грузии. Один современный, весьма почитаемый отец Элладской Церкви, архимандрит Епифаний Феодоропулос, дает такой совет человеку, у которого возникли «проблемы с выбором старца»: «У тебя проблемы не со старцем, а с самим собой. Если бы все дело было лишь в духовнике, то ты бы вышел на дорогу, свернул направо, прошел сто метров, затем свернул бы налево, прошел еще пятьдесят метров, остановился бы и ждал. И первому встреченному тобой духовнику оказал бы полное послушание без рассуждения. Нам не столько нужны святые старцы, сколько святое послушание»³⁵². Тому же наставнику задают вопрос: «Геронда, что делать, если духовник требует от нас того, что противоречит Священному Писанию или святым

---

³⁵² Заветы жизни. Из жизни и учения архимандрита Епифания Феодоропулоса. М., 2005. С. 107.

канонам?». Почтенный старец отвечает: «Раз мы находимся под послушанием, то Бог не попустит, чтобы с нами произошло нечто худое». Затем отец Епифаний приводит в пример два случая из патерика о том, как «некий отец, взяв своего малолетнего сына, пошел с ним поступать в монастырь. Игумен обители, следуя посетившему его внутреннему извещению, дабы испытать послушание родителя, велел ему бросить ребенка в горящую печь. Но когда тот безоговорочно кинул дитя в печь, она немедленно погасла». И другой случай, подобный сему, когда отец (преподобный Мукий) готов был бросить своего сына в реку за послушание игумену. После этого отец Епифаний делает такой вывод: «Если оказывается послушание, пусть даже оно содержит в себе нечто противное закону Божию, как, например, убийство в описанных выше случаях, оно никогда не вызовет пагубных последствий»³⁵³. Но такое понятие разнится с тем, чему учил истинный старец последнего времени святой Паисий (Величковский), предлагая ученикам сверять ответы, данные им, «со Священным Писанием и истинным церковным разумом» и следовать советам этим только в том случае, если ученики не увидят в них чего-либо неправильного. Если же обнаружится, что он «в своих ответах как человек погрешил в чем-нибудь», то преподобный Паисий заповедует: «...вы моему погрешению не последуйте».

Святитель Игнатий также в одном из своих писем говорит о важности и необходимости послушания и отсечения своей воли. Ссылаясь на слово преподобного Нила Сорского, святитель Игна-

³⁵³ Заветы жизни... С. 108.

тий утверждает, что «непременно подобает монашествующему жить по преданию св<ятых> отцов: хотя мы и не можем сравниться с отцами, но непременно должны жителствовать в их направлении и стяжать с ними единение в духе». Затем святитель приводит как пример такого самоотверженного послушания ту же историю о преподобном Мукии, который был готов за послушание настоятелю бросить горячо любимого им сына в реку. Но при этом святитель Игнатий поясняет: «Чтоб действовать точно так, надо иметь благодать св<ятого> игумена с одной стороны и силу произволения Мукия с другой, но действовать в этом духе — необходимо»³⁵⁴. Архимандрит Епифаний же, хотя и оговаривается, что игумен дает такое распоряжение, «следуя посетившему его внутреннему извещению», но он не заостряет наше внимание на этом немаловажном условии, при котором только и может совершаться богоугодное послушание. Из поучения этого отца может составить мнение, будто подобное нарушение закона Божия не должно вызывать сомнения и сопротивления у послушника и в том случае, когда состояние наставника весьма далеко от совершенства, каким обладали древние отцы, даже когда наставником становится совершенно случайный человек («первый встречный духовник»). Сколько горя может принести (и приносит! — знаем это достоверно) такое слепое следование деланию древних отцов, без правильного воззрения на наше духовное обнищание, на нашу совершеннейшую ничтожность в сравнении с древними христианами, без учета

---

³⁵⁴ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 519. С. 745, 746.

тех неотложных условий, при которых только и возможно это высокое делание!

О случаях, подобных вышеописанной истории с преподобным Мукием, святитель Игнатий говорил: «Такие события — исключения. Созерцая их, мы поступим правильно, если будем удивляться смотрению и непостижимым судьбам Божиим, укрепляться в вере и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти события принимать в образец подражания»³⁵⁵. Он призывал: «**Надо понимать дух времени** и не увлекаться прежними понятиями и впечатлениями, которых в настоящее время осуществить невозможно»³⁵⁶.

³⁵⁵ Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 74.

³⁵⁶ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 503. С. 732.

«НЕ НАРИЦАЙТЕ СЕБЕ ОТЦА НА ЗЕМЛИ»

Итак, мы все более убеждаемся, как значителен, как важен сегодня *голос заботливого предостережения* святителя Игнатия, раздавшийся во второй половине XIX века, — в то самое время, когда попущением Божиим мир бодрым шагом вошел в эпоху отступления, эпоху лукавой подмены духа истины лестью и коварством. Сбывается предсказание апостола: ***Будет бо время, егда здраваго учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учителя, чешем слухом*** (2 Тим. 4, 3). Мы видим, как сегодня великое духовное таинство послушания — то есть взыскание ищущими спасения воли Божией и путей Божиих — подменяется слепым следованием падшей воле человеческой. При этом нам хотят внушить, что это одно и то же: главное — ради Христа «подчинить свою волю чьей-то еще», этого достаточно, дабы совершилось «чудо послушания».

В житии отца Ефрема Катунакского приводится его наставление: «Старец стоит выше церковноначалия, и если твой старец не разрешил тебя от своего слова, то вся Церковь уже не сможет этого сделать». В этих словах кроется серьезнейшая ошибка! Понятно, что вышеуказанные слова старца Ефрема подразумевают случаи, подобные тому, какой рассказывает святой Феодор Студит в своих «Огласительных поучениях». Согласно

свидетельству преподобного Феодора, некий старец запретил своему ученику вкушать хлеб, доколе тот не исполнит некоторое послушание. Но в то время как послушник исполнял повеленное ему, старец скончался, так что наложенная епитимья осталась неразрешенной. И никто из отцов не посмел разрешить связанного запрещением. Но как он, связанный на земле, был связан и на небе, то даже Патриарх Константинопольский — святитель Герман — вместе с Собором не посчитали возможным снять эту епитимью, так что монах вынужден был пребывать до смерти без вкушения хлеба и питаясь лишь овощами³⁵⁷. Однако никоим образом из этой истории не следует вывод, будто «старец стоит выше церковноначалия». Как уже говорилось, высшая и совершенная форма послушания подразумевает то, что послушник ожидает из уст старца слышать веления Божии. Почитая старца своим святым, подвижник должен верить, по слову святого Иоанна Пророка, что «Святый Дух не может солгать, вещая, как Ему угодно, устами святых Своих... Если же не верует, что Бог говорит устами вопрошаемого, то таковой считается неверным и давно уже осужден»³⁵⁸. Понятно, что такие совершенные отношения как требуют всецелой самоотверженности от ученика, так и налагают высочайшую ответственность на старца, которому явлено столь глубокое доверие. В таком случае запрет или повеление старца воспринимается не как человеческое произволение, но как

³⁵⁷ См.: *Феодор Студит, преподобный*. Огласительные поучения и завещание. М., 1998. С. 133–134.

³⁵⁸ *Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные*. Руководство к духовной жизни... Ответ 379. С. 260.

воля Божия: «связанный на земле» старцем «был связан и на небесах». Если бы отцы или Патриарх с Собором дерзнули отменить запрещение старца, то этим посягнули бы на самый основной принцип послушания, когда за избранным наставником видится сам Бог. Сама Церковь, установившая этот священный закон, конечно же, не станет его отменять: однако это не означает, что старец может иметь авторитет больший, чем Церковь или церковноначалие. Ведь и благодать учительства, и дар руководства ко спасению подаются только в самой Церкви! Апостол свидетельствует: **иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями** (1 Кор. 12, 28), указывая на то, что дары эти даются именно в Церкви Христовой. Новомученик Михаил Новоселов пишет, что мудрость и ведение «никому не дается полностью и никому не дается лично, потому что лично мы ничего собственного, своего, не имеем, кроме греха. Дается ведение только по мере участия в Церкви, потому что ведение само принадлежит только ей одной, Церкви Христовой, получившей с самого начала все в полностью»³⁵⁹. Кроме того, слова отца Ефрема отнесены к старцу, который находится вне Церкви. При этом ученику его «свыше» было открыто, где истинная Церковь, было *свыше* указано и то, что необходимо в нее вернуться. Но старец требует, чтобы послушник отошел от Церкви, вернулся в раскол, дабы упокоить его старость. Здесь человеческое

---

³⁵⁹ Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994. С. 138. Здесь автор писем заимствует рассуждения Ю. А. Колемина из его брошюры «Авторитет в вопросах веры» (Сергиев Посад, 1915).

явно предпочтено Божиему, это и есть как раз тот случай, когда наставник *приводит вверенную ему душу к себе, а не ко Христу*. Здесь отвергнуто наставление отцов: «...хотя бы и весьма был известен или чрезмерно славен препятствующий исполнять заповеданное Господом, или советующий делать запрещенное Им, всякий любящий Господа должен такового бегать и гнущаться им»³⁶⁰.

Заметим, что в сравнении с понятиями о старчестве современных афонских отцов святитель Феофан Затворник придерживался гораздо более скромного определения того, что «подлежит ведению» старцев в современных ему обителях. Так, давая советы некоему старцу, святой отец пишет: «Об обязанностях старчества я всегда был той мысли, что сюда относится только откровение помыслов и смущения и разрешение их, или, лучше,— разъяснение, как быть. Коль же скоро из того, что открывает брат старцу, нечто встретится такое, что требует исповеди и таинственного разрешения, то в этом надо отсылать к духовнику... Говорите: “Старцу приходится разрешать, наказывать”. Мне думается, что старцу не следует ни разрешать, ни наказывать. Его дело рассудить и определить состояние ученика, разъяснить ему, как дошел до худа, и указать способ, как на будущее время избежать этого, и как погасить страсть, от которой произошло дело, и — помолиться. Старец — советник, а не судья и не каратель. Его дело — пожалеть и воодушевить, предав брата благодати Божией... Разрешение старцево не имеет разрешительной силы, свойственной таинственному

³⁶⁰ Василий Великий, святитель. Творения. Ч. V. С. 228.

разрешению. Это принадлежит духовнику... Какую имеет силу старчество? — Великую и превеликую, только вся она не юридического свойства, а нравственного — советы, разъяснения, воодушевления, молитвы. Долг старца, чтобы всякий ученик отходил от него как бы обмытый, как бы искупавшись...»³⁶¹.

Отец Доримедонт опасается, что, «гиперболизируя мнение и опыт святителя Игнатия и отвергая все противоречащие им мнения и опыт святых отцов», можно развить «“богословие непослушания” — протестантское по своей духовной сути»³⁶². Но ведь не менее опасно и учение о послушании, которое проповедуется в вышеуказанных жизнеописаниях афонских старцев! Здесь уже и без «гиперболизации» читатель втягивается в духовный «папизм» по отношению к наставникам. Действительно, проблема того, как узнавать и исполнять волю Божию ради обретения истинно духовной жизни и спасения души, весьма схожа с проблемой разрешения вопросов веры и догматики. Например: в Церкви поднимается какой-то спорный немаловажный вопрос, касающийся вероучения или каноники (что, впрочем, тесно связано). При этом некоторые «батюшки» ревностно утверждают одно, другие, не менее категорично, — противоположное. И те и другие сыплют цитатами, составляют длинные послания, энергично мечут с амвонов острословесные стрелы обличений в адрес инакомыслящих... Что же делать простым верующим, особенно — «некнижным»? Неужели и им обложиться богословскими

³⁶¹ *Феофан, епископ. Письма // Душеполезное чтение. М., 1896. С. 224–226.*

³⁶² *Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 5–6.*

трудами и погрузиться в догматические расследования? Но смогут ли они рассудить в своей простоте, опираясь на одни только умозаключения, кто же прав? Как же быть: и та и другая сторона излагает, казалось бы, самые убедительные доводы, — где же Истина, как узнать ее? Многие считают, что в таком случае надо слепо довериться своему батюшке или архиерею, — это надежнее, чем изыскивать правду самому, да и спроса никакого с простого человека в данном случае быть не может. А если дело дойдет до раскола? Как, например, при патриархе Константинопольском Нестории? Он был законным патриархом, человеком весьма ученым, ревностным гонителем еретиков и вдруг начал сам учить ереси: и каждый верующий встал перед необходимостью выбора, обязан был каким-то духовным сокровенным чувством отличить правду от лжи, противостать даже своему архиерею, дабы не оказаться в числе отступников и богохульников. А сколько было в истории Церкви таких трудных периодов, когда почти каждый христианин, желающий сохранить верность Православию, принужден был пройти стезею мучительных поисков, недоумений, нередко — путем падений и восстаний! Но тогда как раз и испытывалась, и очищалась их любовь к Истине, тогда сердца их обучались узнавать голос истинного Пастыря и следовать за Ним (см.: Ин. 10, 4). Кто-то скажет: в таком случае надо было бы дожидаться решения соборного, и все прояснилось бы. Но ведь не всякий Собор церковный может узнать Истину, — и Соборы бывают «разбойничьи»³⁶³. Казалось бы, как было бы

³⁶³ К примеру, «разбойничьими» соборами называют Эфесский собор 449 г., Третий Сирмийский 357 г., Иконоборческий собор 754 г. и др. — *Ред.*

просто, если бы в Церкви был какой-то неоспоримый авторитет (человек или собрание), который мог бы гарантировать, что он непогрешимо способен открыть нам Истину, избавляя от всяких недоумений! Но неужели такого авторитета нет? «Нет! — говорит весьма почтенный богослов Русской Церкви, новомученик Михаил Новоселов, — в Церкви Христовой нет того кощунственного, богохульного, противохристианского и безнравственного начала, что называется авторитетом в вопросах совести и веры. Вся она, Христова Церковь, является **непогрешимой**. <...> Она сама, в цельности своей, исполняет одно непрерывное учительство... И ею руководит высший Разум, Сам Дух Святый, защищающий ее от всякой заразы, против которой никто из нас в отдельности не гарантируется, против которой не гарантирует даже Собор. Потому что непогрешимость вовсе не принадлежит Собору, а **всей** Церкви Христовой, свидетельствующей о себе на Соборе. Каждый из нас имеет истину лишь в меру своего участия в Церкви»³⁶⁴. Известный современный греческий богослов Панайотис Бумис говорит: «...истина пребывает в Церкви, в этом нет сомнения. <...> ...Сегодня на земле, во всей вселенной непогрешимым законодателем, учителем и судьей является Церковь, этот богочеловеческий организм Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Итак, когда Церковь высказывается как одно целое, высказывается непогрешимо». Но, как замечает богослов: «Здесь возникает следующий важный вопрос: *когда* Церковь высказывается как одно целое? Ответ прост и известен: когда она высказывается и принимает решения *на Вселенском Соборе*.

³⁶⁴ Новоселов М. А. Письма к друзьям. С. 136.

Этот простой и, вероятно, известный ответ — не так уж и прост в своем осознании и особенно в своем воплощении. Каким образом Вселенский Собор (разумеется, после того, как он будет признан *Вселенским*) выражает полноту Церкви и почему представляет всю Церковь? Чем это достигается? <...> Во-первых, Вселенский Собор составляется из всех правящих иерархов Церкви. Они в свою очередь представляют всех живых христиан своих епархий, а все вместе они представляют полноту *воинствующей и борющейся* Церкви на земле, т^есть *видимую Церковь*. Однако, чтобы составить Вселенский Собор и представлять *всю Церковь*, иерархи должны представлять не только живых христиан, но и почивших. Иными словами, они должны представлять и *на небесах торжествующую* Церковь. Но как это возможно? Это непременно исполняется, когда епископы выражают мнение усопших. Лучше сказать: когда они согласуются с мнением почивших, когда они согласны с мнением Церкви торжествующей, невидимой. <...> Но и этого недостаточно. Созванному Вселенскому Собору надлежит быть признанным Вселенским также и полнотой воинствующей Церкви. Решения Вселенского Собора должны быть приняты как непогрешимые, хотя бы молчаливо, всей Церковью, живущей на земле. Такое заключение будет еще более надежным, если следующий Вселенский Собор, подтвердив правоту принятых решений и засвидетельствовав их повсеместное и единодушное принятие сознанием Церкви, утвердит эти решения. Таким образом Вселенский Собор бывает непогрешимым законодателем, ав-

торитетным судьей»³⁶⁵. Как говорится в современном учебнике церковного права, «чрезвычайно труден вопрос о церковном принятии, о рецепции постановлений Соборов, и в связи с этим о критериях вселенскости Собора. Из истории хорошо известно, что некоторые из Соборов, не признаваемые Вселенскими или даже прямо осужденные как разбойничьи, по числу представленных на них поместных Церквей не уступали Соборам, признанным Вселенскими... <...> Не раз в истории Церкви на стороне истины было меньшинство, а большинство христианское отвергало ее. В действительности внешних критериев для однозначного определения вселенскости Соборов, конечно, нет, ибо нет внешних критериев абсолютной Истины»³⁶⁶. Другими словами, Дух Святой дышит, живет в Церкви, являет Истину чадам ее. Но чтобы узнать Истину, чтобы коснуться жизни в Духе, необходимо искреннее стремление к Духу, чистосердечное взыскание Истины. И всегда в Церкви будут обретаться такие ревностные искатели: ***врата адова не одолеют ей*** (Мф. 16, 18). Однако нет и не может быть какого-либо внешнего гаранта, какого-то «инструмента», с помощью которого можно было бы «вычислить» Истину. Святой новомученик Михаил Новоселов говорит, что мы всегда можем узнавать Истину, но «не по мере нашего мозгового разума, который воспринимал бы от юридического авторитета диалектические вероопределения, а по мере нашей сердечной веры

³⁶⁵ Бумис П. Непогрешимость Православия. Критерий основания и единства. М., 2001. С. 11–13.

³⁶⁶ Цытин В., протоиерей. Церковное право: Учеб. пособие. М., 1996. С. 193.

и нашей сердечной любви. Молитесь! И сами имейте веру и любовь, тогда и учения неправильного не примете от самозванного учителя»³⁶⁷. «Дух Божий не отвлеченность. Он существует и проявляется; Он говорит и действует. Ищите Его добросовестно, ищите Его всегда, и вы узнаете Его между всем (что не есть Он). Если же, в утомлении, вы возмните актом внешнего подчинения удовлетворить гласу вашей совести, которая хочет, чтобы все ваше существо прониклось истиной, Дух Божий уклонится от вас, и вы очутитесь перед каким-нибудь идолом»³⁶⁸.

Что-то подобное произошло с папистами. Латинский догмат о непогрешимости папы подменяет собой понятие *кафоличности, вселенскости* Церкви: Церковь из живого организма превращается в организацию, живое общение с Истиной подменяется каким-то договором, горение Любви — какой-то куплей, при которой благоволение Божие можно снискать внешними подвигами, в том числе послушанием, подчинением, доверием некоему лицу, которое как идол подменяет собой Бога. Сложный, глубокий духовный процесс, затрагивающий самые сокровенные глубины духа человека, вымеряющий все потаенные уголки души его, заменяется каким-то внешним, «юридическим контрактом» с Богом, посредством лица, якобы самого доверенного Ему. Но поиск душою Бога, горение и страдание любви ее, отчаянную борьбу между стремлением к Вечной Красоте и тягой к тленному покою и наслаждению, совершающуюся во глубинах сердечных каждого христиа-

³⁶⁷ Новоселов М. А. Письма к друзьям. С. 139.

³⁶⁸ Там же. С. 150–151.

нина, — невозможно подменить умовым просчетом или одним внешним строгим исполнением предписанных правил. Душа необходимо должна болеть и страдать, поскольку путь к Богу — это путь Любви, проходящей через очистительный огонь испытаний. Образ этого «мучения Любви» видим в Книге Песни песней Соломоновой, в душевных терзаниях Иова Многострадального. Это «мучение Любви» как красная нить пронизывает собой все духовные поиски и страдания вышеупомянутых нами отцов-подвижников: и Серафима Саровского, и Паисия (Величковского), и Зосимы (Верховского), и Льва Оптинского, и Силуана Афонского, и Иосифа Исихаста, и самого святителя Игнатия. Но всегда в нашей душе таится лукавое стремление узнать Истину, достичь вечности, войти в Царствие Небесное без этих тяжких внутренних поисков, без горячности Любви, в обход всякого рода испытаний. Таится желание: духовный труд, духовную брань, когда **слово Божие** как меч обоюдоострый должно пройти **даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов** (Евр. 4, 12), заменить душевным покоем, беззаботностью, оставив другим эти поиски, — самим же, закрыв глаза, сбросив с себя всякую ответственность, поехать на плечах какого-нибудь «старца» неведомо куда. Вспомним слова преподобного Серафима Саровского, сказанные им монаху, желавшему отдать себя в полное послушание старцу: «Ты хорошую взял мысль всецело подчинить свою волю воле другого, но посмотри, чего ты хочешь: хочешь ты, чтобы тебя, как свечу, поставили в светлый, крепкий фонарь, где ты безопасен от ветра, и несли тебя бережно; или хочешь ты, чтобы через реку

перевез тебя надежный челн?.. Сам умеи укрываться от ветра, чтобы не потух пламень; сам борись с волнами, чтобы перебраться за реку»³⁶⁹. Конечно же, святой Серафим не отвергал «краткий путь на небо» — святое и самоотверженное послушание, но сказал это, заметив в душе монаха то самое желание найти покойный и расслабленный способ спасения души, стремление избежать духовной борьбы, которое прикрывалось только *желанием* самоотвержения.

Вышеуказанное учение о «слепом послушании» предлагает нам не живое общение с Богом, не послушание Духу, а как бы договор: «Господи, я буду во всем слушаться какого-нибудь человека, пусть даже недуховного, неискусного, буду считать его *духовным старцем*, а Ты прими все это как относящееся к Тебе Самому». При этом нас убеждают, что «не имеет значения, кто является старцем», на его месте может оказаться «заменяющий его брат», а то и вовсе первый встречный духовник. К тому же, «даже если повеление старца ошибочно, Бог ради послушания повеление это обратит в душевную пользу», «живущего в послушании эта ошибка [старца] приведет к добру, а не ко злу» и т. д. Но вспомним: «что бывает оказываемо лжеучителям, возносится к самому антихристу, и которые их приемлют, приемлют самого диавола», по слову святого Симеона Нового Богослова. Спрашивается: ошибка — это ведь всегда большая или малая, но **ложь**, в данном случае это, скорее всего, ложное понимание воли Божией, неведение путей Его или искажение их? Неужели

³⁶⁹ Цит. по: Концевич И. М. Оптиная пустынь и ее время. С. 151.

же последование лжи может приводить к Истине? Тогда выходит, что духовная жизнь — это не какой-то действительно глубокий, реальный, затрагивающий все силы человека процесс, не стяжание Духа Святого, не усвоение благодати, а лишь условность? Мы можем не иметь опыта духовной жизни, не быть причастниками духовного процесса внутреннего перерождения, все это лишь *вменяется* нам за доверие человеку, которого мы мним духовным? Вспомним слова святителя Игнатия, точно указывающие суть и смысл этого подвига: «Истинное послушание — послушание Богу, единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо. <...> Если же руководитель начнет искать послушание себе, а не Богу, — не достоин он быть руководителем ближнего! Он не слуга Божий! — Слуга диавола, его орудие, его сеть!»³⁷⁰. Как раз от опасных крайностей, подобных вышеуказанным, так предусмотрительно остерегал святитель Игнатий последнее монашество. Не случайно святитель так часто призывает наставников к смиреннейшему воззрению на свой подвиг, требует от них крайней осторожности и недоверия себе, дабы не повредить наставляемому: «Послужим ближнему, — пишет он некоторому настоятелю, — в служении нашем, не как отцы чадам, но как рабы господам, как непотребные слуги святым Ангелам. <...> Не будем мнением присваивать себе Божие: от нашего мнения Божие не сделается нашим... Когда же смиримся, то Бог Свое может нам

³⁷⁰ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 159. С. 303.

дать; тогда оно точно сделается нашим по благодати. Таким образом святые, соделавшись сосудами Святаго Духа, соделались и отцами в Духе, имели чад в Духе. Заповедь Христова: **не нарицайте себе отца на земли, ни учителя на земли** [см.: Мф. 23, 8–10] оставалась нерушимой. <...> Но мы, не имеющие в себе явного обитания Духа, можем ли присваивать себе то, что дает только Бог. Не страшное ли это святотатство! <...> ...Тогда исполняют обязанность свою наставники, когда они ищут, чтоб в душах, приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. <...> Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодействуют»³⁷¹.

Сам святитель являет нам образ смиреннейшего Пастыря, истинного старца, который желает всецело умалиться в глазах своих учеников, дабы приверженность к наставнику не отвлекала сердца их от искомого ими Господа, он считал себя скорее слугою тех, кто просил его помощи, нежели пастырем или руководителем. Так, некий брат обратился к нему с просьбой: «Возьми меня, добрый пастырь, и причти к овцам твоего стада». Святитель Игнатий писал ему в ответ: «Прими меня, ближний мой, в услужение тебе на пути твоём ко Христу. Так отвечать научает меня святой апостол Павел. Он написал коринфянам: **не себе бо проповедаем, но Христа Иисуса Господа, себе же самих рабов вам Иисуса Господа ради** (2 Кор. 4, 5). Не себя проповедую! Нет!.. Сохрани Боже!.. Пусть стою в стороне! Так стоять, извещается моему

³⁷¹ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 155. С. 256–257, 258.

сердцу, приятно ему. Довольно, если указывая тебе на Мессию, сподоблюсь говорить: **Се Агнец Божий, взявляй грехи мира** (Ин. 1, 29)... <...> Исполним слова Господа, Который повелел ученикам Своим: **Не нарицайте учителя, не зовите отца на земли, не нарицайте наставницы: вси же вы братия есте** (Мф. 23, 8–10). Соблюдаем взаимную мертвость, говоря друг о друге Богу: “Твое Тебе,— и да пребывает Твоим”!³⁷² Тому же искреннему ученику своему святой отец писал: «Я не доверяю никому так мало, как самому себе; не страшусь никого более, как самого себя. Кто я, чтоб вести к Богу душу человеческую, созданную по образу и подобию Его? Моя душа заблудилась в пустыне, увязла в тимении. На заботы об ней нужно мне употребить краткое время моего земного странствования. Таков я пред моими очами...»³⁷³. Как видно из писем святителя, он всегда руководил тех, кто доверялся ему, с великой осторожностью, благоговейным страхом, чаще всего на уровне совета: «Знайте,— пишет святитель Игнатий некой инокине,— что я не присваиваю себе никакой власти над Вами, но, подавая Вам совет, предоставляю Вашей воле, исполнить его, или не исполнить. <...> По прочтении этого письма рассмотрите, какое ощущение будет в душе Вашей. Если прольется в нее мир и спокойствие, то знайте, что сказанное Вам сказано о Господе; совесть Ваша будет свидетельствовать, что сказанное о Господе должно исполнить, хотя бы исполнение сопряжено было со скорбию»³⁷⁴. «Если Господь

³⁷² Там же. Письмо 159. С. 303.

³⁷³ Там же. Письмо 157. С. 287.

³⁷⁴ Там же. Письмо 88. С. 168–169.

влагает Вам в сердце послушаться грешного моего совета, то и я, уповая на Господа, умудряющего младенцев, не отказываюсь Вам служить...»³⁷⁵. В другом письме он говорит, что путь, по которому идут желающие спасения, «всегда был тесен и прискорбен, но ныне еще прибавилось на нем неудобство — недостаток в хлебе. Этот недостаток так велик, что многие, заметив в моей сумке несколько заплесневелых кусков, просят, чтобы я ими поделился. И делюсь... Прошу Вас считать такими слова мои и не связываться ими, а если захотите быть связаны ими, то свяжитесь, и милосердный Господь, по вере Вашей, силен извести Вас на свободу...». Показательно, что здесь же святитель Игнатий советует инокине прочесть эти письма его к ней отцу Исаии, «как делателю, имеющему опыт, чтоб *при устах двух свидетелей стал пред вами твердым всяк глагол* [ср.: Мф. 18, 16], произнесенный о Господе»³⁷⁶. Опять и опять — осторожность и недоверие себе!

Удивительный пример того, как смиренно, как сдержанно должен смотреть наставник на подвиг руководства ко спасению доверившейся ему души, находим в словах схимонахини Ардалионы, духовной матери игумении Арсении (Себряковой). Мать Арсения, принявши настоятельство над обителью, боялась, что это новое послушание удалит ее от дорогого ее сердцу безмолвия и от самой ее духовной наставницы. Старица Ардалиона, видя ее взволнованной, говорила: «Ты не можешь свободно действовать в том мире, где ты видишь, что

³⁷⁵ Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 115. С. 203.

³⁷⁶ Там же. Письмо 79. С. 158.

меня уже нет, потому что боишься отклониться от меня и моей жизни. Я же вижу, что хотя поддерживаю твой дух, но мешаю тебе жить. А что мешает нам на пути, от того надо отречься, хотя это будет единомышленный друг или даже наставник»³⁷⁷. Сама матушка Арсения позже говорила о своих духовных дочерях: «В руководителе всегда хочется видеть твердый жезл, на который во всякое время можно было бы опереться. Но этого я не могу и даже не хочу дать. Довольно того, если руководитель укажет, где искать, где найти этот жезл, и блаженна душа, если найдет его, этот непоколебимый жезл опоры, в едином крепком и никогда неизменном, вечно живущем Господе»³⁷⁸.

---

³⁷⁷ Путь немечтательного делания... С. 67.

³⁷⁸ Там же. С. 296.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Да не покажется читателю, будто в этом нашем труде мы пытались доказать, что послушание как духовное делание уже потеряло свою необходимость или значимость для ищущих спасения в наши дни. Скорее обратное: вникнув в суть этого подвига, мы яснее увидели и важность, и глубину, и красоту его! Также пусть читатель не подумает, что мы имели цель сосредоточить внимание на слабостях отцов последнего времени, обличить их в своеволии или непослушании и таким образом извлечь из их жизнеописаний оправдание собственному самочинию. Нет, мы стремились показать, что путь, ведущий к Богу, не укладывается в гладкие, просчитанные умом формулы, не поддается сухому логическому анализу, какой-либо упрощенной схеме. Мы попытались раскрыть то, что всякое духовное делание совершается на уровне тончайших сердечных изысканий, на глубине *разделения души и духа* (Евр. 4, 12), что всегда соединено со многими мучительными поисками, страданиями, обретениями и разочарованиями. Мы не согласны с таким подходом к выяснению духовных вопросов, когда из-за сложности разрешения их пытаются упростить, свести к какой-то удобопонятной формулировке, этим искажая самую суть проблемы. Чаще всего при таком упрощении таинственное и глубокое учение

не делается яснее, а, напротив, порождает новые и новые недоуменные вопросы. Как мы увидели на примерах из жизни многих отцов последнего времени, путь послушания и самоотвержения, поиск воли Божией, духовные взаимоотношения наставников и учеников в Церкви гораздо сложнее, возвышеннее, богаче, глубже, значительнее, чем это может представляться при поверхностном взгляде. Подвиг этот никак не вмещается в примитивной формуле «подчинения нашей воли чьей-то еще»³⁷⁹.

Наш современник, известный духовный наставник архимандрит Рафаил (Карелин) пишет о послушании: «В наше время возникло мнение, что необходимо отдать полностью свою волю избранному священнослужителю. Послушание и отдача воли — это не одно и то же. Слушают учителя, слушают родителей, но не отдают им своей воли, то есть главного свойства богоподобия — свободы выбора». Отец Рафаил замечает: «Не надо забывать и о различии между нашим временем и теми золотыми веками подвижничества, когда были созданы патерики. Древние монахи уже прозорливо видели духовное оскудение, которое постигнет христианский мир. Они говорили: “Мы исполнили заповеди. Те, кто будут после нас, исполнят половину, а те, кто будут жить в последние времена, — ничего не исполнят, но на них придут скорби и искушения; а те, кто выдержит их и сохранит веру, будут больше нас и отцов наших”. Еще отцы, жившие в древние времена в атмосфере благочестия, говорили: “Мы подобны людям,

³⁷⁹ См.: *Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия...* С. 21.

плывущим по течению реки, а в последнее время люди будут подобны тем, кто плывет против течения”. Поэтому нельзя предъявлять одни и те же требования к старцам и послушникам, которые жили в древности, и к современным христианам. Страницы древних патериков, которые мы читаем, благоухают, как цветы Фиваиды и Нитрии, но подвижнический опыт монахов Египта, заключенный в них, не может быть в настоящее время правилом для отношений паствы к духовному отцу. Этот опыт может только остаться духовным идеалом, предметом восхищения, но не копирования: это звезды, к которым мы не можем дотянуться рукой, хотя и любимся их красотой»³⁸⁰. Преподобный Иоанн Лествичник в слове «О послушании» после описания высокого подвига древних послушников говорит: «Удивляться трудам сих святых дело похвальное; ревновать им спасительно; а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное»³⁸¹.

Уже в первые века христианской эры Господь открыл святым отцам то бедственное состояние, в котором будут находиться монахи в последние апостасийные времена. Нет сомнения, что им было открыто именно то, что переживаем мы сегодня. Так, преподобный Антоний Великий предсказывал духовное состояние последних монахов, их увлеченность миром, богатством, роскошью. Святой

---

³⁸⁰ Рафаил (Карелин), архимандрит. О послушании монахов и мирян: [Статья]// Архимандрит Рафаил (Карелин): Официальный сайт (<http://karelin-r.ru>).

³⁸¹ Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово 4:42. С. 51.

отец предсказывал, что иноки эти будут напыщены гордостью, внешним знанием, но будут чужды добрых дел: любовь иссякнет, вместо воздержания явится угождение чреву и т. п. При этом многие из них будут «лучше и совершеннее», «блаженнее» древних отцов, поскольку будут удерживаться от греха, несмотря на то, что не будут видеть вокруг себя добрых примеров, подобно Ною, Аврааму, Лоту и другим, которые проводили святую жизнь посреди нечестивых³⁸². То же самое предсказывал и святой Нифонт Цареградский: «...в последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими отцов, прославившихся знамениями; потому что тогда никто не будет делать пред глазами человеческими чудес, которые бы воспаляли людей и побуждали их с усердием стремиться на подвиги. Занимающие престолы священства во всем мире будут вовсе неискусны и не будут знать художества добродетели. Таковы же будут и предстоятели монашествующих, ибо все будут низложены чревоугодием и тщеславием и будут служить для людей более соблазном, чем образцом, посему добродетель будет пренебрежена еще более...»³⁸³. Преподобный Пахомий Великий видел монахов последних времен в какой-то очень глубокой, крутой и мрачной

³⁸² См.: Отчник... С. 41–42.

³⁸³ Из жизни святого Нифонта Цареградского. Ответ 4 // *Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные*. Руководство к духовной жизни... С. 482–483.

яме: «В этом рву ходили в бесчисленном количестве иноки, не различая один другого и наталкиваясь друг на друга. Некоторые делали страшные усилия, чтобы выйти из этого рва. Одни успевали достигнуть половины глубины, но потом стремглав падали. Другие скатывались вниз, когда уже успевали достигнуть самых верхних пределов рва. Многие от слабости падали. Многие жалостно взывали о сострадании. Некоторым удавалось, наконец, добраться до самой верхней точки этой бездны, до самого отверстия...». Затем Господь открыл преподобному Пахомию, что «настанет время, когда вера ослабеет и пороки усилятся. Нерадение и пристрастие к чувственным благам будут отличительными чертами иноков того времени. Духовный мрак усилится... Истинных подвижников станет очень мало. Они не будут иметь руководителей и должны будут сами себя возбуждать к деланию добра и удалению от зла. Конечно, их подвиги будут иметь мало цены по сравнению с подвигами первых монахов. Однако они получают награду наравне с первыми, потому что им придется немало страдать, перенося тяжелые для иноков условия современной им жизни...»³⁸⁴.

Как наивно звучат на фоне этих древних пророчеств слова современного инока: «...предание послушания³⁸⁵ может быть восстановлено в любую, даже самую страшную эпоху, даже “на заре третьего тысячелетия”. Для восстановления по-

---

³⁸⁴ Палладий (Добронравов), епископ. Великое светило Египта. Полное жизнеописание преподобного Пахомия Великого. М., 2002. С. 160–161.

³⁸⁵ А ведь речь идет именно о высшей и таинственнейшей форме *слепого* послушания старцу, со всецелым вручением в руки его своего спасения.

слушничества (а значит, и старчества) не нужно многого. <...> Нужно лишь одно: чтобы кто-то решился на смерть — смерть ради Христа...»³⁸⁶. Неужели же в эпоху глубочайшего духовного оскудения, которое в таких страшных образах было приоткрыто древним отцам, один из высочайших монашеских подвигов — всецелое послушание старцу — может оставаться все в той же силе и полноте? Но что значит тогда откровение святому Пахомию о том, что в последние времена не будет руководителей и большинству монахов придется самим возбуждать себя к деланию добра? Да ведь и мы воочию видим сегодня, как эти откровения сбываются со всей точностью. Нам известны многочисленные примеры того, как неопытные, совершенно не сведущие в духовной жизни люди становятся «духовными наставниками» по причине легкомыслия, безответственности, весьма поверхностного понимания христианства, характерных нашему времени, причем почти все они, несмотря на свою неискусность, требуют от своих послушников всецелого послушания и доверия. Ужасно слышать, какие странные учения сегодня навязывают своим ученикам такие «скороиспеченные старцы», какое совершенно чуждое духу святоотеческому поведение внушают им! Чаще всего они как раз и полагают: что бы ни повелевал наставник, что бы ни делал сам, какие нелепости ни требовал бы от своих послушников, — «чудо послушания» все покроет, все исправит, всему научит. Не будем описывать известные нам достоверно конкретные факты, свидетельствующие

---

³⁸⁶ *Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 28.*

о таких искажениях, дабы не приводить в крайнее смущение тех верующих, которые хоть отчасти знакомы со святоотеческим учением. Доказательством того, что эта болезнь сегодня весьма обострилась, служит тот факт, что и священноначалие Русской Православной Церкви посчитало своевременным рассмотреть этот вопрос на уровне Священного Синода. Так, в 1998 году вышло постановление Синода о «младостарчестве». В заключительном 12-м пункте его постановляется: «Напомнить православной пастве о том, что советы духовника не должны противоречить Священному Писанию, Священному Преданию, учению святых отцов и каноническим установлениям Православной Церкви; в случае же расхождения таковых советов с указанными установлениями предпочтение должно отдаваться последним. В связи с этим обратить внимание на слова преподобного Симеона Нового Богослова о том, как должны строиться отношения между духовным чадом и духовником: “Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного и святого руководителя. Также и сам исследуй Божественные Писания, особенно же практические сочинения святых отцов, чтобы, сравнивая с ними то, чему учит тебя учитель и предстоятель, ты смог видеть это, как в зеркале, и сопоставлять, и согласное с Божественными Писаниями принимать внутрь и удерживать в мысли; а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много в эти дни стало прельстителей и лжеучителей”»³⁸⁷.

³⁸⁷ Свобода и послушание. Духовничество истинное и ложное / Сост. Г. и Т. Дублинские. М., 2002. С. 30–31.

Полагаем, это *напоминание* Священного Синода Русской Православной Церкви и *обращение* им *внимания* паствы к достопримечательным словам святого Симеона (к которым и мы в своей книге не раз обращались) действительно ставит точку в конце нашего расследования о том, несет ли для нас всех сегодня объективную и насущную значимость *голос заботливого предостережения* святителя Игнатия (Брянчанинова).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

[*Агапит (Беловидов), архимандрит*]. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997.

Бумис П. Непогрешимость Православия. Критерий основания и единства. М., 2001.

Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошания учеников. М., [1993].

Василий Великий, святитель. Творения. Ч. V. М., [1996?]. (Репр. с изд.: ТСЛ³⁸⁸, 1901).

Григорий Богослов, святой. Собрание творений: В 2 т. М., 1994. (Репр. с изд.: СПб., [1912]).

Григорий Синаит, преподобный. Творения. М., 1999.

Дневник послушника Николая Беляева (преподобного Оптинского старца Никона). М., 2004.

Добролюбие: В 5 т. Т. 5. ТСЛ, 1993. (Репр. изд.).

Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия Брянчанинова о послушании в свете Святоотеческого Предания. М., 2002. 64 с.

Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. ТСЛ, 1993. (Репр. с изд.: 1855, 1965 гг.).

Древний Патерик. М., 1899.

Дьяченко Г., протоиерей. Уроки и примеры христианской веры: Опыт катехизической хрестоматии. М., 1998. (Репр. с изд.: СПб., 1902).

Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. М., 2002. (На обложке: «Полное жизнеописание святителя Игнатия, епископа Кавказского»).

---

³⁸⁸ ТСЛ — Свято-Троицкая Сергиева Лавра. — Ред.

Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Оптиная пустынь, 2001.

Житие Оптинского старца иеромонаха Леониды (в схиме Льва). Оптиная пустынь, 1994. (Преподобные старцы Оптинские).

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству св. Димитрия Ростовского. Кн. девятая: [Месяц май]. Оптиная пустынь, 1992. (Репр. с изд.: М., 1908); Кн. одиннадцатая: [Месяц июль]. Оптиная пустынь, 1992. (Репр. с изд.: М., 1910).

Заветы жизни. Из жизни и учения архимандрита Епифания Феодоропулоса. М., 2005.

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Сочинения: [В 7 т.]. Т. 1: Аскетические опыты. М., 1993. (Репр. с изд.: СПб., 1886).

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Сочинения: [В 7 т.]. Т. 2: Аскетические опыты. М., 1989. (Репр. с изд.: СПб., 1905).

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Странствие ко вратам вечности. Переписка с Оптинскими старцами и П.П. Яковлевым, делопроизводителем свт. Игнатия. М., 2001.

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Творения: [В 7 т.]. Т. 5: Приношение современному монашеству. М., 1993. (Репр. изд.).

Иоанн Дамаскин, преподобный. Творения. М., 1997. (Святоотеческое наследие. Т. 3).

Иоанн Дамаскин, святой. Точное изложение православной веры. М.; Ростов-на-Дону, 1992. (Репр. с изд.: СПб., 1894).

Иоанн Кассиан Римлянин, преподобный. Писания. ТСЛ, 1993. (Репр. с изд.: М., 1892).

Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. СПб., 1995.

Иоанн Мосх, блаженный. Луг духовный: Пер. с греч. ТСЛ, 1991. (Репр. с изд.: Сергиев Посад, 1915).

Иосиф, монах. Старец Иосиф Исихаст. Житие. Учение. «Десятигласная труба» и толкования на нее. ТСЛ; Валаам, 2000.

Иосиф Афонский, старец. Изложение монашеского опыта. ТСЛ, 1998.

Иосиф Ватопедский, монах. Блаженный послушник. Жизнеописание старца Ефрема Катунакского. М., 2004.

Иосиф Дионисиатис, монах. Старец Арсений пещерник, сподвижник старца Иосифа Исихаста. М., 2002.

Исаак Сирин, авва, святой. Слова подвижнические. М., 1993. (Репр. с изд.: Сергиев Посад, 1911).

Исидор Пелусиот, преподобный. Письма. Т. 1. М., 2000.

Киприан Карфагенский, святой. Творения. Киев, 1861. Т. 2.

Книга Правил святых Апостолов, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец. ТСЛ, 1992. (Репр. с изд. 1893 г.).

Концевич И. М. Оптиная пустынь и ее время. ТСЛ; Владимир, 1995. (Репр. с изд.: Джорданвилль, 1970).

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.

Макарий Египетский, преподобный. Духовные беседы. Клин, 2001.

Меркурий, монах. В горах Кавказа. Записки современного пустынножителя. М., 1996.

Минея. Месяц июлий. М., 1996. (Репр. с изд.: Киев, 1893); Месяц ноемврий. М., 1997. (Репр. с изд.: Киев, 1893).

Минея общая. М., 1998.

Никон (Беляев), иеромонах. Завещание духовным детям. Куйбышев, 1990.

Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994.

Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). [Брюссель], б. г. (Репр. изд.).

Паисий Святогорец, старец. Письма. ТСЛ, 2001.

Палестинский патерик. Житие преподобного Саввы Освященного. ТСЛ, 1996. (Репр. с изд.: Сборник аскетических писаний, извлеченных из патериков обители св. Саввы Освященного, что близ Иерусалима / [Сост.] епископ Феофан [Затворник]. М., 1907).

Палладий (Добронравов), епископ. Великое светило Египта. Полное жизнеописание преподобного Пахомия Великого. М., 2002.

Петр Дамаскин, преподобный. Творения. М., [1993].

Путь немечтательного делания. Игумения Арсения и схимонахиня Ардалиона: [Жизнеописания, письма, поучения]. М., 1999.

Рафаил (Карелин), архимандрит. О послушании монахов и мирян: [Статья]// Архимандрит Рафаил (Карелин): Официальный сайт (<http://karelin-r.ru>).

Свобода и послушание. Духовничество истинное и ложное / Сост. Г. и Т. Дублинские. М., 2002.

Святое Евангелие от Иоанна с толкованием блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. М., 1996.

Святое Евангелие от Луки с толкованием блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. М., 1997.

Серафим (Чичагов), митрополит. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря: В 2 ч. М., 1996. (Репр. изд.).

Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения: [В 3 т.]. Т. 1: Слова 1–52. ТСЛ, 1993. (Репр. с изд.: М., 1892); Т. 2: Слова 53–92. ТСЛ, 1993. (Репр. с изд.: М., 1890).

Симеон Новый Богослов, святой. 12 слов в русском переводе. Сергиев Посад, 1911.

Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия: В 3 ч. М., 1995. (Репр. с изд.: Сергиев Посад, 1909).

Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского / Сост. игумен Марк (Лозинский). М.; СПб., 1995.

Старец Ефрем Катунакский. М., 2002.

Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги. Изречения и извлечения из его сочинений. М., 1994. (Репр. с изд.: М., 1889).

Старец Силуан / [Сост.] иером. Софроний (Сахаров). М., 1994.

Феодор Студит, преподобный. Огласительные поучения и завещание. М., 1998. (Репр. с изд. 1896 г.).

Феофан, епископ. Письма // Душеполезное чтение. М., 1896.

Феофан [Затворник], епископ. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Письма. Л., 1991. (Репр. изд.).

Феофан Затворник, святитель. Внутренняя жизнь. Избранные поучения. М., 2001.

Феофан Затворник, святитель. Творения. Собрание писем. Вып. I–II; V–VI; VII–VIII. Печеры; М., 1994. (Репр. изд.).

Цыпин В., протоиерей. Церковное право: Учеб. пособие. М., 1996.

Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество // *Четвериков С., протоиерей.* Правда христианства. М., 1998.

Четвериков С., протоиерей. Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
«Голос заботливого предостережения».....	7
«Богословие непослушания»	22
«Человека-то днем с огнем не найдешь».....	28
«Путь, свидетельствуемый святыми отцами».....	39
«Вы моему погрешению не последуйте»	53
Святитель Игнатий и Оптинские старцы	63
«Праведных души в руке Божией».....	79
Смешение понятий	89
«Иди, продай волю твою»	104
«Чтобы не попасть вместо врача на больного» ..	122
«Слепец же слепца еще водит...»	132
«Зачинаху овцы по жезлом»	144
Неканоничная икона	161
«Злое древо плоды злы творит»	172
Вода, которая не утоляет жажду	183
«Неискусный кормчий губит корабль».....	198
«Благонадежнейший способ руководства»..	218
«Прямая истина о духовной жизни».....	232
Слепое послушание.....	238
«Надо понимать дух времени».....	259
«Не нарицайте себе отца на земли».....	273
Заключение.....	290
Список использованной литературы	298

Архимандрит Лазарь
(Абашидзе)

ГОЛОС ЗАБОТЛИВОГО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

*Учение о послушании
святителя Игнатия, епископа Кавказского,
в свете аскетического опыта святых отцов последних веков*

Редактор монахиня *Иулиания (Самсонова)*
Оформление обложки *Таисии Абуелоакер*
Технический редактор *София Шкляр*
Корректоры *Юлия Матвеева, Марина Новакова*
Компьютерная верстка *Елены и Михаила Ежовых*

Подписано в печать 09.11.09. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная.
Объем 9,5 печ. л. Тираж 15 000 экз. Заказ № .

Издательство Саратовской епархии
410056, Саратов, ул. Вольская, 55

Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

